

Публицистика

- Анархия (памфлет)
- Анархия и порядок
- Анархия и насилие
- Анархическая революция
- Анархисты и профессиональные союзы
- Анархисты забыли свои принципы
- Анархисты в настоящее время
- Анархистская пропаганда
- Анархизм и организация
- Большинство и меньшинство
- Взаимопомощь (эссе)
- Во имя правды
- Демократия и анархия
- Идея о хорошем правительстве
- Классовая борьба или классовая ненависть?
- Индивидуализм и анархизм
- Муссолини у власти
- На коллективной ответственности
- На пути к Анархии
- Небольшая теория
- Ни демократы, ни диктаторы: анархисты
- О науке
- О проблемах профсоюзного движения
- Отказ от Учредительного собрания как отказ от диктатуры
- Проект организации анархистов
- Проправительственные Анархисты
- Рабочие и интеллектуалы

- Рассуждения по «Рабочее движение и анархизм»
- Революционная спешка
- Революция и террор
- Революция на практике
- Редакционная почта
- Реформизм
- Синдикализм и анархизм
- Ужасные бандиты
- Что делать?
- Парижская коммуна

Анархия (памфлет)

1891, источник: [здесь](#).

Анархия – это слово, которое пришло из греческого языка, и означает – строго говоря – «безвластие»: состояние людей без какой бы то ни было законной власти.

До того как подобная организация общества стала восприниматься в качестве возможной и желаемой целым классом мыслителей, таким образом, чтобы явиться целью движения (которое сейчас стало одним из наиболее важных факторов в современной социальной борьбе) слово «анархия» повсеместно использовалось в значении беспорядка и хаоса, и оно по-прежнему употребляется в этом значении несведущими людьми, а также ее противниками, заинтересованными в искажении правды.

Нам не следует пускаться в философские дискуссии, так как вопрос этот не философский, а исторический. Обычная интерпретация слова не дает неправильного представления о его истинном этимологическом значении, но отделяет от него — из-за предубеждения, согласно которому правительство является необходимым для организации социальной жизни, и таким образом, общество, лишённое правительства, должно быть предано хаосу и колебаться между бесконтрольным доминированием одних и слепой местью других.

Существование этого предубеждения и его влияние на значение, которым публика наделила слово, могут быть легко объяснены.

Человек, как и все живые существа, адаптируется к условиям, в которых он живет, и передает свои приобретенные навыки по наследству. Таким образом, родившись и живя в неволе, будучи частью длинной цепи рабства, человечество, начав думать, обретает веру в то, что рабство – неотъемлемая часть его жизни, в то время как свобода кажется ему невозможной. Таким образом рабочий, веками принуждаемый зависеть от расположения своего начальника в отношении работы, а значит, и в отношении насущного хлеба, привыкший видеть свою жизнь в полном распоряжении тех, кому принадлежит земля и капитал, заканчивает верой в то, что существует некий господин, дарующий ему пищу, и простодушно задается вопросом, как было бы возможно жить, если бы над ним не было этого господина.

Аналогичным образом, человек, чьи конечности были бы связаны с рождения, но кто, тем не менее, научился бы прихрамывая передвигаться, мог бы приписывать этим самым путам, связывающим его, возможность двигаться, хотя, на самом деле, вполне возможно, они бы, напротив, уменьшали и парализовывали энергию мускулов его конечностей.

Затем, если мы добавим к естественному эффекту привычки образование, данное ему господином, пастором, учителем и так далее, заинтересованными во внушении ему того, что

начальник и правительство необходимы; если мы также добавим судью и полицейского, которые принуждают тех, кто думает иначе и может попробовать пропагандировать свое мнение – хранить молчание, то мы сможем понять как предубеждение о пользе и необходимости господ и правительств были установлены. Представьте, что врач представил абсолютно новую теорию с тысячей умело сделанных иллюстраций, чтобы убедить человека со связанными конечностями, что если их освободить, он бы только не смог не только нормально ходить, но и выжить. Человек бы стал яростно защищать свои бандажы и счел бы врагами всех, кто попытался бы их снять.

Таким образом, если существует вера в то, что правительство необходимо, и без него неизбежны беспорядок и хаос, естественно и логично полагать, что анархия, которая означает отсутствие правительства, должна также означать отсутствие порядка.

Этот факт имеет свою параллель в истории слов. В те эпохи и в тех странах, где люди полагали необходимым правление одного человека (монархию), слово «республика» (что означает «власть множества») использовалась именно в значении «анархия», воплощая в себе беспорядок и хаос. Следы этого значения слова по-прежнему обнаруживаются в самых употребляемых языках почти во всех странах.

Когда это мнение изменится, и общество убедят в том, что правительство не только не обязательно, но и крайне опасно, слово «анархия» — именно потому, что оно означает «отсутствие правительства» — станет равным выражениям «естественный порядок, гармония потребностей и интересов всех, полная свобода и полная солидарность».

Таким образом, те, кто считает, что анархисты неправильно выбрали свое имя, потому как оно ошибочно понято массами и ведет к ложной интерпретации, неправы. Ошибка исходит не от слова, а от бытия. Сложность, с которой столкнулись анархисты, распространяя свои взгляды, зависит не от имени, которое они себе дали, а от того факта, что их концепции бьют по закоренелым предубеждениям людей, касающимся функционирования правительства, или так называемого «государства».

Прежде чем двигаться дальше, мы считаем разумным объяснить это самое последнее слово («Государство»), которое, по нашему мнению, и является настоящей причиной большей части недопонимания.

Как правило, анархисты используют слово «Государство», чтобы объединить весь спектр институций: политических, законодательных, юридических, военных, финансовых и т.д., посредством которых ведение их собственных дел, руководство их собственным поведением и обеспечение их собственной безопасности отделяются от людей и ограничиваются определенными индивидами, которые – в свою очередь – посредством узурпации или делегации, получают право на принятие всеобъемлющих законов для всех, а также принуждают общество их уважать, доводя использование коллективной силы сообщества до предела.

В этом случае «Государство» означает «правительство», или, если вам так больше нравится, это абстрактное выражение, персонификацией которого является правительство. В этом

случае выражения в духе «Ликвидация государства» или «Общество без государства» полностью соотносятся с концепцией разрушения каждой политической институции, основанной на власти, и основания свободного и равного общества, основанного на гармонии интересов и всеобщем добровольном участии в удовлетворении социальных нужд, которую хотят выразить анархисты.

Тем не менее, у слова «Государство» есть и множество других значений, некоторые из которых приспособились к неверному толкованию, особенно будучи использованными людьми, чей печальный социальный статус не оставляет им свободного времени для того, чтобы привыкнуть к изысканной исключительности научного языка; или – что еще хуже – будучи адаптированными нашими противниками, заинтересованными в запутывании смысла или не желающими его понять. Таким образом, слово «Государство» довольно часто используется для обозначения любого заданного общества, или группы людей, объединенных заданной территорией и образующих так называемый «общественный союз», независимо от того, каким образом формируется заданная группа и каковы отношения между ее членами. «Государство» также часто используется просто как синоним слова «общество». Основываясь на этих двух определениях слова, наши противники верят, или скорее – делают вид, что верят в то, что анархисты хотят уничтожить всякого рода социальные связи и коллективный труд, сведя состояние человека к изоляции, то есть, состоянию худшему, чем дикость.

Опять же, под словом «Государство» понимается только высшее руководство страны, центральная власть, как отделенная от власти местной и общинной, а следовательно, другие считают, что анархисты всего навсего хотят децентрализации власти, оставляя нетронутым сам принцип правительства, и таким образом, смешивают анархию с кантоническим или коммунистическим правительствами.

Наконец, «Государство» обозначает «состояние, образ жизни, порядок общественной жизни, и т.д.», и таким образом, мы говорим, например, что необходимо изменение экономического состояния рабочих классов, или что анархическое государство – это единственное государство, основанное на принципах солидарности и другие подобные фразы. Таким образом, если мы также (уже в другом смысле) говорим о том, что хотим ликвидировать государство, сначала наши слова могут показаться абсурдными и противоречащими друг другу.

Именно по этим причинам, мы считаем, что использовать такое выражение как «ликвидация государства» нужно как можно реже, а вместо этого – заменить его на другое, более ясное, более конкретное выражение – «ликвидация правительства».

Последнее станет выражением, используемым в ходе написания этого эссе.

Как мы уже сказали, анархия есть общество без правительства. Но является ли упразднение правительства возможным, желанным, разумным? Посмотрим.

Что есть правительство? Есть такое психическое заболевание, которое называется «склонность к метафизике», которое после того как человек путем логического процесса

отделил свойство от объекта, вызывает у него своего рода галлюцинацию, заставляющую его воспринимать абстрактное как нечто реально существующее. Эта склонность к метафизике, вопреки многочисленным прорывам позитивных наук, по-прежнему имеет глубокие корни в умах большинства наших современников. Влияние ее настолько глубоко, что многие считают правительство реальной сущностью, с определенными заданными атрибутами разума, справедливости, беспристрастности, независимыми от людей, входящих в его состав.

Для тех, кто думает подобным образом, правительство, или Государство, есть абстрактная общественная сила, и оно представляет – всегда абстрактно – некий общий интерес. Оно есть выражение прав всех и считается ограниченным правами каждого. Это понимание правительства поддерживается теми заинтересованными лицами, для которых сохранение принципа власти, его выживание вопреки всем проступкам и ошибкам обладающих властью людей есть насущная необходимость.

Для нас правительство есть скопление правителей, а эти правители – короли, президенты, министры, члены парламента, и мало ли кто еще есть те, кто обладает властью принимать законы, регулирующие отношения между людьми, и принуждать повиноваться этим законам. Они – те, кто принимает решения и собирает налоги, усилиют военные войска, судят и наказывают нарушителей законов. Они подчиняют людей правилам, контролируют и санкционируют личные соглашения. Они монополизировали определенные отрасли продукции и общественных служб, или – если они захотят – все производство и все общественные службы. Они продвигают обмен товарами или препятствуют ему. Они начинают войну или заключают мир с правительствами других стран. Они признают свободную торговлю или препятствуют ей, это же касается многих других вещей. Одним словом, правители – это те, кто обладают властью в большей или меньшей степени, чтобы использовать коллективную силу общества, то есть, физическую, интеллектуальную и экономическую силу всех, принудить всех к исполнению их (правителей) воли. И эти правители, по нашему мнению, формирует сам принцип государства и власти.

Но в чем причина существования правительства?

Зачем отказываться от собственной свободы, собственной способности к самостоятельным действиям в пользу других людей? Зачем давать им возможность становиться господами, с согласия каждого или без него, использовать силы всех в своих личных целях? Неужели правители — настолько одаренные люди, что это дает им право – хоть как-то обоснованное – представлять массы и действовать в интересах всех людей лучше, чем могли бы это сделать сами люди? Неужели они настолько непогрешимы и неподкупны, что мы можем доверить им себя, с неким подобием благоразумия, судьбу каждого и всех, доверяя их знанию и добродетелям?

И даже если бы существовали люди, обладающие безграничной добродетелью и знанием, даже если мы предположим, что то, что никогда не случалось на протяжении истории, и что, как нам кажется, никогда не могло случиться, а именно то, что правительство могло бы передать свои права самым способным и самым лучшим, добавило ли бы обладание властью что-либо их благотворному влиянию? Или напротив, парализовало и разрушило его? Ибо те,

кто правит, считают необходимым заниматься вещами, которые им непонятны и – более того – тратят большую часть их энергии на удержание своей власти, одержимые желанием удовлетворять потребности себя и своих друзей, держа недовольных под контролем и приручая бунтовщиков.

Опять же, будь правители хорошими или плохими, мудрыми или невежественными, как они добиваются власти? По праву, через войну, завоевание или революцию? Если так, то что гарантирует народу их добрые намерения? В этом случае это лишь вопрос узурпации, а если субъекты недовольны, им ничего не остается, кроме как скинуть ярмо и взяться за оружие. Избираются ли правители определенным классом или партией? Если это так, то идеи и интересы этого класса или партии одержат победу, в то время как желания и интересы других будут принесены в жертву. Избираются ли они всеобщим голосованием? Сейчас цифры являются единственным критерием, и очевидно, что цифры не могут являться доказательством ни разума, ни справедливости, ни правоспособности. Путем всеобщего голосования избираются те, кто лучше других знает, как завоевать массы. Меньшинство, которому может не хватить лишь одного человека, приносится в жертву. Более того, как показывает опыт, невозможно создать электоральную систему, которая действительно гарантирует выбор большинства.

Люди пытались найти множество разнообразных теорий для оправдания существования правительства. Тем не менее, все они основаны – признается это или нет – на том предположении, что члены общества имеют противоположные интересы, и что внешняя верховная власть необходима для принуждения одних следовать интересам других, путем предписывания и навязывания правил поведения, согласно которым каждый может получить максимум удовлетворения при минимальных затратах. Если, как говорят сторонники авторитарной школы, интересы, стремления и желания одного индивида противоречат интересам другого индивида или даже всего общества, кому достанется право и власть принудить одного из них уважать интересы другого или других? Кто будет в состоянии предотвратить нарушение общей воли отдельно взятым гражданином? Границей свободы каждого, говорят они, является свобода других; но кто установит эти границы, и кто гарантирует их неприкосновенность? Естественный антагонизм интересов и страстей рождает необходимость правительства и оправдывает власть. Власть вклинивается в этот процесс в качестве модератора социальной борьбы и определяет границы прав и обязанностей для каждого.

Это теория, но дабы не оставаться пустым звуком, теория должна быть основана на объяснении фактов. Мы хорошо знаем, что социально-экономические теории слишком часто изобретаются для оправдания фактов, то есть, для того чтобы защитить привилегии и склонить их жертв к смиренному принятию ситуации. А теперь посмотрим на эти факты самостоятельно.

В течение всего хода истории – и настоящее время не исключение – правительство было либо бесчеловечно, либо жестоко, доминирование меньшинства над большинством – деспотично. А может, это лишь инструмент, разработанный для того, чтобы обеспечить доминирование и привилегии того, кто силой, хитростью или пользуясь своим правом наследования присвоил себе все средства существования, в первую очередь, землю, за счет

чего держит людей в подчинении, заставляя их работать для собственного обогащения?

Правительства подавляют человечество двумя способами: либо прямо, используя грубую силу, то есть, физическое насилие, либо косвенно, лишая их средств к существованию и таким образом делая их беспомощными. Политическая власть была порождена первым методом; экономические привилегии растут из второго. Правители также могут подавлять человека, спекулируя на его эмоциональной жизни, и этот способ составляет религиозную власть. Нет никакой причины для пропаганды религиозных предрассудков, кроме той, что они защищают и объединяют политические и экономические привилегии.

В примитивном обществе, когда мир был населен не так густо как сейчас, и социальные отношения были менее сложными, если какое-то обстоятельство препятствовало формированию привычек и обычаев солидарности или разрушало те, что уже существовали, и устанавливало доминирование одного человека над другим, две силы – политическая и экономическая – объединялись в одних руках, часто – в руках одного человека. Те, кто силой завоевывал и ослаблял других, принуждал людей становиться слугами и потакать всем их капризам. Победители были одновременно владельцами, законодателями и палачами.

Но с ростом популяции, а также ростом потребностей, с усложнением социальных отношений затянувшаяся цепь подобного рода деспотизма стала невозможной. Для своей собственной безопасности правители, зачастую против своей воли, были принуждены зависеть от привилегированного класса, а значит, от некоторого числа разделяющих их интересы индивидов, помимо этого, они были вынуждены наделять каждого из этих индивидов средствами к существованию и поддержкой. Тем не менее, они сохраняли за собой право использовать и эксплуатировать всех согласно их собственному удобству и таким образом удовлетворять их королевское тщеславие. Таким образом, частная собственность развилась в тени правящей силы, с целью ее поддержки и – часто бессознательно – как ее соучастник. Класс собственников возник и мало-помалу концентрируя в своих руках все средства производства – истинный источник жизни – сельское хозяйство, промышленность и обмен, — стал самодостаточной силой. Эта сила, вследствие превосходства их методов воздействия, а также огромного количества контролируемых ими интересов, всегда заканчивала более или менее открытым подчинением политической власти, то есть, правительства, которое она превращала в своего стража.

Этот феномен многократно повторялся в истории. Каждый раз когда путем военного вмешательства физическая грубая сила овладевала господством над обществом, завоеватели демонстрировали тенденцию к концентрированию власти и собственности в их собственных руках. Тем не менее, в связи с тем что правительство не в состоянии следить за производством материальных благ, а также контролировать и направлять все, оно вынуждено располагать к себе класс власть имущих, таким образом снова вводя частную собственность. Что, в свою очередь, приводит к выделению двух общественных групп, а именно, людей, которые контролируют коллективную силу общества, и собственников, от которых глубоко зависимы сами правители, потому как собственники командуют ресурсами так называемой коллективной силы.

Никогда прежде это положение дел не было так акцентировано как сейчас. Развитие производства, невероятное расширение торговли, громадная власть, которую приобрели деньги и все экономические последствия открытия Америки, изобретение машин и т.д. обезопасили превосходство капиталистического класса, который более не довольствуется доверием к правительству, и стремится к тому, чтобы правительство состояло из его собственных представителей, постоянно им контролируемое и организованное специально с целью его защиты от возможной мести обделенных. Таково происхождение современной парламентарной системы.

Сегодня правительство состоит из собственников или людей, настолько полно находящихся под их влиянием, что самые богатые даже не утруждают себя тем, чтобы принимать в его делах активное участие. Ротшильд, например, не нуждается в том, чтобы быть членом парламента или министром, ему вполне достаточно сделать так, чтобы члены парламента и министры оказались зависимы от него.

Во многих странах пролетариат номинально участвует в выборах правительства. Это уступка, на которую пошла буржуазия (то есть, собственники), либо чтобы обеспечить себя поддержкой большинства в соперничестве с королевской или аристократической властью, либо чтобы отвлечь внимание людей от их собственной эмансипации, наделяя их мнимой долей политического влияния. Но предвидела это буржуазия или нет, когда она впервые дала людям право на голосование, в действительности, оно обернулось пародией, служащей лишь для того, чтобы укрепить ее власть, и дающей иллюзорную надежду на приход к власти лишь самых активных представителей пролетариата.

Так и со всеобщим избирательным правом, можно даже сказать, в особенности, со всеобщим избирательным правом — правительство остается слугой и защитником буржуазного класса. Как могло бы быть иначе? Если бы правительство дошло до состояния враждебности, если бы надежда на демократию стала не более чем иллюзией, вводящей людей в заблуждение, класс собственников, почувствовав угрозу своим интересам, немедленно бы восстал и использовал все свои силы и влияние, полученные им благодаря обладанию собственностью, чтобы сократить функции правительства до полицейских.

Во все времена и во всем мире неважно, какое имя выбирает для себя правительство и каково его происхождение, организация, — его главной функцией остается угнетение и эксплуатирование масс и защита угнетателей и эксплуататоров. Его главная характеристика и неперенные инструменты – это полиция и сборщики налогов, солдаты и тюрьма. К этому непременно добавляется наличие священников или учителей, которые, поддерживаемые и защищаемые правительством, существуют для того, чтобы превратить человеческий дух в подобострастный и сделать людей покорными рабами.

Естественно, с течением времени помимо этой первостепенной миссии к основной отрасли правительственной деятельности были добавлены и другие ведомства. Мы даже признаем, что никогда или почти никогда правительство не существовало в стране, возникшей без примеси функций угнетения и эксплуатации других – полезных и необходимых для социальной жизни. Но этот факт, тем не менее, подтверждает, что правительство по своей природе есть средство эксплуатации, и его судьба – быть защитой доминирующего класса,

таким образом подтверждая и приумножая зло его доминирования.

Правительство осуществляет функцию защиты более или менее активно в отношении прямых и грубых атак на жизнь граждан, признает и легализует некоторую часть прав, примитивных традиций и привычек, без которых невозможна жизнь в обществе. Оно организует и управляет рядом социальных служб, таких как почта, здравоохранение, благотворительные организации, тюрьмы и т.д., и выдает себя за защитника и благодетеля бедных и слабых. Но для того, чтобы доказать нашу точку зрения достаточно заметить, как и почему оно выполняет эти функции. В действительности все, за что берется правительство инспирировано духом доминирования и рассчитано на то, чтобы защищать, приумножать и сохранять привилегии собственности и тех классов, представителем и защитником которых является правительство.

Правительство ни дня не может управлять государством, не пряча свою истинную натуру под маской всеобщей необходимости. Оно не может уважать жизни привилегированных граждан, не делая вид, что заботится о жизни всех. Оно не может обеспечить принятие привилегий одних, не притворяясь хранителем общих прав. «Закон» (и, конечно, те, кто делают его законом, то есть, правительство) «использует», — как говорит Кропоткин, — «социальные чувства человека, перерабатывая их в правила морали, которые человек принимает совместно с договоренностями, выгодными меньшинству – эксплуататорам – и противоречащими интересам тех, кто мог бы взбунтоваться, если бы все это не оправдывалось некой моральной основой».

Правительство не может желать разрушения общества, так как если это произойдет, оно и доминирующий класс не смогут получать доход от эксплуатации; правительство также не может позволить обществу самому заниматься своими делами, так как в этом случае люди очень быстро выяснят, что оно (правительство) было необходимо по одной единственной причине — для защиты класса собственников, которые и доводят их до нищеты, и тогда люди поторопятся избавиться как от правительства, так и от класса собственников.

Сегодня перед лицом непрекращающихся и устрашающих требований пролетариата, правительства склонны вмешиваться в отношения между работодателями и работниками. Таким образом они пытаются остановить трудовое движение и путем введения иллюзорных реформ затруднить попытки слабых взять то, что принадлежит им по праву, в частности, равную долю того хорошего в жизни, чем наслаждаются остальные.

Мы также должны помнить о том, что, с одной стороны, буржуазия, то есть, класс собственников воюет между собой и постоянно уничтожает друг друга, и что, с другой стороны, правительство, также состоящее из буржуазии и действующее как ее слуга и защитник, тоже – как и всякий слуга или защитник – постоянно пытается освободиться и господствовать над ней. Таким образом, эта неустойчивая игра, эти колебание между потерей и возвращением, этот поиск союзников среди народа против классов и среди классов против масс, формируют науку правления и ослепляют простодушных и флегматичных, тех, кто всегда ожидает спасения, снисходящего на них сверху.

Принимая все это во внимание, можно сделать вывод о том, что правительство не меняет своей натуры. Если оно действует в роли регулировщика и гаранта прав и обязанностей каждого, то оно извращает чувство справедливости. Оно оправдывает нечестное и наказывает за каждое действие, оскорбляющее или ставящее под угрозу привилегии правителей и собственников. Оно объявляет справедливой и легальной самую жестокую эксплуатацию несчастных, что фактически означает их медленное и непрерывное физическое, а также моральное убийство, совершаемое теми, кто обманывает тех, у кого ничего нет. И снова если оно обеспечивает общественные услуги, оно всегда ориентируется на интересы правителей и собственников, не обращая внимания на интересы рабочих масс, разве что в той мере, в какой это необходимо для того, чтобы массы были готовы продолжать платить налоги. Если оно отдает приказы, оно сковывает и урезает правду, и стремится подготовить умы и сердца молодых людей к тому, чтобы они стали либо безжалостными тиранами, либо покорными рабами, согласно классу, к которому они принадлежат. В руках правительства все становится орудием эксплуатации, все служит полицейской мерой, полезной для сохранения контроля над людьми. Так и должно быть. Если жизнь человечества состоит в борьбе человека с человеком, естественно, что должны быть победители и побежденные, и правительство, которое является средством обеспечения безопасности и сохранения результатов триумфа победивших, конечно, никогда не будет делиться ими с теми, кто проиграл. Неважно, будет борьба вестись на уровне физического и интеллектуального противостояния или в экономической сфере. А те, кто боролся за то, чтобы сохранить для себя условия лучшие, чем могут позволить себе другие, за то, чтобы получить привилегии и добавить к власти полное доминирование, и добились успеха, конечно, никогда не будут использовать все это для защиты прав покоренных и ограничения власти – собственной, а также своих друзей и сторонников.

Правительство – или Государство, если вам угодно, — как судья, арбитр в социальной борьбе, беспристрастный администратор общественных интересов – это ложь, иллюзия, утопия, которая никогда не была и не будет реализована. Если на самом деле интересы людей всегда должны противоречить друг другу, если действительно борьба между людьми сделала законы необходимыми для человеческого общества, и свобода индивида должна быть ограничена свободой других индивидов, тогда каждый всегда будет стремиться к первенству своих интересов по отношению к остальным. Каждый из всех сил будет стремиться к тому, чтобы расширить границы собственной свободы за счет свободы других, и будет существовать правительство. Не только потому, что иметь правительство более или менее полезно для цельности общества, но и потому что победители захотят защитить плоды своей победы. Затем они захотят подчинить покоренных и освободить себя от бремени постоянного ожидания нападения, и назначат особенно приспособленных для этого людей на должность полицейских. Если бы все действительно было так, то человечеству было бы уготовано погибнуть среди периодического противоборства тирании доминирующих и бунтов побежденных.

Но, к счастью, будущее человечества счастливее, потому как правящий закон более мягок.

Таким образом, в вековом противодействии между свободой и властью или, другими словами, между социальным равенством и социальными кастами, спорным вопросом являются не отношения между обществом и индивидом или рост частной независимости

ценой потери социального контроля или наоборот. Скорее, этот вопрос связан с тем, как не дать одному человеку притеснять других, с тем, как дать каждому одинаковые права и одинаковую возможность действовать. Он связан с тем, как заменить инициативу меньшинства, которая непременно выливается в подавление остальных, инициативой большинства, которая должна естественным образом привести к всеобщей пользе. Одним словом, это всегда вопрос того, как положить конец доминированию и эксплуатации человека человеком таким образом, чтобы все были заинтересованы в общем благе, и чтобы сила человека не была направлена на то, чтобы подавлять, бороться и притеснять других, а давала возможность личностного развития; чтобы все старались взаимодействовать с другими людьми во имя большей пользы для всех.

Из того, что мы сказали, следует, что существование правительства (даже если принять гипотезу о том, что возможно существование идеального правительства, выдвигаемую авторитарными социалистами) вместо того, чтобы порождать увеличение производительной силы, будет ее чрезвычайно уменьшать, потому что правительство будет отдавать инициативу в руки меньшинства. Оно даст этому меньшинству право делать все что угодно, естественно, не имея возможности наделить его знанием или пониманием происходящего.

В действительности, если законодательную деятельность и работу правительства избавить от того, что призвано защитить привилегированных, а также от того, что представляет желания исключительно привилегированного класса, не останется ничего кроме скопления отдельных должностных лиц. «Государство», — говорит Сисмонди, — «это всегда консервативная сила, которая санкционирует, регулирует и организует завоевания прогресса (и история свидетельствует о том, что это используется на благо самого правительства и других привилегированных классов), но никогда не иницирует их. Новые идеи всегда приходят снизу, зарождаются в основании общества, а затем, будучи обнародованными, получают оценку экспертов и растут. Но на своем пути они вынуждены всегда встречать и побеждать уже сформированные силы традиции, обычая, привилегии и заблуждения».

Для того, чтобы понять как общество могло бы существовать без правительства, достаточно на короткое время обратить наше внимание на то, что действительно происходит в современном обществе. Мы должны увидеть, что в действительности сегодня самые важные функции выполняются вне вмешательства правительства. А также то, что правительство вмешивается в происходящее исключительно с целью эксплуатации масс, или защиты привилегированного класса, или, наконец, для санкционирования (как правило ненужного) всего того, что было сделано без его помощи, часто – вопреки или в рамках сопротивления ему. Люди работают, производят обмен, учатся, путешествуют, следуют современным правилам морали или гигиены так, как считают нужным; они извлекают пользу из прогресса науки и искусства, имеют бесчисленное количество общих интересов, не чувствуя ни малейшей потребности в том, чтобы кто-то указывал им на то, как себя вести в отношении всех этих вопросов. Напротив, именно эти вещи, свободные от вмешательства правительства, процветают и приводят к сокращению разногласий, будучи бессознательно приспособленными к желаниям всех таким образом, чтобы быть наиболее полезными и приемлемыми для всех.

В правительстве также нет необходимости для организации масштабных предприятий или общественных служб, которые требуют постоянного сотрудничества множества людей, представляющих различные социальные группы и страны. Тысячи таких предприятий даже сейчас являются результатом труда добровольно сформированных союзов. И по всеобщему признанию именно такие предприятия преуспевают больше остальных. Это не относится к капиталистическим ассоциациям, организованным путем эксплуатации, хотя даже они демонстрируют возможности и силы свободного союза, который может разрастаться до тех пор, пока не охватит людей всех стран, не включит в себя самые широкие и разнообразные интересы. Скорее, мы говорим о тех союзах, которые вдохновляются человеколюбием, или страстью к знаниям, или просто желанием заниматься приятным делом и получать похвалу, потому как они гораздо лучше представляют те собрания, которые будут существовать в обществе, где частная собственность и бесконечная борьба между людьми будут уничтожены, где каждый найдет интересы, совместимые с интересами каждого из других членов общества, а также величайшее удовлетворение в том, чтобы делать добро и радовать остальных. Научные сообщества и конгрессы, международная спасательная шлюпка и ассоциации «Красного креста», союзы рабочих, общества мира, добровольцы, которые спешат на помощь каждый раз, когда случается катастрофа: все они – среди тысяч таких же — являются примерами того, как сила союзного духа всегда проявляется тогда, когда возникает нужда или воодушевление охватывает людей, и средства не подводят их. Виной тому, что эти добровольные союзы не покрывают весь мир и не охватывают каждую ветвь материальной и духовной деятельности, являются препятствия, которые ставят на их пути правительства, конфликты, порождаемые наличием частной собственности, а также беспомощность и деградация, к которым привела большую часть человечества монополизация материальных ценностей меньшинством.

Правительство, к примеру, осуществляет контроль над почтой и телеграфом. Но каким образом оно действительно содействует им? В тот момент, когда люди почувствуют потребность в этих службах они подумают о том, как организовать их, и человеку с необходимыми техническими знаниями не придется получать сертификат от правительства, чтобы иметь возможность приступить к работе. Чем более повсеместной и срочной будет необходимость – тем больше добровольцев предложат свои услуги для решения проблемы. Смогут ли люди добывать и распределять пищу? Бояться нечего – они не умрут от голода в ожидании принятия соответствующего закона от правительства. Где бы не существовало правительство, оно должно дожидаться момента, когда люди организуют все необходимое, а затем прийти со своими законами, чтобы санкционировать и эксплуатировать то, что было сделано до него. Очевидно, что частный интерес – прекрасный мотив для любой деятельности. Поэтому когда всеобщий интерес становится интересом каждого (и это непременно будет так, как только будет уничтожена частная собственность), активны будут все. Если сейчас они готовы работать во имя интересов меньшинства, то насколько больше и лучше они будут работать, чтобы удовлетворить всеобщие нужды. Сложно понять, как кто-либо может верить в то, что социальные услуги, необходимые для жизни общества, могут быть защищены правительством лучше, чем самими производящими людьми, которые исходя из собственного выбора или соглашения с другими, предоставляют их под контролем самих заинтересованных.

Конечно, в каждом коллективе, отвечающем за большой объем работ, необходимо разделение труда, техническое руководство, администрация и т.д. Но сторонники авторитаризма всего-навсего играют словами, когда делают вывод о том, что существование правительства обосновано реальной необходимостью организации труда. Мы должны повторить, что правительство есть всего лишь собрание индивидов, которые получили или захватили право или средства для того, чтобы устанавливать законы и принуждать людей подчиняться им. Управляющие, инженеры и т.д., с другой стороны, это люди, принимающие или берущие на себя ответственность за определенную работу. Правительство подразумевает делегирование полномочий, то есть, передачу инициативы и независимости всех в руки меньшинства. Администрирование предполагает делегирование работы, то есть, свободный обмен услугами, основанный на свободном соглашении.

Анархия и порядок

Источник: [здесь](#).

«Анархия», говорят буржуа, когда рабочие или крестьяне грабят фабрикантов или помещиков. «Порядок», говорят они же, когда фабриканты и помещики грабят рабочих и крестьян.

На самом же деле, то и другое есть проявления современной государственности. Анархией же, в истинном значении этого слова, называется такое положение вещей, когда не только никто никого не грабит, но не существует даже ни поводов, ни возможности для насилий и грабежа.

Собственность, семья и государство, – вот неисчерпаемые источники злобы, насилий и страданий. Взрыв протеста, направленный к уничтожению этих источников зла, не только буржуа, но и радикалы-интеллигенты называют анархией, вкладывая в это слово всю глубину своего негодования и укоризны.

Дымящиеся развалины, виселицы с черными силуэтами трупов на фоне кровавого зарева, вопли отчаяния и крики злобы, – это не анархия, а революция. Анархия – это цветущие нивы, тенистые сады, просторные мастерские, залитые ярким солнцем, и вместо криков злобы и отчаяния – бодрые песни свободного труда. Нет ни начальников, ни подчиненных, нет ни поработителей, ни поработенных, ни насилия, ни покорности; свобода, равенство и братство не в законодательных актах, не на фронтонах общественных зданий, а на всех путях жизни и в сердце каждого, – вот Анархия.

Обыватель представляет себе анархиста кровожадным убийцей с динамитной бомбой в руках, приготовленной для мирного буржуа. Но взгляните на статистические таблицы смертности: бедных умирает втрое больше, чем богатых. Кто убил их преждевременно? Богатые и государство, защищающее богатство. Вот истинные убийцы – не десятков, не сотен, а миллионов бедняков, преждевременно сошедших в могилу от голода, насилий и болезней. И на защиту их встали анархисты. Но не кинжал и бомба – главное оружие их борьбы: это оружие – пропаганда.

Буржуа и власти могут спокойно спать, пока с пропагандой анархических идей они борются идейной же пропагандой. Только когда они начинают бороться с пропагандой насилием, анархисты – апостолы свободы и равенства, с болью в сердце вместо книги берутся за бомбу.

Даже накануне того дня, когда идеи анархизма станут всеобщим достоянием, буржуа и власти могут не дрожать за свою жизнь. Не жизнь хотят взять у них анархисты, но власть и собственность, чтобы растворить в народном море.

Но если в великий день земного страшного суда обладатели власти и собственности оценят их дороже своей жизни и согласятся скорее расстаться с жизнью, чем с собственностью и властью, – они получают то, что хотят.

Анархия и насилие

1924, источник: [здесь](#). Американские известия. 1924. № 149. С.2.

Анархия значит: отсутствие насилия, отсутствие господства человека над человеком, отсутствие давления силы воли одного или нескольких на волю других.

«Анархия», т.е. общество свободных солидарных братьев, гарантирующих максимум свободы развития и возможного счастья, может и должна восторжествовать только при согласовании интересов, при добровольной взаимопомощи, при любви, уважении, взаимотерпимости, и при взаимной благожелательности.

Несомненно, существуют другие люди, другие партии, другие учения, так же искренне преданные общему благу, как и лучшие из нас. Но то, что отличает анархистов от всех других, это именно отвращение к насилию, желание и стремление уничтожить насилие, т.е. грубую силу, соперничество между людьми.

Можно было бы даже сказать, что то, что особенно отличает анархистов, то есть идея уничтожения жандарма, идея исключения из общественных факторов порядка, предписанного грубой силой, будь она законной или незаконной. Но тогда можно было бы спросить, почему же в нынешней борьбе против политико-социальных учреждений, признанных анархистами угнетающими, они превозносили и применяли, превозносят и применяют, когда могут, средства насилия, настолько однако явно противоречащие их конечным идеалам, что иногда многие честные противники думали и все бесчестные притворились, что думают, будто отличительной чертой анархизма является именно насилие. Вопрос, как будто затруднительный, но на него можно ответить немногими словами: для того, чтобы два существа жили в мире, нужно, чтобы оба хотели мира, так как, если один из них упорствует и заставляет силой другого работать на себя и служить себе, другой, если он желает сохранить человеческое достоинство и не быть обращенным в самое низкое рабство, будет принужден противопоставить силу силе, несмотря на всю свою любовь к миру и согласию.

Предположите, например, что у вас стычка с каким-нибудь Думини (*убийца денутата-социалиста Матеоти — прим. перев.*), он вооружен, а вы безоружны, с ним многочисленная банда — вы одни или с немногими, он уверен в своей безнаказанности — вас же смущает мысль о возможности прихода жандармов, которые вас арестуют, будут издеваться над вами, засадят вас в тюрьму бог ведает насколько времени, — скажите же мне, можно ли было бы тут думать выйти из этого трудного положения, убеждая Думини разумными доводами быть справедливым, добрым, мягким?

Первопричина всех зол, которые мучили и до сих пор мучают человечество, исключая, конечно тех, что зависят от враждебных сил природы, это тот факт, что люди не поняли, что

согласие и братская взаимопомощь были бы лучшим средством к обеспечению для всех максимума благ. Более сильные и более хитрые захотели подчинить себе и эксплуатировать остальных: достигнув преимущественного положения, они захотели навеки укрепить его за собой, создавая для своей защиты всякого рода постоянные органы принуждения. Отсюда та жестокая борьба, которой полна история, несправедливое злоупотребление, зверское угнетение с одной стороны, сопротивление с другой. Тут не приходится делать различия между партиями. Кто хотел освободиться, должен был противопоставить силу — силе, оружие — оружию. Однако каждый, находя вполне необходимым и справедливым употреблять силу для защиты своих собственных интересов своего класса, своей страны, осуждал однако во имя какой-то отвлеченной морали насилие, когда оно в ущерб его интересам служило интересам, классу, стране других.

Так, например, здесь в Италии те самые, которые прославляют вполне справедливо войну за независимость и воздвигают мраморные и бронзовые памятники в честь А. Милано, Орсини, Обердан, те, кто посвящали пламенные гимны Софье Перовской и другим мученикам далеких стран, называли преступниками анархистов, когда те явились требовать полной свободы и справедливости для всех людей и открыто заявили, что сегодня, как и вчера, пока существуют угнетение и привилегии, до тех пор народное восстание, бунт личности или массы останутся необходимым средством для завершения освобождения. Я вспоминаю, как по поводу одного нашумевшего анархического покушения некто, стоявший в первых рядах социалистической партии и только что вернувшийся с турецко-греческой войны, очень громко кричал при одобрении своих товарищей, что человеческая жизнь всегда священна и что даже во имя свободы нельзя на неё покушаться. Видно жизнь турков и цель освобождения греков были исключением.

Что это? Нелогичность или лицемерие?

Однако анархическое насилие является единственным, которое находит себе оправдание, единственным, которое не является преступным.

Я говорю, конечно, о насилии с действительно анархическими чертами, а не о тех или иных фактах слепого и неразумного насилия, приписанных анархистам или даже совершенных настоящими анархистами, которые дошли до отчаяния благодаря преследованиям или ослепленными благодаря своей чрезмерной чувствительности, которую разум не смог умирить, ослеплёнными видом общественной несправедливости, собственным горем или при виде чужого горя.

Насилие истинно анархическое, это — насилие, которое прекращается там, где прекращается необходимость защиты и освобождения. Оно смягчается сознанием, что личности, взятые в отдельности, мало или совсем не ответственны за то положение, которое им создали наследственность и среда; анархическое насилие, вдохновляется не ненавистью, а любовью; оно священно, потому, что добивается освобождения всех, а не замещения власти других собственной властью.

В Италии есть партия, которая в целях высокой культуры старалась уничтожить в массах всякую веру в насилие и дошла до того, что считала массы ответственными в каком бы то ни

было сопротивлению, когда наступил фашизм. Мне кажется, что Турати (*вождь итальянских социал-реформистов — прим. перев.*) сам более или менее ясно признал этот факт и сожалел о нем в своей речи в Париже в память Жореса.

Анархисты не лицемерят. На силу нужно отвечать силой: сегодня бороться против угнетений сегодняшнего дня, завтра — против того угнетения, что попытается заменить сегодняшнее. Мы хотим свободу для всех, для нас и для друзей так же, как и для наших противников и врагов. Свободу мысли и свободу пропаганды, свободу работать и устраивать свою собственную жизнь по своему, но, конечно, не свободу — и пусть коммунисты не занимаются игрой слов — не свободу для уничтожения свободы и экспроприации работы других.

Анархическая революция

Источник: [здесь](#). Малатеста пишет о понимании революции, ее целях, реакции. Он отмечает в очередной раз, что для успеха революции необходимы определенные объективные условия, но впрочем не только они. Он рассказывает о псевдо-революционных группах, стремящихся заменить одну власть другой, о правительствах, которые становятся выразителями новой буржуазии и уничтожают насколько возможно завоевания революции.

Революция — это создание новых живых учреждений, новых групп, новых социальных отношений, это уничтожение привилегий и монополий. Это новый дух справедливости, братства, свободы, который должен обновить всю общественную жизнь, повысить моральный уровень и материальное положение масс, призывая их обеспечить, своим прямым и сознательным действием свое собственное будущее. **Революция** — это организация всех общественных услуг, теми, кто их предоставляет в собственных интересах, а также в интересах народа; это уничтожение всех принудительных связей; это автономия групп, коммун, регионов; это свободная федерация, вызванная стремлением к братству, индивидуальными и коллективными интересами, потребностями производства и обороны. **Революция** — это учреждение бесчисленных свободных групп на основе всех существующих среди людей идей, пожеланий и вкусов; это формирование и роспуск тысяч представительских, районных, коммунальных, региональных, национальных органов, которые, не имея никакой законодательной власти, координируют и извещают о потребностях и интересах людей повсеместно, и которые действуют информацией, советом и примером. **Революция** — это свобода, которая и продолжается пока длится свобода, то есть до тех пор пока иные, воспользовавшись усталостью, что овладевает массами, неизбежными разочарованиями, следующими за преувеличенными надеждами, вероятными ошибками и человеческими недостатками, не преуспевают в деле формирования власти, которая поддерживаемая армией призывников или наемников, устанавливает закон, останавливает движение в точке, которую оно достигло, а затем начинает реакцию.

Подавляющее большинство анархистов, если я не ошибаюсь, считают, что человеческое совершенство и анархия, не будут достигнуты даже в несколько тысяч лет, **если революцией, совершенной сознательным меньшинством, не будет создана необходимая среда для свободы и благополучия**. По этой причине мы хотим, совершить революцию как можно скорее, и чтобы сделать это мы должны воспользоваться преимуществом всех положительных сил и каждой возникшей благоприятной ситуации. Задача сознательного меньшинства в извлечении пользы из каждой ситуации, для изменения окружающей обстановки в направлении, которое сделает возможным образование всего народа. А поскольку сегодняшние реалии, которые обрекают массы на нищету, поддерживаются путем насилия, мы пропагандируем и готовимся к насилию. Вот почему мы революционеры, а не потому, что мы отчаянные люди, жаждущие мести и наполненные ненавистью. Мы революционеры, потому что мы верим, что только революция, насильственная революция, может решить беды, с которыми мы сталкиваемся. Более того,

мы считаем, что революция является актом воли — воли отдельных лиц и народных масс, что для ее успеха **требуется определенные объективные условия, но она не происходит по необходимости, неизбежно, только благодаря действию экономических и политических сил.**

Наша задача быть революционерами не только в философском смысле этого слова, но и в популярном и повстанческом смысле, я говорю это, чтобы четко разграничить свои взгляды и взгляды тех, кто называет себя революционерами, но кто не желает привести в мир насилие, восстание, которое должно открыть путь для революционных достижений.

Анархия может быть достигнута только после революции, которая сметет первые существенные препятствия. Понятно, что наши усилия должны в первую очередь быть направлены на совершение революции таким образом, чтобы приблизить анархию. Мы должны вызвать революцию всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами, и действовать в ней, как анархисты, выступая против установления любого авторитарного режима и реализуя насколько это возможно нашу программу. Анархисты должны будут воспользоваться преимуществами большей свободы, которую мы выиграем. Мы должны быть морально и технически готовы к реализации в пределах нашей численности, тех форм социальной жизни и сотрудничества, которые мы считаем лучшими и наиболее подходящими для прокладывания пути в будущее.

Мы не хотим ждать, пока массы станут анархистами, прежде чем совершить революцию, поскольку мы убеждены, что они никогда не станут анархистами, если сначала учреждения, которые их поработают, не будут уничтожены. А поскольку мы нуждаемся в поддержке масс, чтобы создать силу достаточной мощности и для достижения нашей конкретной задачи радикального изменения общества путем прямого действия масс, мы должны приблизиться к ним, принять их как они есть, и из их рядов стараться подтолкнуть их вперед как можно больше. Это, конечно, если мы действительно намерены работать над практическим достижением наших идеалов, а не довольствоваться проповедями в пустыне, только для удовлетворения нашей интеллектуальной гордыни. Мы не считаем революцию синонимом прогресса, исторического видения жизни. В этом смысле все люди революционеры. Когда кто-то в дискуссии ссылается на мудрость веков, каждый согласится со всем, что он говорит. Но когда мы говорим о революции, когда массы говорят о революции, когда ссылаются на нее в истории, имеют в виду просто торжествующее восстание. Восстания будут необходимы, пока есть властные группы, которые пользуются их материальной силой, чтобы добиться послушания от масс. *Совершенно ясно, только, что произойдет множество восстаний, прежде чем народ выиграет тот минимум необходимых условий для свободного и мирного развития, когда человечество сможет идти к своим благороднейшим целям без жестокой борьбы и бесполезных страданий.*

Под революцией мы не подразумеваем исключительно восстание, но мы должны избегать замены одного государственного принуждения другим. Мы должны четко различать революционный акт, который разрушает насколько возможно старый режим, и ставит на его месте новые учреждения, и правительство, которое приходит после, чтобы прекратить революцию и подавить столько революционных завоеваний сколько сможет.

История учит нас, что все достижения, которые являются результатом революции, были закреплены в период народного энтузиазма, когда либо признанное правительство не существовало либо было слишком слабо, чтобы противостоять революции. Но как только было сформировано правительство, сразу началась реакция, которая служила интересам старых и новых привилегированных классов и отнимала у народа все, что могла. Наша задача состоит в том, чтобы совершить и помочь другим совершить революцию, пользуясь любой возможностью, и всеми имеющимися силами: развивая революцию в максимально возможной степени как в конструктивной, так и в деструктивной роли, и всегда оставаясь в оппозиции к образованию какого-либо правительства, игнорируя его или борясь с ним в пределах наших возможностей.

Мы больше не станем признавать как республиканскую конституцию, так и парламентскую монархию. Мы не можем помешать этому, если люди хотят этого. Мы иногда можем даже быть с ними за одно в борьбе против попыток восстановления монархии, но мы будем желать и требовать полной свободы для распространения своих идей, словом и делом, для тех, кто думает, как мы, и кто хочет жить вне опеки и гнета правительства. Революционеры, да, но прежде всего анархисты.

1. Разрушение политической власти является первой обязанностью угнетенного народа.

2. Любая организация, якобы временной, революционной, политической власти для этого разрушения является ничем иным как уловкой, и будет так же опасна для народа, как и все существующие правительства.

3. Отказываясь от любых компромиссов, чтобы совершить революцию, рабочие мира должны установить солидарность революционного действия, выходящую за рамки буржуазной политики.

Эти анархистские принципы, которые были сформулированы под влиянием Бакунина на конгрессе в **Санкт-Имье, 1872**, по-прежнему указывают хорошее направление для нас сегодня. Те, кто пытались действовать в противоречии с ними, исчезли, потому что как бы они не определялись, правительство, парламент, диктатура может только привести людей обратно в рабство. Весть опыт это подтверждает. Разумеется, для делегатов Санкт-Имье, как для нас, и всех анархистов, упразднение политической власти невозможно без одновременного разрушения экономических привилегий.

Революция должна ликвидировать материальные силы, существующие для защиты привилегий и для предотвращения любого реального социального прогресса.

Благодаря этому убеждению многие считают, что важно лишь восстание, упуская то, что должно быть сделано, чтобы предотвратить превращение восстания в чистый акт насилия конечным ответом на который явится акт реакционного насилия. Мы пришли к следующему заключению: социальная реорганизация это то, над чем мы должны думать прямо сейчас, и когда старое будет разрушено, мы будем иметь более человеческое и справедливое общество, которое будет более восприимчиво к будущим достижениям. Альтернативой этому может быть то, что лидеры подумают над этими проблемами, и мы получим новое правительство, которое будет заниматься тем же, что и все предыдущие правительства: заставлять людей

платить за скудные и бедные услуги, которые оно предоставляет, забирать их свободу и позволять всякого рода паразитам и эксплуататорам угнетать их.

Для того, чтобы упразднить полицию и все вредные социальные институты, мы должны знать, чем заменить их не в более или менее отдаленном будущем, а немедленно, в тот же день когда мы начнем разрушать. Только тот разрушает, эффективно и навсегда, кто заменяет разрушенное чем-то другим, а откладывать на более поздний срок решение проблем, которые представляются неотложной необходимостью, значит дать время учреждениям которые мы намерены упразднить оправиться от шока и вновь заявить о себе, возможно, под другими названиями, но, конечно, с такой же структурой.

Наши решения могут быть приняты достаточно большой частью населения, и мы добьемся анархии или сделаем шаг к ней, либо они не будут поняты и приняты, и тогда наши усилия будут служить в качестве пропаганды и представят широкой общественности программу для недалекого будущего. Но, в любом случае, у нас должны быть предварительные решения, для поправок и пересмотров в свете практики, у нас должны быть наши решения, если мы не хотим пассивно принять решения, навязанные извне, и ограничиться невыгодной ролью бесполезных и бессильных ворчунов.

Я считаю, что мы анархисты, будучи убеждены в обоснованности нашей программы, должны приложить особые усилия, чтобы приобрести преобладающее влияние для того, чтобы быть в состоянии повернуть движение в направлении реализации наших идеалов, но мы должны приобрести это влияние, будучи более активными и более эффективными, чем другие. Только в этом случае это будет достойное приобретение. Сегодня мы должны тщательно изучать, развивать и пропагандировать свои идеи и координировать наши усилия для совместных действий. Мы должны действовать внутри народных движений, чтобы они не ограничивались и не были искажены, исключительно требованиями небольших улучшений возможных в капиталистической системе, и стремясь побудить их служить для подготовки полного и радикального изменения нашего общества. Мы должны работать среди масс неорганизованных и, возможно, неорганизуемых, людей, чтобы пробудить в них дух восстания, желания и надежды на свободное и счастливое существование, мы должны инициировать и поддерживать все возможные движения, которые ведут к ослаблению власти правительства и капиталистов и повышению морального уровня и материального положения населения. Мы должны подготовиться, в моральном и материальном плане, к революционному акту, который должен открыть путь к будущему. А завтра, во время революции, мы должны играть активную роль в необходимой физической борьбе, стремясь сделать ее настолько радикальной, насколько возможно, чтобы уничтожить все репрессивные силы правительства. Побудить людей к владению землей, домами, транспортом, заводами, шахтами, и всеми существующими товарами, а также организовывать себя так, чтобы получить справедливое непосредственное распределение продуктов питания. В то же время мы должны организовать обмен товарами между общинами и регионами, и продолжать наращивать производство и те услуги, которые приносят пользу людям.

Мы должны, всеми возможными способами, и в соответствии с местными условиями и возможностями, поощрять деятельность ассоциаций, кооперативов, групп добровольцев — в

целях предотвращения возникновения новых авторитарных групп, новых правительств, борясь с ними, применяя насилие, если необходимо, но прежде всего, делая их бесполезными. И если не будет достаточной поддержки в народе, чтобы предотвратить восстановление правительства, его авторитарных институтов и репрессивных органов, мы должны отказаться сотрудничать и признавать его, и восстать против его требований, заявляя права на полную автономию для себя и для всех инакомыслящих меньшинств. Мы должны оставаться в состоянии открытого восстания, если это возможно, и подготовить почву для преобразования сегодняшнего поражения в будущий успех. Я не считаю, что важен триумф наших планов, проектов и утопий, которые в любом случае будут нуждаться в подтверждении практикой и опытом, и в результате должны будут измениться, развиваться или адаптироваться под существующие моральные и материальные условия времени и места. **Важно прежде всего то, что люди, все люди должны потерять свои овечьи инстинкты и привычки, которые укоренились в их сознании в течении векового рабства, и что они должны научиться думать и действовать свободно. Именно этой задаче освобождения, анархисты должны уделить свое внимание.**

После того как правительство будет свергнуто, или по крайней мере нейтрализовано, задачей людей, и особенно людей инициативных и обладающих организаторскими способностями, будет обеспечить удовлетворение насущных потребностей. Подготовиться к удовлетворению будущих путем уничтожения привилегий и вредных учреждений и в то же время следя за тем, чтобы полезные учреждения, которые сегодня служат правящему классу, исключительно или в основном, действовали на благо всех и каждого. Работа анархистов — быть воинственными хранителями свободы от всех претендентов на власть и от возможной тирании большинства. **Мы сошлись на том, что наряду с проблемой обеспечения победы над материальными силами противника, существует также проблема наделения жизнью революции после победы. Мы согласны, что революция, которая приведет к хаосу, не будет живой революцией.**

Но не следует преувеличивать, не следует думать, что мы должны и можем найти идеальное решение для каждой возможной проблемы. Не следует пытаться предвидеть и предопределить слишком многое, потому что вместо подготовки к анархии, мы начнем потакать недостижимым мечтам, или даже станем авторитариями, сознательно или нет, предлагая действовать как правительство, которое именем свободы и народной воли подчинит народ своему господству. Дело в том, что нельзя обучить людей, действовать по своему усмотрению, если они не в состоянии, или не вынуждены в силу необходимости. А так же убедить в том, что революционная организация людей, полезная и необходимая, не может длиться неопределенно долго. В определенный момент, если она не перерастет в революционное действие, или правительство душит ее, или сама организация вырождается и распадается — и приходится начинать все заново с самого начала.

Я не могу согласиться с мнением, что все прошлые революции, поскольку они не были анархическими революциями, были бесполезны, как и с тем, что будущие революции, которые все еще не будут анархическими, будут бесполезными. Я считаю, что полная победа анархии придет эволюционным путем, постепенно, а не путем насильственной революции: когда предшествующая или несколько предшествующих революций уничтожат основные военные и экономические препятствия, противостоящие духовному и

материальному развитию народа, и препятствующие увеличению производства до уровня потребностей и желаний. В любом случае, если мы примем во внимание нашу небольшую численность и преобладающие среди большинства взгляды, и если мы не желаем путать наши желания с реальностью, мы должны ожидать, что следующая революция не будет анархической, и поэтому более уместным будет подумать, о том, что мы можем и должны делать во время революции, в которой мы будем относительно небольшим и плохо вооруженным меньшинством.

Но мы должны остерегаться становится менее анархистами только потому, что люди не готовы к анархии. Если они хотят правительства, вряд ли мы сможем предотвратить формирование нового правительства, но это не значит, что мы не должны пытаться убедить людей, в том, что оно является бесполезным и вредным, или помешать ему навязать себя нам и другим, похожим на нас, и не желающим его. Мы должны будем приложить усилия, чтобы обеспечить улучшение общественной жизни и в особенности экономических стандартов без вмешательства со стороны правительства, и потому мы должны быть готовы насколько это возможно решать практические вопросы производства и распределения, помня, что наиболее подходит для организации работы тот, кто сейчас этой работой занимается. Если мы не в состоянии предотвратить образования нового правительства, если мы не в состоянии уничтожить его немедленно, мы должны в любом случае отказаться поддерживать его в любой форме. Нам следует отказаться от призыва на военную службу и отказаться от уплаты налогов. Неповиновение в принципе, сопротивление до конца всему, что навязывают власти, и категорический отказ принять любой довод власти.

Если мы не в состоянии свергнуть капитализм, мы должны будем требовать для себя и для всех, кто хочет этого, право на свободный доступ к необходимым средствам производства, чтобы сохранить независимое существование. Советовать, когда у нас есть что предложить; учить, если мы знаем больше, чем другие; быть примером для жизни на основе свободного соглашения между людьми; защищать, даже применяя силу, если это необходимо и возможно, нашу автономию от любой правительственной провокации, но командовать, регулировать или править — никогда! Таким образом, мы не добьемся анархии, которая не может быть навязана против воли народа, но мы, по крайней мере, подготовим почву для нее. Мы не должны ждать бесконечно пока отомрет государство или пока наши правители, поддавшись нашим уговорам, станут частью народа и отдадут свою власть.

Анархисты и профессиональные союзы

1924, источник: [здесь](#), Голос труда. 1924. №216. С. 1-2.. Доклад к анархическому конгрессу в Париже 1923 г. сделанный итальянским анархистом Эррико Малатеста. Автор рассуждает о взаимодействии анархистов с профсоюзами и структуре анархической организации. Перев. с немец. Е. Ярчук.

Анархическая Федерация Италии сделала доклад о позиции, занятой синдикалистскими организациями в истекшей борьбе. Старая тактика, — пишется там, — должна быть и все ошибки таковой устранены, чтобы в грядущих битвах синдикалистские организации явились бы действительными организациями борьбы. В большинстве случаев, лучшие из наших товарищей постоянно страдали от преследований, подвергаясь тяжелым тюремным наказаниям. Очень часто не представлялось возможности войти в сношения с товарищами и оказать помощь преследуемым. Говоря это из собственного опыта, я принимаю ответственность за сказанное, полагая, в то же время, что большинство товарищей, находящихся и по ныне в рядах «Union Anarchica Italia» разделяют мое мнение.

Мы анархисты, с давних пор стремились к организационному объединению пролетариата. Глашатаями живой организации всегда являлись товарищи, стоящие в наших рядах. Современные рабочие организации, — полагали мы всегда, — должны показать всю унижительность рабочего ига, уяснить рабочим, как посредством этих организаций можно достичь свободы; развивать сверх того, солидарность и взаимопомощь в борьбе эксплуататоров и притеснителей и готовить их к организации производства в духе безгосударственного социализма. Но в этих экономических организациях больше толковалось о бесполезных вещах, чем о действиях, и направлениях к осуществлению нашей идеи. Перед нами встал вопрос: входить ли в экономические организации или оставаться вне их? — Нет, мы должны принять участие во всех актах, стремиться придать им определенный характер, не взирая на опасности, стоящие на пути. Влившись в экономические организации, мы сможем объяснить всю несостоятельность так называемых вожаков. Тарифные договоры, различные компромиссы и соглашения профсоюзов с государством и капиталом является достаточной иллюстрацией тому, как поступают вожди с массой. Таким образом явится возможность готовить рабочих к социальной революции.

Спустя два года по окончании войны, накануне фашизма, мы, большей частью, стояли вне революционных экономических организаций.

Казалось, надвигается революция. Да, можно сказать, что в течении двух последних лет была проведена большая духовная и материальная работа для дела революции. Но масса не

прониклась еще нашими идеями, а те идеи и методы, которые она усвоила, не могли привести к революции. Итак, масса нам необходима, и хотя она уже готова к действию, ей, однако не достает проникновения духом анархизма.

Взглянем на дело с другой стороны: революция без массы если и возможна, то она, в самом лучшем случае, приносит лишь новое правительство; правительство же никогда не в состоянии водворить свободу, даже если бы оно состояло из анархистов.

Однако, воздерживаться от повседневной борьбы, сторониться всякого экономического движения исключительно на том основании, что мы не можем немедленно воплотить в жизнь наше понятие о справедливости, равносильного стремлению осуществить анархизм без обладания экономическими силами. Во всяком случае, необходимо обеспечить себе доверие масс. Для успеха дела нам нужно достичь единства в вопросе о путях наилучшего приближения к массе. Но многие из наших товарищей стоят на той точке зрения, что настоящий путь является ложным, что добиваться свободы должен каждый сам по себе в отдельности. Подвергнем анализу данное. Если бы кто захотел осуществить для собственной личности в рамках современного строя, — тот непременно вынужден был бы направиться по пути организации. Я надеюсь, что конгресс исследует критически мои выводы и придет к ясным определениям.

По моим воззрениям, нам нужно идти в экономические организации, проводя там работу в нашем духе, ибо стояние в стороне от них производит впечатление, что мы являемся противниками всякой организации. В результате окажется, что в момент действия нам заявят, что мы пришельцы, к нашим советам и нашей помощи отнесутся не внимательно или совсем ее отклонят. Я говорю здесь, конечно, о действительных экономических организациях, имеющих своим фундаментом свободное соглашение, но не об организациях, признанных властью и капиталом. Нам необходимо идти в указанные организации, чтобы служить примером и попытаться удалить оттуда все ненастоящее, искусственное, воспитывать одновременно в сочленах дух самостоятельных борцов.

Что же касается занятия специальных должностей в данных организациях, то я должен сказать, что частая смена людей, находящихся у руля, имела бы громадное значение. Каждому члену надо представить возможность обучиться делу организации. Руководящие личности должны доказать, что они входят в движение не из желания разыгрывать из себя вожakov, но ради самого движения. Этого мало: наше внимание всегда должно быть направлено в сторону революции, мы всегда должны быть готовы начать борьбу за ее осуществление.

Вполне понятно выступление анархистов против авторитарного коммунизма, ибо последний обуславливает правительство, желающее господствовать над всей социальной жизнью, передав, вместе с тем, организацию производства в руки чиновников; притеснения и эксплуатация, таким образом, сохраняются, парализуя все живые силы общества.

Синдикалисты, идущие как будто тем же путем, как и анархисты, отличаясь от централистских профсоюзов федералистским построением своих организаций стремятся на место правительства поставить свои организации. Данные организации, говорят они, —

должны овладеть всеми богатствами и взять на учет все наличные средства питания. Посредством же организаций должно регулироваться производство и транспорт.

Но подобный захват посредством организаций вряд ли осуществим на деле. Еще менее удастся наладить транспортную связь между отдельными отраслями производства, как и сообщение между различными странами. Здесь должны развить свою деятельность наши группы. В группах, а главное в народных собраниях должны выбираться надлежащие люди, которым поручается регулирование делами в тех областях, где организации не могли бы справляться удовлетворенным образом.

Когда небольшая кучка людей, руководящих организацией, станет на ту точку зрения, что без них дело не пойдет, без них ничего не получится, в тот момент наступает большая опасность для развития революции.

Строй, вызванный к жизни указанными организациями, будет поддерживаться теми же средствами, как и диктатура пролетариата.

Чтобы будущая революция являлась действительно делом освобождения, крайне необходимо образовать наибольшее количество людей, пробудить в них индивидуальность, развить навык к практической и самостоятельной работе, чтобы не поручать дела отдельным лицам. Если мы будем развивать нашу энергию в данном направлении, тогда и на поприще организации мы сможем работать в анархическом смысле.

Мне позволят, быть может, дать обзор анархических организаций, объединенных в «Унию». „Union Anarchica Italiana» является федерацией автономных групп создавшейся для взаимной поддержки в пропагандистской работе, осуществляющей программу, построенную на принципе свободного объединения. В устойчивое время устраиваются конгрессы, созываемые и руководимые бюро печати, избираемый всякий раз на конгрессе.

Вопросы, подвергающиеся рассмотрению конгресса, определяются группами. Группа или федерация групп посылает на конгресс столько делегатов, сколько считается возможным, независимо от числа членов. Таким образом конгресс в состоянии выслушать различные мнения и посредством живой дискуссии наметить правильный путь.

Бюро печати должно поддерживать и облегчать связь между отдельными группами, способствуя таким образом, скорейшему соглашению между ними. Но бюро не обладает никакими средствами навязывать свою волю группам.

Группы и федерации прямо сносятся друг с другом, не прибегая к посредничеству бюро печати. Каждая группа свободна печатать все, что ей захочется, поскольку оно совпадает с общими основными положениями. Нас объединяет наша программа, признанная всеми членами «Унии».

Итак, духовная связь объединяет нас. Утверждающие обратное, благодаря ли незнанию дела или руководимые иными мотивами, заявляя, к примеру сказать, что наша «Уния» является авторитарной организацией, — все они говорят вещи, чуждые действительности.

«Союзы» не взяли себе монополию на анархическую организацию. Инакомыслящие товарищи могут объединяться в другие организации или оставаться изолированными. Мы никому из товарищей ничего не предписываем. Однако, несомненно, что «Союз» развивает наибольшую активность свойственную анархической организации. Она готова помочь любой организации словом и делом, коль скоро речь идет о вопросах, совпадающих с основными положениями «Союза».

Анархисты забыли свои принципы

1914, источник: [здесь](#). Эррико Малатеста размышляет об отношении различного рода социалистов к Первой мировой войне (1914-1918). Поднимая на словах знамя интернационализма и классовой борьбы, многие революционеры проявили свою непоследовательность и социал-шовинизм (в смысле поддержания империалистических, антинародных войн) на практике. Статья написана в самом начале Первой мировой, но уже тогда предсказала будущие ошибки и заблуждения (напр. эсера Бориса Савинкова, выступавшего за продолжение войны после революции 1917 года в России, или же анархо-коммуниста Петра Кропоткина и социал-демократа Георгия Плеханова, призывавших к тому же). Малатеста с классовых позиций анализирует ту ситуацию и предлагает действительно интернациональное решение, не впадая в истерию патриотизма, и призывает революционеров исходить из логики эффективности интернациональной борьбы за освобождение угнетенного класса.

Рискую показаться простаком, но уверяю, никогда бы не поверил в возможность того, что социалисты – даже социал-демократы – одобрили и добровольно вступили бы, на стороне немцев или союзников, в войну, наподобие той, что сейчас опустошает Европу. Что тут сказать, когда это сделали анархисты – пускай немногочисленные, но всё равно товарищи, которых мы любим и уважаем.

Говорят, что нынешняя ситуация показывает крах «наших лозунгов» — лозунгов наших принципов – и что нужно их пересмотреть.

В общем-то, каждый лозунг нужно пересматривать всякий раз, когда он оказывается недостаточным при столкновении с реальностью; но мы имеем другой случай, когда упадок вызван не несовершенством наших лозунгов, а тем, что последние были забыты и преданы.

Вернёмся к принципам.

Я не «пацифист». Я борюсь, так же как все, за торжество мира и братства между всеми людьми; но я также знаю, что эта мечта не может быть исполнена, пока этого не захотят обе стороны, и что пока будут находиться люди, желающие нарушать свободу остальных, обязанность защищать этих самых остальных лежит на них самих, если они не хотят вечно быть поражёнными; а также я придерживаюсь мнения, что лучшая защита – это нападение. Кроме того, я думаю, что угнетённые всегда находятся в статусе законной самообороны, и всегда имеют право атаковать притеснителей. Поэтому я допускаю, что есть войны, которые необходимы, священные войны: освободительные или, как их чаще называют «гражданские» — то есть революции.

Но что общего имеет текущая война с эмансипацией человека — нашей целью?

Сегодня мы слышим, что социалисты слабеют, так же как любые буржуа, будь то во Франции, Германии или в любых других политических либо национальных агломерациях – результатах исторической борьбы – как гомогенных этнографических единицах, каждая из которых имеет собственные интересы, стремления и миссию, противоположные соперникам. И это будет оставаться относительной правдой, пока угнетённые, и особенно несознательные рабочие, не смогут распознать несправедливости в их положении. Ведь тогда есть только один доминирующий класс, имеющий вес; и этот класс, следуя своей цели сохранить и увеличить свою власть, навязать свои предрассудки и идеи, может счесть возбуждение расовой ненависти хорошим средством к этому и направить собственную нацию против «иностранцев» с целью освобождения последних от гнёта, которому те подвергаются, и подчинить их собственной политико-экономической власти.

Но главной задачей тех, кто, как и мы, хочет остановить притеснение и всякую эксплуатацию человека человеком, является пробудить в себе осознание антагонизма интересов притеснителей и притеснённых, эксплуататоров и рабочих, развернуть классовую борьбу внутри каждой страны, проявить как солидарность со всеми рабочими через географические границы, так и неодобрение любых расовых и национальных предрассудков.

И это то, чем мы всегда занимались. Мы всегда твердили, что рабочие всех стран – братья, а врагом – «иностранцем» — является эксплуататор, родился ли он рядом с нами или в отдалённом месте, говорит ли на нашем языке или на любом другом. Мы всегда выбирали союзников, компаньонов по оружию, так же как и врагов, по признаку идей, которые они исповедуют, и позиции, которую занимают в социальной борьбе, но никогда по причине расы или национальности. Мы всегда боролись против патриотизма, который является пережитком прошлого и прекрасно служит интересам угнетателей; и мы гордились быть интернационалистами не только на словах, но и глубоко в душе.

А сейчас ужасные последствия капиталистического и государственного господства должны открыть глаза на то, что мы были правы, даже слепому; большинство социалистов, а также множество анархистов в воюющих странах ассоциируют себя с правительствами и буржуазией своих стран, забывая социализм, классовую борьбу, международное братство и всё остальное.

Какой крах!

Возможно, теперешние события могли показать, что национальные чувства более живы, в то время как чувства международного братства слабее, чем мы думали; но это должно послужить ещё одной причиной для усиления нашей антипатриотической пропаганды, а не для отказа от неё. Эти события также показывают, что во Франции, к примеру, религиозное чувство сильнее, и священники имеют большее влияние, чем мы представляли. Это, что же, причина для нас, чтобы удариться в католичество?

Я понимаю, что могут возникнуть обстоятельства, при которых для общего нормального существования потребуется участие абсолютно всех. Это может быть эпидемия, землетрясение, вторжение варваров, которые разрушают всё, что попадает под руку. В таком случае классовая борьба, различия социальных положений должны быть забыты, и должно быть сделано общее дело против общей угрозы; но только при условии, что все эти разногласия должны быть забыты с обеих сторон. Если кто-то находится в тюрьме во время землетрясения, и есть опасность того, что его раздавит насмерть, наш долг спасти всех, даже надзирателей – при условии, что они сначала откроют двери темниц. Но если надзиратели примут все меры для безопасного нахождения заключённых в тюрьме во время и после катастрофы, то это обязанность заключённых перед самими собой и перед товарищами по неволе оставить тюремщиков наедине с их проблемами и воспользоваться возможностью сохранить себе жизнь.

Если, когда иностранные солдаты вторгнутся на священную землю Отечества, привилегированный класс откажется от своих привилегий и будет действовать так, как будто «Отечество» действительно стало общим достоянием жителей, тогда будет правильно, чтобы все вместе боролись против захватчиков. Но если короли хотят остаться королями, помещики собираются заботиться о своих землях и своих домах, а купцы хотят печься только о своих товарах и даже продавать их по завышенной цене, тогда рабочим, социалистам и анархистам следует бросить их на произвол судьбы и в то же время быть начеку и не упустить возможность избавиться от притеснителей как внутри страны, так и от пребывающих извне.

При любых обстоятельствах обязанность социалистов и особенно анархистов делать всё, что может ослабить государство и капиталистический класс, и принять социализм как единое руководство к совместному действию; либо, если они материально бессильны, чтобы эффективно вести свою деятельность, то, по меньшей мере, отказать врагу в любой помощи и встать в стороне, чтобы сохранить хотя бы свои принципы – что значит сохранить будущее.

Всё, что я сказал – теория, и, возможно, в теории это будет принято большинством тех, кто на практике делает всё как раз наоборот. Как, в таком случае, сказанное можно применить к настоящей ситуации? Что нам следует делать, чего желать в интересах нашего дела?

На этой стороне Рейна говорят, что победа союзников станет концом милитаризма, триумфом цивилизации и т.п. То же самое говорят по другую сторону границы о победе Германии.

По-моему, судя по тому, что они на самом деле из себя представляют – «бешеная собака» из Берлина и «старый палач» из Вены, нет большой уверенности ни в кровавом Царе, ни в английских дипломатах, которые угнетают Индию, предали Персию и разгромили Бурские Республики; ни во французскую буржуазию, уничтожившую марокканцев, ни в тех, из Бельгии, которые допустили зверства к Конго и в значительной степени нажились на них – и

я припомнил только их некоторые произвольно взятые проступки, не говоря о том, что сделали все правительства и капиталистические классы против рабочих и повстанцев в своих странах.

По моему мнению, победа Германии несомненно означала бы триумф милитаризма и противодействия; но триумф союзников подразумевает русско-английское (иначе говоря кнуто-капиталистическое) доминирование в Европе и Азии, воинская повинность и развитие милитаристического духа в Англии, а также клерикализм и, возможно, монархическое противодействие во Франции.

Кроме того, я думаю, что, скорее всего, победу не одержит ни одна из сторон. После длительной войны, огромных потерь жизней и ресурсов обе стороны будут вымотаны и заключат какое-то подобие мира, оставив все вопросы открытыми, готовясь, таким образом, к новой войне, ещё более убийственной, чем настоящая.

Вся надежда на революцию; и, как мне кажется, в побеждённой Германии, по всей вероятности, в связи с настоящим положением вещей, и грянет революция, вот поэтому – и только поэтому – я хочу поражения Германии.

Я, конечно, могу ошибаться в понимании действительного положения. Но, кажется, естественным и основополагающим для всех социалистов (анархистов или других) должно быть не вступать в компромиссы с правительствами и правящими классами таким образом, чтобы была возможность извлечь выгоду из любой представляющейся возможности и, в любом случае, возобновить нашу подготовку к революции и пропаганду.

Анархисты в настоящее время

1930, источник: [здесь](#). Малатеста пишет об изменении отношения к восстанию и разрушению, постреволюционном периоде и целях движения в это время, о роли революции и ее видах, о взятии власти авторитариями и многих других вопросах. Малатеста писал об анархистах 30-х годов 20 века. Сейчас же мы можем абсолютно обратное понимание целей анархизма, так называемыми антиавторитариями.

Ячейка нашего движения с нетерпением обсуждает проблемы, которые может решить революция. Несмотря на то, что предлагаемые решения порой являются многозначными или же недостаточно приемлемыми, это хорошая новость и добрый знак.

Прошли те времена, когда люди верили, что было бы достаточно лишь восстания, победы над армией и полицией, свержения власть имущих, а все остальное получилось бы само собой, то есть восстание является самой важной частью.

Обычно говорилось о том, что предоставление необходимого количества еды, обеспечение достойным жильем и хорошей одеждой для каждого человека, которое произойдет немедленно после победы восстания, будет достаточным для того, чтобы революция обрела твердую почву под ногами и могла перейти к реализации все более и более высоких идеалов. Никто не взял на себя труд проверить, хватит ли товаров для всех, и находятся ли существующие товары в тех местах, где они наиболее необходимы. Демонстрация переполненных товарами магазинов – лишь обманчивое мнение голодных и оборванных толп. Агитаторы, сознательно или нет, создали эту иллюзию как эффективное средство пропаганды. Однако с одной стороны, сегодня хорошо известно, что продукция, которая производится всеми и на благо всех остальных, благодаря механике и химии, может бесконечно расти. С другой стороны, так же верно то, что правилом существующей системы капитализма является производство до тех пор, пока есть вероятность выгодной продажи, как только прибыль перестает расти, прекращается и производство. Если по ошибке или вследствие конкуренции между капиталистами наблюдается случай перепроизводства, то начинается кризис и рынок снова скатывается в ситуацию дефицита, которая наиболее выгодна для производителей и дельцов. Отсюда ясно, насколько опасно распространение веры в изобилие товаров, и в то, что нет сильной необходимости приниматься за работу.

Прошли те дни, когда можно было сказать о том, что разрушение — наша задача, и что наши потомки позаботятся о реконструкции. Это было дешевое заявление, которое может быть взято обратно только тогда, когда неизбежность революции маловероятна. Оно направлено на разжигание отвращения и ненависти к нынешней ситуации и для обострения желания перемен. Тем не менее, ситуации в Европе в настоящее время полна

революционного потенциала; в любой момент есть возможность перейти от теории к практике, от пропаганды к действию. Сегодня самое время вспомнить о том, что жизнь как общества, так и индивидуума не допускает перерыва: и мы, и наши дети вынуждены питаться и как-то проживать каждый последующий день, прежде чем наши дети смогут начать заботиться об этом же.

Таким образом, мы пришли к мнению, что помимо проблемы обеспечения победы над материальными силами противника, существует и проблема обеспечения жизни общества после победы революции. Мы согласны, что революция, которая приводит к хаосу, не есть необходимая революция.

Но не стоит преувеличивать: не думайте, что мы должны и можем найти прямо здесь и сейчас, идеальные решения всех возможных проблем. Не следует желать предвидеть и определить слишком много, потому что вместо подготовки к анархии мы могли бы найти себя потакающими недостижимой мечте или даже стать авторитарными, осознанно или нет, начиная действовать как правительство, которое во имя свободы и блага населения делает людей субъектами своего господства.

Я случайно прочитал странные вещи: странные, если учесть, что они были написаны анархистами.

Например, товарищ говорит, что *«толпа будет справедливо выступать против нас, если мы первыми призовем их к болезненным жертвам революции, а затем мы скажем им: делайте то, что считаете необходимым, собирайтесь вместе, производите и живите вместе, как вам удобнее всего»*.

Что? Разве мы всегда говорим толпе, что они не могут ожидать помощи ни от нас, ни от других? Что они должны добиться своего благополучия сами? Что они будут получать только то, что смогут взять и что смогут обладать только тем, что смогут защитить? Это просто и естественно для нас, инициаторов — попытаться подтолкнуть движение в том направлении, которое кажется нам лучше, и быть готовым, насколько это возможно, ко всему, что должно быть сделано. Тем не менее, остается основной принцип, по которому принятие решений происходит путем свободного волеизъявления заинтересованных лиц.

Я также читал: *«Мы создадим режим, который, хотя и не будет полностью либертарным, будет иметь свои особенности и, прежде всего, проложит путь к постепенной реализации наших принципов»*.

Что это? Крошечное правительство, модель добра, которое убьет себя как можно скорее, чтобы дать путь к анархии!!!

Разве мы уже не согласились, что правительства стремятся не убить себя, а наоборот, увековечить себя и стать все более и более деспотичными? Разве не мы договорились, что миссией анархистов является борьба, а терпение любого режима не основано на принципе полной свободы? Не мы ли провозглашаем, что анархисты во власти — не намного лучше, чем другие?

Другой товарищ, который является одним из тех, кто больше заботится о необходимости иметь «план», и в основном вкладывает всю надежду в профсоюзы рабочих, говорит:

«После победы революции, нужно управление всеми средствами производства, транспортировки, обмена и т. д. передать в руки рабочего класса, ранее обученному нами этой великой социальной функции».

Ранее обученный нами этой великой социальной функции! **Сколько веков должно пройти, прежде чем революция свершится таким образом**, как предполагает товарищ? Если бы только веков было достаточно! Дело в том, что нельзя воспитывать массы, если у них нет своего мнения или это только дань обстоятельствам, вынуждающим их действовать по своему усмотрению; революционные организации рабочих полезны и необходимы, в том виде, в каком они существуют, их влияние и деятельность не могут быть растянуты до бесконечности. В определенный момент, если этот процесс не перерастает в революционную деятельность, то он либо бывает задушен правительством, либо организация сама вырождается и распадается — и приходится начинать все с самого начала.

Как верно то, что большинство «практических» людей часто оказываются самыми наивными утопистами!

Звучала ли бы вся эта дискуссия вполне академически, если бы речь шла о конкретной стране, в которой организации свободных рабочих разрушены и запрещены, свобода прессы, собраний и объединений упразднена, и агитаторы, будь то анархисты, социалисты, коммунисты или республиканцы пребывают либо за рубежом в качестве беженцев, либо принудительно содержатся на острове, и заперты в тюрьме, или положение таково, что практически невозможно говорить, двигаться и почти невозможно даже дышать?

Можем ли мы обоснованно надеяться, что следующий переворот в стране с такими условиями будет социальной революцией в широком и полном смысле этого слова? Разве это не больше похоже на возвращение условий для пропаганды и организаций, что является одной из возможных и актуальных задач в настоящее время?

Мне кажется, что все эти трудности, неопределенности и противоречия возникают, когда кто-то хочет наступления анархии без анархистов, или считает, что пропаганда является достаточным средством для преобразования всего населения (или его значительной части), прежде чем окружающие условия кардинально изменятся.

Некоторые люди утверждают, что «революция будет анархистской или не будет вообще». Это еще одна из тех претенциозных фраз, тщательный анализ которых показывает, что они либо бессмысленны, либо очень ошибочны.

В самом деле, если кто-либо говорит о революции (в нашем понимании данного слова), которая должна быть анархической, то такое требование является просто тавтологией, хождением вокруг да около и ничего не объясняет, как если бы кто-либо утверждал, например, что белая бумага должна быть белой. Если имеется в виду, что не может быть любой другой революции, кроме анархической, то данное утверждение является большой

ошибкой, так как в жизни человеческого общества мы уже видели и, конечно, увидим снова движения, которые коренным образом изменили существующие условия и изменили ход истории, и этим заслуживают того, чтобы их назвали революциями. Я не смог бы согласиться с мнением, что все прошлые революции, поскольку они не были анархистскими, были бесполезны, что в будущем такие революции, будут так же бесполезны. В самом деле, я склоняюсь к тому, что полное торжество анархии возможно только с помощью эволюции, постепенно, а не путем насильственной революции: рано или поздно революции уничтожат основные военные и экономические препятствия духовному развитию народа, препятствия увеличению производства до уровня, который сможет удовлетворить потребности и желания, и препятствия гармонизации различных интересов.

В любом случае, если принять во внимание нашу немногочисленность и распространенное настроение масс, и если мы не хотим спутать желаемое с действительным, мы должны ожидать, что следующая революция не будет анархической, то более актуальным является вопрос о том, что мы можем и должны делать во время революции, в которой мы можем оказаться относительно небольшим и плохо вооруженным меньшинством.

Некоторые товарищи, возможно, все еще находятся под влиянием хвостовства социалистов и иллюзий, порожденных русской революцией, и поэтому считают, что у авторитариев более простая задача, чем у них самих, потому что у них есть «план»: овладеть властью и силой навязать свою систему.

Такое мнение неверно. Коммунисты и социалисты, конечно, хотят захватить власть, и при определенном стечении обстоятельств смогут это сделать. Тем не менее, самые умные из них слишком хорошо знают, что, придя к власти, они могли бы начать также тиранить народ и подвергать его причудливым и опасным экспериментам, что они вполне могли бы заменить буржуазию новым привилегированным классом, но они не смогли бы реализовать социализм, они не смогли бы применить свой «план». **Как может тысячелетнее общество быть уничтожено, и новое, лучшее общество установлено указами нескольких человек и штыками!** Это одна из честных причин (*я не хочу говорить о других, они могут быть не так легко признаны*), которая в Италии сохраняла сотрудничество социалистов и коммунистов, а также помешала свершению революции, когда это было возможно. Они чувствовали, что они не смогут держать под контролем ситуацию и придется либо уступить место анархистам, либо стать орудием реакции. Что касается стран, где они на самом деле имеют власть... хорошо известно, что они сделали.

Если бы только у нас были существенные силы, с помощью которых мы бы избавились от сил, угнетающих нас, наша задача стала бы намного проще, потому что мы ничего не требуем от масс, кроме того, что массы и без того могут и хотят делать. Мы только делаем все от нас зависящее, чтобы развить их способности и волю.

Но мы должны, тем не менее, остерегаться того, чтобы самим стать в меньшей мере анархистами, потому что массы не готовы к анархии. Если они хотят правительство, вряд ли мы сможем предотвратить формирование нового правительства, но это еще не повод отказаться от наших попыток убедить людей, что правительство не имеет смысла и вредно или предотвратить навязывание правительства нам и другим, кто этого не хочет.

Мы должны приложить усилия, чтобы гарантировать, что социальная жизнь и особенно экономические показатели могут быть улучшены без вмешательства правительства, и поэтому мы должны быть готовы, насколько это возможно, решать практические проблемы производства и распределения, вспомнив, кстати, что наиболее подходящие к организаторской работе те, кто сейчас этим занимается, каждый в своем деле.

Мы должны стремиться играть активную и, если это возможно, преобладающую роль в повстанческих действиях. Но с поражением сил репрессии, которые служат для удержания народа в рабстве. С демобилизацией армии, роспуском полиции и т.д., вооружив людей так, что они смогут противостоять любой вооруженной попытке восстановления режима, имея на руках конкретных людей, готовых взять на себя организацию общественных услуг и обеспечить, по представлениям о справедливом распределении, удовлетворение самых насущных потребностей, бережливо используя имеющиеся запасы в различных местах — сделав все это, нам придется следить за тем, чтобы не было никаких бесполезных усилий. И чтобы эти институты, эти традиции и привычки, эти методы производства, обмена и помощи уважались и использовались, если они выполняют, даже недостаточно или плохо, необходимые функции, и искать при этом все возможные средства уничтожения даже следов привилегий, но, будучи осторожными с уничтожением всего, что не может быть заменено чем-либо, что служит общему благу более эффективно. Мы должны подталкивать рабочих завладеть заводами, объединиться между собой и работать для сообщества. Так и крестьяне, узурпированные помещиками, должны взять себе землю и продукты, и прийти к соглашению с рабочими по вопросу необходимости обмена товаров.

Если мы не в состоянии предотвратить формирование нового правительства, если мы не в состоянии уничтожить его сразу, мы должны в любом случае отказаться от его поддержки в том или ином виде. Мы должны отказаться от призыва на военную службу и отказаться платить налоги. Неповиновение, положенное в принцип, сопротивление до победного конца с каждым проявлением власти, и категорический отказ принять любую команду.

Если мы не сможем свергнуть капитализм, мы должны требовать для себя и для всех, кто хочет этого, право на свободный доступ к необходимым средствам производства для поддержания независимого существования.

Советуйте, когда у нас есть что предложить, учите, если мы знаем больше, чем другие; подавайте пример для жизни, основанной на свободном согласии между людьми, защищайте даже с помощью силы, если это необходимо и возможно, нашу автономию против любой правительственной провокации ... но подчиниться команде — никогда.

Таким путем мы не добьемся анархии, которая не может быть навязана против воли народа, но, по крайней мере, мы будем готовить фундамент для нее.

Анархистская пропаганда

Источник: [здесь](#). Малатеста в общих чертах рассказывает о роли и типах анархических организаций, об их тактике, методах, прессе и ее задачах, роли агитаторов.

Надо признать, что когда мы, анархисты, говорим в общих чертах о том, что мы хотим, чтобы будущее общество было обществом без хозяев и жандармов, мы преподносим это в слишком простом виде.

В то время как, с одной стороны, мы упрекаем наших противников за неспособность выйти за рамки существующих условий и, в утверждении того, что коммунизм и анархия недостижимы, так как они представляют человека лишь таким, каким он есть сегодня – с его подлостью, его страхами и недостатками, даже в случае, если их причины были бы устранены. С другой стороны, мы проходим сквозь трудности и сомнения, считая, что необходимые нравственно-положительные эффекты, которые последуют из отмены экономических привилегий и триумфа свободы, будут уже достигнуты.

Когда нам говорят, что некоторые люди попросту не хотят работать, у нас есть ряд веских причин показать, что работа, которая является осуществлением наших способностей, а также удовольствие от производства, находятся в корне благосостояния человека, и поэтому смешно думать, что здоровые люди хотели бы уйти от потребности производить блага для общественности в случае, когда работа не будет принудительной, эксплуатированной и презираемой, какой она есть сегодня.

И, если нам начинают говорить об антиобщественных, преступных склонностях некоторых, хоть и небольших социальных групп, мы отвечаем, что, кроме редких и сомнительных случаев врожденной болезни, иметь дело с которой – задача психиатров, преступления имеют социальное происхождение и изменились бы с преобразованием учреждений.

Возможно, этот чрезмерный оптимизм, это упрощение проблем, имело свой смысл тогда, когда анархизм был лишь прекрасной мечтой, ожиданием, и было необходимо протолкнуть высший идеал для вдохновения энтузиазма, подчеркивая контраст между настоящим адом и желаемым раем завтра.

Но времена поменялись. Государственническое и капиталистическое общество находится в состоянии кризиса, распада или реконструкции в зависимости от того, могут ли революционеры и знают ли как влиять их взглядами и силами. И, возможно, мы находимся в преддверии первых попыток реализации.

Поэтому нам важно отставить в сторону идиллические описания, видения будущего и отдалённого совершенства, и столкнуться с вещами, которые есть сегодня и какими они будут, по нашим предположениям, в обозримом будущем. Когда анархистские идеи были

новинкой, которая шокировала и поражала, и было возможным лишь пропагандировать в перспективе, когда попытки восстаний и судебных преследований мы всячески одобряли, так как это служило цели привлечь внимание общественности к нашей пропаганде, достаточно было раскритиковать существующее общество и предоставить картину идеала, к которому мы стремимся. Даже вопросы тактики были, по сути, просто вопросами определения какой из путей наилучший для распространения наших идей и подготовки отдельных лиц и масс для желаемых социальных преобразований.

Но на сегодняшний день ситуация более зрелая, обстоятельства поменялись. И мы должны быть способны показать не только то, что для присоединения к нам есть больше оснований, чем к партиям, из-за нашего идеала свободы, но также и то, что наши идеи и методы являются самыми практичными для достижения наибольшей меры свободы и благополучия, которые возможны в современном состоянии нашей цивилизации. Наша задача – «заставлять» людей требовать и захватывать все свободы, которые возможно и сделать себя ответственными за обеспечение их собственных нужд, не ожидая приказов ни от какого вида властей. Наша задача – показать бесполезность и вредность правительства, провоцируя, воодушевляя пропагандой и действием все виды индивидуальных и коллективных инициатив.

По факту, это вопрос воспитания свободы, чтобы люди, которые приучены к повиновению и бездействию, осознали их действительную силу и способности. Нужно вдохновлять людей совершать поступки самостоятельно или заставить их думать, что они поступают так или иначе по их собственной инициативе, даже когда фактически их действия были предложены другими. Так же, как хороший школьный учитель, поставивший проблему, в случае, когда его ученик не может её немедленно решить, помогает ему таким образом, что ученик воображает, что нашёл решение без посторонней помощи, приобретая мужество и уверенность в своих силах.

Это то, что мы должны делать в нашей пропаганде. Если наши критики когда-либо пропагандировали среди тех, кого мы с неким презрением называем «политически-несознательными», они обнаружат, что ему приходится прикладывать усилия, чтобы не начать излагать общепринятую истину; ему надо пытаться провоцировать их мышление на то, чтобы они пришли к своим собственным выводам, которые он хоть и может подать готовыми, что сделать гораздо проще, но результат принесёт гораздо меньше пользы новичку в политике. И если он когда-либо обнаружит себя действующим как лидер или учитель в каком-либо пропагандистском действии, когда остальные принимали пассивную позицию, ему стоит избегать создания видимости такой ситуации и стимулировать их к мышлению, к взятию инициативы и таким способом обретения уверенности в самом себе.

Ежедневная газета «**Umanità Nova**» – всего лишь одно из наших средств действия. Если вместо пробуждения новых сил и поощрения более амбициозной и энтузиасткой активности, она будет поглощать все наши силы и тем самым придушит все остальные инициативы, это будет неудачей, а не свидетельством нашей силы, жизнеспособности и смелости. Кроме того, есть виды активности, которые не могут по определению выполняться прессой. Так как печатные издания обращаются к общественности, которую нам нужно информировать в присутствии врага, есть ситуации, в которых враг не должен быть проинформирован.

Нашим товарищам необходимо выбрать иную схему действий в этих ситуациях.

Организация должна быть секретной или публичной?

В общих чертах ответ очевиден: что нужно совершить публично – то надо делать открытым для всех, а что по решению должно остаться в секрете – должно делаться вне поля зрения общественности.

Для тех нас, кто занимается пропагандой, очевидно, что надо поднимать мораль масс и побудить их завоёвывать освобождение своими собственными поступками, а те, у кого нету личных или групповых стремлений доминировать – это преимущество, где можно дать нашей активности максимальной гласности и добиться влияния нашей пропаганды на как можно большее количество людей.

Но это не зависит только от наших пожеланий; ясно, что, например, что власти будут нам мешать говорить, издавать или проводить встречи, и у нас нет достаточно сил, чтобы открыто не подчиняться запретам. Мы должны искать способы проводить всё это тайно.

Следует, однако, всегда стремиться к действиям в полном свете дня и бороться за наши свободы, имея ввиду, что наилучший путь для достижения свободы заключается в том, чтобы попросту взять её, пойдя на необходимый риск; очень часто свобода потеряна по нашей ошибке из-за бездействия или слишком неуверенных действий – всё это производит впечатление, будто у нас нет права сделать то, что мы делаем.

Поэтому, как правило, мы предпочитаем действовать открыто. Также потому, что нынешние революционеры имеют качества (*как хорошие, так и плохие*), которые уменьшают их конспиративные возможности, в которых революционеры пятьдесят или сто лет назад весьма преуспевали. Но, конечно же, бывают обстоятельства и действия, которые требуют секретности и в которых мы должны действовать соответствующим образом.

В любом случае давайте опасаться тех «секретных» дел, о которых все знают. И, в первую очередь, полиция.

Изолированная, спорадическая пропаганда, которая часто является способом успокоить совесть, практически не имеет пользы. В условиях неосведомлённости и нищеты, в которых живут массы и с таким большим количеством противостоящих нам сил, такая пропаганда забывается и теряется ещё до того, как её действие принесёт плоды. Почва слишком неблагоприятная для семян, которые посеяны случайно и вряд ли даст им прорасти и пустить корни.

Нам необходима непрерывность в наших усилиях, терпение, координация и адаптируемость к различной среде и обстоятельствам.

Каждый из нас должен иметь возможность рассчитывать на сотрудничество с остальными; и везде, где семя было посеяно, оно не будет испытывать недостаток в заботе культиватора, который ухаживает и защищает его, пока оно не выросло, стало способным позаботиться о себе, и, в свою очередь, стало способным к посеву новых, плодотворных,

семян.

Анархизм и организация

1897, источник: [здесь](#). Эррико Малатеста размышляет о полезности организации, ее устройстве и других вопросах, которые до сих пор актуальны для анархистов, так как многие до сих пор не преодолели антиорганизационных настроений, не смотря на ошибки прошлого.

Организация, которая, в конце концов, есть всего лишь практика сотрудничества и солидарности — естественное и необходимое состояние общественной жизни. Это неизбежный факт, влияющий на всех, как на общество в целом, так и на группу людей, идущих к общей цели. С тех пор как человечество не хочет и не может жить в изоляции стало неизбежным то, что те, у кого нет ни средств, ни развитого общественного сознания, позволяющего им свободно объединяться с людьми, на основе общего мышления и интересов, будут организованы другими, чаще всего представленными классом или правящей группой, с целью использования труда ради личной выгоды. Извечное притеснение масс маленькой привилегированной группой, всегда было результатом неспособности угнетаемых прийти к согласию между собой и организовать для труда, отдыха и возможной обороны от любого, кто захочет эксплуатировать или угнетать их. Анархизм существует, чтобы исправить такое положение дел...

Теперь нам кажется, что организация, то есть объединение для особых целей, обладающее структурой и средствами необходимыми для их достижения, это необходимый аспект общественной жизни. В изоляции люди не могли бы жить даже как животные, так как не смогли бы найти себе пропитание, за исключением, возможно, тропических регионов или случаев когда население очень малочисленно; и точно не смогли бы подняться выше уровня животных. Поэтому они вынуждены объединяться с другими людьми, а точнее, обнаружить себя объединенными с другими людьми, вследствие эволюционных antecedentов вида. Они будут подчинены чужой воле (порабощены), или подчинят других своей воле (будут у во власти), или жить в братском соглашении с другими в интересах общего блага (партнерство). Никто не может избежать этой необходимости.

Признавая возможность существования общества организованного без власти, без принуждения – а анархисты должны допустить такую возможность, иначе анархизм не имеет смысла – мы приходим к обсуждению организации анархического движения. И в этом случае организация кажется нам полезной и необходимой. Если под движением подразумевать целое – людей с общими целями, которых они пытаются достичь – тогда естественно, что они договорятся между собой, объединят силы, разделят задачи и предпримут те шаги, которые, по их мнению, приведут к достижению цели. Оставаясь в изоляции, каждый индивид будет действовать или пытаться действовать по- своему, без координации, без подготовки, без попыток создать сильную группу, что приведет его к бессилию, трате своих сил на маленькие неэффективные действия, потере веры в свои цели и, возможно, полному бездействию.

Математик, химик, психолог или социолог может сказать, что у него нет программы или что он заинтересован только в установлении правды. Они стремятся к знаниям, но не стремятся что-либо делать. Но анархизм и социализм это не науки; это предложения и проекты, которые анархисты и социалисты пытаются реализовать. Поэтому они должны быть сформулированы в определенные программы.

Если то, что организация порождает лидеров, правда, то анархисты не способные объединиться и прийти к согласию (тут была запятая) без подчинения власти, еще не очень хорошие анархисты и перед тем, как думать о построении анархического общества во всем мире им стоит подумать о том, как самим жить по-анархистски. Лекарство не в отказе от организации, а в росте сознательности каждого отдельного участника. В маленьких сообществах, равно как и в больших, помимо грубой силы, что бесспорно для нас, происхождение и оправдание власти лежит в отсутствии социальной организации.

Анархистская организация должна позволять полную автономию и при этом полную ответственность отдельных членов и групп; свободное соглашение между теми, кто считает полезным объединение сил для достижения общих целей; моральный долг выполнять свои обязательства и не предпринимать действий, противоречащих принятой программе. На этой основе люди создают подходящие ситуации формы и инструменты, чтобы дать жизнь такой организации. Таковыми являются группы, федерации групп, федерации федераций, встречи, конгрессы, и так далее. Также все это должно делаться свободно, не ограничивая мысли и инициативность отдельных членов, а только предоставляя большой простор для совместных действий, невозможных или неэффективных в изоляции. Таким образом, анархистский организационный конгресс, несмотря на все неудобства, которые он испытывает как представительный орган, должен быть свободен от авторитаризма в любых формах потому, что он не издает законов и не руководит другими людьми. Он служит для поддержки и расширения личных контактов между активными товарищами, объединения и развития программных исследований средств и путей деятельности; познакомить всех с ситуацией в регионах и видами действия наиболее необходимыми в данный момент; суммировать различные течения во взглядах анархистов и в то же время подготовить некоторую их статистику. Его решения никого не обязывают, это просто советы, предложения, которые нужно принять к сведению, и они не обязывают никого, кроме тех, кто их принимает и только пока они их принимают. У исполнительных органов, которые они назначают – Исполнительные комитеты и т. д. – нет управляющих полномочий, не берут на себя инициативу, кроме случаев, когда она одобрена, и не имеют права навязывать собственные взгляды, которые у них, несомненно, должны быть, но не должны представляться официальной позицией организации. Они публикуют резолюции конгресса, а также мнения и предложения групп и индивидуальных членов; они действуют в интересах тех людей, которые используют их для развития связей между группами и сотрудничества между теми, кто совместно реализует какие-либо инициативы; каждый волен общаться с кем хочет самостоятельно или использовать для этого комитеты.

В анархистской организации индивидуальные члены могут выражать любое мнение и использовать любую тактику, которая не противоречит принятым принципам и не идет вразрез с действиями остальных. Каждая отдельная организация существует до тех пор, пока причины объединения превосходят разногласия; иначе она распадается, а люди

переходят в более однородные группировки. Конечно же, жизнь и стойкость организации — это условие успеха в нашей долгой борьбе, кроме того, это естественно, что любая организация стремится продлевать своё существование вечно. Но продолжительное существование либертарной организации должно быть следствием духовной близости ее членов и адаптируемости ее структуры под непрерывно изменяющиеся обстоятельства. В случае если она перестает служить полезной цели, ей лучше прекратить свое существование.

Мы, конечно же, были бы счастливы, если бы ладили друг с другом и смогли объединить все силы анархистов в одном сильном движении; но мы не верим в стойкость организации, основанной на уступках и компромиссах, в которой нет реального согласия и взаимных симпатий между членами. Лучше быть разобщенными, чем объединенными так. Но мы хотим, чтобы каждый человек объединился со своими друзьями, и тогда не будет изолированных или потерянных сил.

Нам остается только поговорить об организации рабочих и угнетаемых масс для сопротивления, как государству, так и работодателям. Рабочие никогда не смогут освободить себя, пока, объединившись, не обретут моральную, экономическую и физическую силы, необходимые, чтобы сломить организованные силы угнетателей.

Были такие анархисты, (и они все еще есть) которые не осознают необходимость организовываться для пропаганды и действия, будучи враждебными ко всем организациям, чьей целью не является анархизм или тем, что не следуют анархистским методам борьбы. Этим товарищам кажется, что любые организованные силы недостаточно радикально революционны, и от этих сил революции нужно избавиться. Нам же кажется, и опыт давно подтвердил наше мнение, что их подход обрекает анархическое движение на бесконечное бесплодие. Чтобы вести пропаганду мы должны быть среди людей, именно в профсоюзах рабочие находят своих товарищей, особенно тех, кто более расположен понять и принять наши идеи. Но даже если мы сделаем столько пропаганды, сколько хотим вне союзов, это не произведет большого эффекта на массы трудящихся. Без небольшого количества людей более образованных, более склонных к абстрактному мышлению и теоретическому энтузиазму, рабочие не смогут прийти к анархизму одним прыжком. Чтобы стать убежденным анархистом, не только на словах, они должны почувствовать солидарность, объединяющую их с товарищами, учиться сотрудничать с ними для защиты своих интересов. В борьбе против боссов и государства, поддерживающего их, рабочий сможет понять, что они бесполезные паразиты, что рабочие могут управлять экономикой самостоятельно. Поняв это, он или она становится анархистом, даже если его таковым не считают.

Кроме того, поощрение популярности организаций всех видов — это логичное следствие наших идей и должно быть неотъемлемой частью нашей программы. Авторитарные партии, чьей целью является захват власти и навязывание своих идей, заинтересованы в том, чтобы люди оставались аморфной массой неспособной действовать самостоятельно, тогда ими легко управлять. Из этого следует, логически, что мы не можем и мечтать о большем, чем о множестве организаций, которые помогут достичь власти: избирательные организации, если надеяться достичь этого законными методами; боевые организации, если надеяться на

насильственные действия. Но мы, анархисты, не хотим делать людей независимыми; мы хотим, чтобы люди сами сделали себя независимыми. Мы не верим в добро приходящее сверху или насаждаемое силой; мы хотим, чтобы новый образ жизни появился из самой сущности людей, отвечал их состоянию и развивался вместе с ними. Поэтому для нас имеет значение то, что все мнения и интересы должны найти отражение в сознательной организации и влиять на жизнь коммуны, пропорционально своей важности.

Мы взяли на себя задачу бороться против существующих общественных организаций, преодолевать препятствия на пути к новому обществу, в котором свобода и благополучие гарантированы всем. Чтобы достичь этой цели, мы организуемся и стараемся стать как можно более многочисленными и сильными. Но если бы организовывались только анархистские группы, то рабочие остались в изоляции не связанные ничем кроме общих цепей; если бы мы были организованы в федерации только как анархисты, и не были бы связаны как рабочие с другими рабочими, то не смогли бы ничего добиться... или, по крайней мере, это был бы наш триумф, а не триумф анархизма. Тогда мы смогли бы называть себя анархистами, но на самом деле были бы обычными правителями, и были бы такими же бессильными, как и другие правители, когда дело доходит до всеобщего блага.

БОЛЬШИНСТВО И МЕНЬШИНСТВО

Источник: [здесь](#). Малатеста пишет о большинстве и меньшинстве, о законах, навязываемых силой, о невозможности быть свободным при экономическом неравенстве.

Мы не признаем права большинства налагать закон на меньшинство, даже если воля большинства в некотором сложном вопросе будет установлена. Тот факт, что большинство на чьей-то стороне не доказывает, что этот кто-то должен быть прав. Действительно, человечество всегда совершенствовалось инициативой одиночек и меньшинств, когда большинство по своей природе медленное, консервативное, покорно превосходящей силе и установленным привилегиям. Но если мы ни на минуту не признаем право большинства доминировать над меньшинством, еще больше мы противостоям доминированию меньшинства над большинством. Это было бы абсурдно доказывать, что кто-то прав только потому, что он принадлежит к меньшинству. Если во все времена были превосходящие и просвещенные меньшинства, также существовали меньшинства, которые были отсталыми и реакционными; если есть исключительные люди, опередившие свое время, есть также и психопаты, и еще больше апатичных индивидов, которые неосознанно позволяют потоку событий нести их.

В любом случае, это не вопрос о правых и виноватых; это вопрос свободы, свободы для всех, свободы для каждого человека, настолько насколько он не затрагивает равную свободу других. Никто не может наверняка знать, кто прав и кто виноват, кто ближе к истине, и где дорога к величайшему благу всех и каждого. Опыт свободы – единственное средство прийти к истине и лучшему решению; и не существует свободы без свободы для ошибок.

По нашему мнению, следовательно, необходимо, чтобы большинство и меньшинство преуспело в жизни вместе, мирно и взаимовыгодно через взаимное согласие и компромисс, через разумное понимание практической необходимости общественной жизни и полезные уступки, которые обстоятельства делают необходимыми.

Также как их разум и опыт говорит, что, несмотря на использование всей алхимии выборов и парламента, это всегда кончается принятием законов, которые представляют из себя все, кроме воли большинства, анархисты не признают, что большинство как таковое, даже когда было бы возможно без сомнений установить его желание, имеет право с применением силы навязывать себя инакомыслящему меньшинству.

Кроме этих соображений, всегда существует факт, что при капиталистическом режиме общество разделено на богатых и бедных, на работодателей и работников, чей следующий обед зависит от абсолютной воли начальника, выборы не могут быть свободными.

Взаимопомощь (эссе)

1909, источник: [здесь](#). Эррико Малатеста размышляет о сущности человека и взаимоотношениях между людьми. Он не идеализирует людей, не приписывает им излишней доброты или иных качеств, которыми так склонны наделять народ различного рода идеалисты. Малатеста утверждает, что в человеке есть разные чувства и доказывает почему взаимопомощь и кооперация позволяют людям развиваться и достигать своих целей.

Факт то, что человек социальное животное, существование которого зависит от длительных физических и духовных отношений между людьми. Эти отношения должны базироваться на близости, солидарности, любви, либо же на враждебности и соперничестве. Если каждый человек будет думать только о собственном благополучии и, возможно, своей родовой или территориальной группе, то он, очевидно, начнет конфликтовать с другими людьми, выходя из этих конфликтов либо победителем, либо побежденным; угнетателем, если победит, угнетаемым, если проиграет. Естественная гармония, естественный союз доброго в каждом и общей пользы — это выдумка человеческой лени, которая скорее предположит, что это будет достигнуто само собой, по закону природы, чем будет за это бороться. В действительности, природный Человек находится в постоянном конфликте с окружающими, в поисках самой лучшей, здоровой и плодородной земли, а со временем, использовать те разнообразные возможности, которые общественная жизнь создает для тех или других. По этой причине, человеческая история полна насилия, воин, резни (помимо безжалостной эксплуатации труда), бесчисленных тираний и рабства.

Если бы в человеческом сознании существовал только жесткий инстинкт желания доминировать и получать выгоду за счет других, то человечество осталось бы в состоянии варварства, и развитие законов, в истории или в наше время, было бы невозможно. Такой порядок всегда представляет своего рода закалку тиранического духа с минимумом общественной солидарности, необходимой для более цивилизованной и прогрессивной жизни.

Но, к счастью, в Человеке существует другое чувство, которое привлекает его ближе к соседу, чувство симпатии, терпимости, любви и благодаря ему человечество стало более цивилизованным, и от него взрастило нашу идею, которая ставит целью создания общества, где все будут братьями и друзьями, работающим ради общей пользы.

То как появилось чувство, выраженное в так называемых моральных предписаниях, и отрицающее, в своем развитии, существующую мораль, заменяя ее новой более высокой моралью, это предмет исследования, который может заинтересовать философов и социологов; но это не умаляет факт его существования, независимо от объяснений, которые могут быть выдвинуты. Совершенно неважно, что оно может происходить от примитивного, физиологического факта полового акта, необходимого для продолжения человеческого рода; или удовлетворения, которое может быть получено от компании товарищей; или

преимуществ, которые могут быть получены от союза в борьбе с общим врагом или восстания против общего тирана; или желания покоя, мира и безопасности, которое присуще даже победителям; а может от этих и еще сотен причин. Оно существует и именно в его росте и развитии мы видим наши надежды на светлое будущее человечества.

«Божья воля», «естественное право», «законы морали», «категорический императив» Канта — это все метафизические фантазии, в реальности несуществующие. Они представляют похвальное желание человеческого разума объяснить все, докопаться до сути вещей, и могут быть использованы временные гипотезы для дальнейшего исследования, но они не были, в большинстве случаев люди склонны не признавать невежество, и предпочитают многословные объяснения, лишённые фактического содержания, простому: «Я не знаю».

Вне зависимости от объяснений, которые кто-то хочет или не хочет давать, проблема остается нерешенной: каждый должен выбирать между любовью и ненавистью, между братским сотрудничеством и братоубийственной враждой, между альтруизмом и эгоизмом.

Потребности, вкусы, стремления, интересы человечества ни схожи, ни естественно гармоничны; часто они диаметрально противоположны и противоречивы. С одной стороны, жизнь одного человека настолько обусловлена жизнью других, что это было бы невозможно, даже если предположить, что человеку было бы удобно отгородиться ото всех и жить своей собственной жизнью. Общественная солидарность это факт, от которого не убежать: он может быть добровольно и сознательно принят и впоследствии приносить выгоду всем причастным, или может быть принят волей-неволей, сознательно или нет, в этом случае она проявляется как подавление и эксплуатация одних людей другими.

Большое количество проблем появляется в нашей повседневной жизни, их можно решить различными способами, но не всеми одновременно; каждый человек может предпочесть одно решение другому. Если у человека или группы людей есть власть навязывать другим свой выбор, они выберут решение наиболее подходящее их целям и интересам, а другие будут вынуждены пожертвовать своими желаниями. Но, если ни у кого нет возможности заставлять других действовать против их воли, всегда предполагая, что невозможно или неудобно рассматривать более чем одно решение, одно решение должно быть принято взаимными уступками и соглашениями, это решение должно наименее нарушать личные интересы, вкусы и желания.

История учит нас, ежедневные наблюдения за жизнью, что там, где нет места насилию (в человеческих отношениях) все устраивается наилучшим образом, и интересы всех учитываются лучшим образом. Но там, где вторгается насилие, процветают несправедливость, угнетение и эксплуатация.

То, что человеческая жизнь невозможна без использования труда других это факт, и это может быть сделано двумя способами: либо через братскую, равную, либертарную ассоциацию, в которой солидарность, согласие сознательны и свободно выражаются всем человечеством; или через борьбу всех против всех, в которой победители правят, угнетают, эксплуатируют остальных...

Мы хотим прийти к обществу, в котором каждый человек относится к другим как к братьям, и благодаря взаимной помощи сможет достигнуть величайшего благополучия и свободы, а также физического и интеллектуального развития для всех...

Самый сильный человек тот, кто наименее изолирован; наиболее независим тот, у кого наибольшее число контактов и друзей, таким образом, у него будет более широкий выбор соратников; наиболее развитый человек тот, кто лучше всех может и знает, как использовать наследие человечества и достижения своих современников.

Несмотря на реки человеческой крови; несмотря на неопишуемые страдания и унижения; Несмотря на тиранию и эксплуатацию самого слабого (по причине личной или социальной неполноценности); одним словом, несмотря на борьбу и все ее последствия, в обществе жизненно необходимыми и прогрессивными характеристиками являются сочувствие, чувство общей человечности, которое в обычное время устанавливает границу борьбы, за которой никто не может рисковать, не вызывая отвращения и всеобщего недовольства. Для этого вмешивается мораль.

Профессиональный историк старой школы могут предпочитать представлять плоды своих исследований как сенсационные события, крупномасштабные конфликты между нациями и классами, войны, революции, внешняя и внутренняя дипломатия и заговоры; но гораздо более существенны бесчисленные ежедневные контакты между людьми и группами, которые являются истинной сущностью общественной жизни. Если вы близко исследуете что происходит внутри у большинства людей в их повседневной жизни, то увидите, что также как борьба за лучшие условия труда, жажда доминировать, вражда, зависть, нездоровые страсти, которые настраивают людей друг против друга, так и ценная работа, взаимная помощь, непрерывный и добровольный обмен услугами, привязанность, любовь, дружба притягивает людей друг к другу. И люди коллективизируют прогресс или распад, жизнь или смерть, в зависимости от того, что преобладает в общественных отношениях: солидарность и любовь или ненависть и вражда; в действительности, существование любого общества было бы невозможно, если бы социальные чувства, которые я называю добрыми страстями, не были бы сильнее плохих.

Существование чувства привязанности и сочувствия у людей, а также опыта и понимания индивидуальных и общественных преимуществ, которые появляются от развития этих чувств, породили и продолжают порождать понятия «справедливость», «право» «мораль», которые, несмотря на многие противоречия, ложь и лицемерие, служат основным интересом, целью и идеалом, к которым движется человечество.

Эта «мораль» непостоянна и относительна; она меняется со временем, для разных людей, классов, личностей; люди используют ее в своих собственных интересах или интересах семьи, класса, страны. Но если отбросить то, что официальная «мораль» служит для оправдания привилегий и насилия правящего класса, всегда остается что-то что служит общим интересам и является достижением всего человечества, независимо от класса или расы.

У буржуазии в ее героический период, когда они все еще чувствовали себя частью народа и боролись за независимость, еще были возвышенные проявления любви и самопожертвования; и у лучших среди их мыслителей и мучеников было практически пророческое видение того будущего мира, благополучия и братства, за которое социалисты борются сейчас (1909). Но если альтруизм и солидарность были среди чувств лучших из них, зачаток индивидуализма (в смысле борьбы между людьми), принцип борьбы (в противоположность солидарности) и эксплуатация человека человеком были в программе буржуазии и не могли, но привели к губительным последствиям. Частная собственность и принцип власти, в новых декорациях капитализма и парламентаризма, были в их программе и должны были привести, а так и произошло, к угнетению, притеснению, страданиям и дегуманизации масс.

И теперь, когда развитие капитализма и парламентаризма принесло свои плоды, и буржуазия исчерпала все благородные чувства и прогрессивные устремления практикой политической и экономической борьбы, они снизошли до необходимости защищать свои привилегии силой и обманом, а их философы не могут защититься от нападков социалистов, кроме как несвоевременно поднимая закон жизненной конкуренции.

Во имя правды

1926, источник: [здесь](#). Данная статья взята из сборника “Выбить фашизм”.

В период захватов фабрик я никогда не прекращал проповедовать необходимость расширения движения и мчался от одной фабрики к другой, призывая к сопротивлению. Я говорил рабочим: «Если вы оставите фабрики, хозяевами которых вы являетесь сегодня, потом вы вернётесь как рабы, как псы с поджатым хвостом, и вы вновь впадёте в состояние несчастья и униженности, из которого вам удалось вырваться».

Преобладающей темой в моих речах было вот что: «Действуйте немедленно, или буржуазия заставит вас заплатить кровавыми слезами за то, что вы сделали».

На последнем митинге, который удалось провести в Риме — когда фашизм был на грани успеха — перед толпой примерно в 50 тысяч человек Энрико Ферри, выступая от имени социалистов, призвал их сохранять спокойствие и уверенность, подождать, пока не наступит подходящий момент, всё это — во имя «неизбежной эволюции», «законов Истории» и т. д. В то время как я сказал — действуйте, сопротивляйтесь, встречайте насилие насилием, или завтра... будет слишком поздно.

Демократия и анархия

1924, источник: [здесь](#). Малатеста пишет о демократах, диктаторских режимах, критикует буржуазную демократию с различных ракурсов, раскрывает различные формы, в которые она облачается.

Свирепствующие диктатуры в Италии, Испании и России, которые стали предметом зависти и вожделения для наиболее реакционных и «забитых» партий по всему миру, окутывают поруганную ранее «демократию» флёром целомудрия и невинности. Мы видим старорежимных тварей, хорошо приспособленных к жестокому искусству политики, ответственных за репрессии и убийства представителей рабочего класса, вновь возникающих в тех местах, где они чувствуют себя бесстрашно, позиционирующих себя как прогрессивных людей, которые стремятся захватить обозримое будущее во имя освобождения. И, чего скрывать, иногда им это удается.

Мне есть что сказать и в пользу критики демократии со стороны диктаторских режимов, и в пользу того, в каком свете они выставляют ложь и недостатки демократии. И я помню того анархиста Германа Сандомирского — большевистского сподвижника — с которым мы имели неоднозначный контакт во время Женевской конференции, и который пытался «подружить» Ленина и Бакунина. Я помню этого Сандомирского, который ради защиты российского режима вытащил Кропоткина, дабы продемонстрировать, что демократия – это не лучшая форма общественного устройства, которую можно представить. Его метод аргументации запал мне в память, думаю, я сказал ему об этом. Этот метод аргументации, взятый на вооружение некоторыми его соотечественниками, который появился в ответ на возмущение всего цивилизованного мира на свержение царя; порку и повешенье женщин они объяснили тем, что если мужчины и женщины имеют равные права, то должны иметь и равную ответственность. Приверженцы темниц и эшафотов вспомнили о правах женщин только тогда, когда они смогли послужить предлогом для новых безобразий! Таким образом, диктатуры противостоят демократическим правительствам до тех пор, пока они не узнают, что есть формы правления, которые предоставляют куда более обширную почву для деспотизма и тирании для тех, кому удалось захватить власть.

Для меня нет никаких сомнений, что даже худшая форма демократии всегда предпочтительнее, чем лучшая из диктатур. Конечно, демократия, или так называемое народовластие – это ложь, но ложь всегда связывает лжеца и ограничивает произвол власти. Конечно, «суверенный народ» — это пародия на независимость, это раб с бутафорской короной и скипетром.

Но вера в собственную свободу, хотя на самом деле её нет, всегда лучше осознания того, что ты раб, и принятия рабства, как чего-то справедливого и неизбежного.

Демократия – это ложь, это угнетение и, в реальности, олигархия, ибо власть принадлежит небольшому привилегированному сословию. Но мы, тем не менее, можем продолжать бороться за свободу и равенство, в отличие от тех, кто заменил демократию, или собирается заменить её кое-чем похуже.

Мы не поддерживаем демократию — по разным причинам, демократия рано или поздно приводит к войне и диктату. Мы также против диктатуры – ибо диктатура пробуждает потребность в демократии, способствует возврату к ней, и это ведет к замкнутому порочному кругу, внутри которого человеческое общество колеблется между явной и жесткой тиранией и псевдо-свободой.

Итак, мы объявляем войну как диктатуре, так и демократии. Но что мы можем предложить взамен?

Не все демократы являются такими, как было описано выше – лицемерами, которые худо-бедно осознают, что они, прикрываясь «волей народа», желают доминировать, желают эксплуатировать и подавлять этот самый народ.

Есть много деятелей, особенно среди молодых республиканцев, которые всерьез верят в демократию и видят в ней средство достижения полной свободы развития для всех. Это как раз те люди, которых нам следует освободить от иллюзий, убедить не путать абстракцию, «народ» и жизненные реалии, в которых есть мужчины и женщины с разнообразными потребностями, страстями и зачастую противоречивыми стремлениями.

Мы не намерены бесконечно повторять критику в адрес парламентской системы и всеми средствами «придумывать» депутатов, которые бы действительно представляли интересы людей; критику, которая после пятидесяти лет анархистской пропаганды наконец-то была воспринята, и даже поддержана теми авторами, которые больше других презирали наши идеи (*например, Political Science Senator Gaetano Mosca*).

Мы ограничиваем себя в привлечении наших молодых друзей, дабы не потерять точности наших замыслов – иначе однажды они могут расколоться, и наша молодежь увидит, насколько она бездеятельна.

Нет никакой «власти народа», ибо она предполагает то, что не может произойти ни при каких обстоятельствах – полное единодушие всех индивидуумов, из которых состоит человечество.

Более удачно было бы назвать это «властью большинства». Это подразумевает наличие меньшинства, которое вынуждено либо бунтовать, либо признать волю остальных.

Но это не тот случай, когда представители большинства солидарны по всем вопросам; кроме того, в этой ситуации необходимо обращаться за помощью к мажоритарной системе, поэтому здесь было бы правдиво отметить, что это «власть большинства, избранного большинством».

Что, в принципе, уже начало порождать значительные сходства с системой «власти меньшинства». Если взять в расчет то, как проходят выборы, как формируются политические партии и парламентские группы, как создаются, утверждаются и применяются законы, легко придти к пониманию того, что уже было доказано исторически: даже в самых демократических системах есть меньшинство, которое управляет, а также навязывает свою волю и интересы при помощи силы.

Поэтому те, кто действительно желает «власти народа» (в понимании, что каждый может заявить о своей воле, идеях и потребностях), должны гарантировать, что никто – ни из меньшинства, ни из большинства – не может управлять другими. Другими словами, они должны упразднить государственность, подразумевающую принудительную организацию, и заменить её свободной организацией тех людей с общими интересами и целями.

Было бы гораздо проще, если каждая группа и индивид могли бы жить в изоляции, на свой собственный лад, поддерживая независимость от остальных, обеспечивая самостоятельную поддержку своих материальных и духовных потребностей.

Но это невозможно, а если бы это и было реально, то стало бы нежелательно, так как это значило бы возвращение человечества к варварству и дикости.

Будучи призванным защищать свою автономию, свою свободу, каждый индивид или группа должны чувствовать узы солидарности, которые их связывают с остальным человечеством, и обладать высоко развитым чувством симпатии и любви к своим товарищам, а также знать, как добровольно принести жертву жизни в обществе, которое приносит максимально возможную пользу при каждой возможности.

Но помимо всего этого, необходимо сделать невозможным «навязывание» мнения большинству при помощи материального аспекта.

Давайте упраздним жандарма, вооруженного человека на службе деспота, и тогда, так или иначе, мы сможем достигнуть согласия, потому что без такого соглашения – добровольного или принудительного — невозможно жить.

Но даже добровольное соглашение приносит пользу тем, кто наиболее интеллектуально и технически подготовлен. Мы советуем нашим друзьям и тем, кто желает всем добра, изучать наиболее острые вопросы, которые будут требовать практического решения, когда люди будут сбрасывать иго, подавляющее их.

Идея о хорошем правительстве

1920, источник: [здесь](#)

Никто не может судить с уверенностью о том, кто прав и кто виноват, кто находится ближе к истине, или, что является лучшим способом для достижения наибольшего блага для всех и каждого. Свобода в сочетании с опытом — это единственный способ узнать правду и то, что лучше; и не может быть свободы, если есть отрицание свободы в заблуждении.

Но, когда говорят о свободе с политической точки зрения, а не с философской, никто не думает о метафизическом состоянии абстрактного человека, который существует вне космической и социальной среды, который, подобно богу, может делать то, что хочет в абсолютном смысле этого слова.

Когда одни говорят о свободе, другие говорят об обществе, в котором никто не может сдерживать своих близких, не встречая энергичное сопротивление, в котором, прежде всего, никто не может захватить и использовать коллективные силы, чтобы навязать свои желания другим и самим группам, которые являются источником силы.

Человек не совершенен, согласитесь. Но это одна из причин, пожалуй, главнейшая причина, не дающая никому права лишать личность свободы.

Человек не совершенен. Но тогда, где найти людей, которые могут не только жить в мире с другими людьми, но и будут способны контролировать жизнь других людей в авторитарном стиле? И, если предположить это, кто их назначит? Будут ли они навязывать себя? Но кто защитит их от сопротивления и насилия со стороны «преступников»? Или же они могут быть выбраны суверенным народом, который считается слишком невежественным, слишком злым, чтобы жить в мире, но вдруг получает все необходимые положительные качества, когда речь идет о просьбе выбрать себе правителей?

Классовая борьба или классовая ненависть?

1921, источник: [здесь](#). В данной статье Малатеста рассуждает о классовой борьбе, ее причинах, отношении классов к средствам производства и обосновывает почему пролетариат являлся(является?) революционным субъектом, но тем не менее не оправдывает его во всех его начинаниях и идеях.

Я высказал на суде присяжных в Милане несколько идей о классовой борьбе и пролетариате, которые вызвали критику и удивление. Лучше я вернусь к этим идеям.

Я с возмущением протестовал против обвинения в разжигании ненависти; я объяснил, что в моей пропаганде я всегда стремился продемонстрировать, что социальная несправедливость не зависит от безнравственности одного хозяина или другого, одного управляющего или другого, а скорее от хозяев и правительств, как институтов; таким образом, лекарством является не смена отдельных правителей, а разрушение самого принципа, по которому люди господствуют над людьми; я также объяснил, что я всегда делал акцент на том, что пролетарии по отдельности не лучше, чем буржуа, как свидетельствует тот факт, что рабочий ведёт себя, как обычный буржуа, или еще хуже, когда он случайно получает богатство и управляющую должность.

Такие заявления были искажены, подделаны, выставлены в плохом свете буржуазной прессой, и причина ясна. Обязанность прессы заключается в защите интересов полиции и акул бизнеса, чтобы скрыть истинную природу анархизма от общественности и попытаться приписать анархистам сказки о страсти к ненависти и разрушению; пресса делает это по долгу службы, но мы должны признать, что она зачастую делает это добросовестно, из чистого и явного невежества. С тех пор, как журналистика, которая когда-то была призванием, распалась на простую работу и бизнес, журналисты потеряли не только своё этическое чувство, но и интеллектуальную честность, состоявшую в воздержании от разговоров о том, чего они не знают.

Давайте забудем о наёмных писаках и поговорим о тех, кто отличается от нас своими идеями, и отличается зачастую только способом выражения идей, но кто всё ещё остаётся нашими друзьями, потому что они искренне стремятся к той же цели, к которой стремимся и мы.

Ими не движет так сильно стремление удивить, так что я склонен считать его напускным. Они не могут игнорировать то, что я говорил и писал об этих вещах за пятьдесят лет, и что то же самое говорили сотни и тысячи анархистов в моё время и до меня.

Давайте лучше поговорим об инакомыслии. Есть «рабоче-мыслящие» люди, которые считают обладателей мозолистых рук божественно проникнутыми всеми достоинствами и всеми добродетелями; они протестуют, если вы посмеете говорить о людях и человечестве, не поклявшись на Священном имени пролетариата.

Так вот, это правда, что история сделала пролетариат главным инструментом последующих социальных изменений, и что те, кто борется за создание общества, в котором все человеческие существа будут свободными и наделенными всеми средствами для осуществления своей свободы, должны полагаться, в основном, на пролетариат.

Поскольку сегодня накопление природных ресурсов и капитала, созданных работой прошлых и нынешних поколений, является основной причиной подчинения масс и всех социальных несправедливостей, естественно, что те, у кого ничего нет, и, следовательно, более непосредственно и очевидно заинтересованные в совместном использовании средств производства, являются основными агентами необходимой экспроприации. Вот почему мы обращаем нашу пропаганду в особенности к пролетариям, чьи условия жизни, с другой стороны, зачастую не позволяют им подняться и представить себе более высокий идеал. Однако это не повод для превращения бедного в идола только потому, что он беден; также это не повод для поощрения его веры в то, что он по своей сути находится выше, и что его положение точно происходит не от его заслуг, или его воля даёт ему право поступать неправильно по отношению к другим так же, как другие поступили неправильно с ним.

Тирания мозолистых рук (которая по-прежнему является тиранией нескольких человек, у которых больше не мозолистые руки, даже если они были когда-то такими) не будет менее жестокой и злой, и не будет приносить меньше постоянного зла, чем тирания рук в перчатках. Возможно, она была бы менее просвещенной и более жестокой: вот и все.

Бедность не была бы такой ужасной вещью, если бы она не создавала моральную невоспитанность, так же, как и материальный ущерб, и физическую деградацию, передающиеся из поколения в поколение. Бедные имеют отличные от произведенных в привилегированный класс богатством и властью недостатки, но эти недостатки ничем не лучше.

Если буржуазию создают такие, как Джолитти и Грациани, и все из длинного списка палачей человечества, от великих завоевателей до жадных и кровососущих мелких боссов, она также создана такими, как Кафиеро, Реклю и Кропоткин, и многими людьми, которые в любую эпоху отдавали свои классовые привилегии идеалу. Если пролетариат отдал и отдаёт так много героев и мучеников для дела человеческого освобождения, он также выделяет белогвардейцев, палачей, предателей своих братьев, без которых буржуазная тирания не сможет продлиться и день.

Как ненависть может быть повышена до принципа справедливости, до просвещённого духа требований, когда становится ясно, что зло есть везде, и оно опирается на основания, выходящие за рамки индивидуальной воли и ответственности?

Пусть классовая борьба будет настолько сильной, насколько каждый этого захочет, если под классовой борьбой мы понимаем борьбу эксплуатируемых против эксплуататоров за отмену эксплуатации. Эта борьба является способом морального и материального подъема, и она является главной революционной силой, на которую можно надеяться.

Пусть не будет ненависти, хотя бы потому, что любовь и справедливость не могут возникнуть из ненависти. Ненависть порождает месть, желание возвыситься над врагом, необходимость укрепить свое превосходство. Ненависть может быть только основой нового правительства, если она победит, но она не может быть основой анархии.

К сожалению, легко понять ненависть многих несчастных, чьи тела и чувства мучаются и берутся в аренду обществом. Однако как только ад, в котором они живут, засветится от идеала, жгучее желание борьбы для всеобщего блага возьмёт верх.

По этой причине истинные ненавистники не могут быть найдены среди наших товарищей, хотя есть много риторической ненависти. Они, как поэт, который является хорошим и мирным отцом, но поет о ненависти, потому что это даёт ему возможность составления хороших стихов... или, может быть, плохих... Они говорят о ненависти, но их ненависть создана любовью.

Индивидуализм и анархизм

1924, источник: [здесь](#). Малатеста пишет об анархистах-индивидуалистах, говоря, что многие из не относятся действительно к анархическому движению, а являются лишь очередной маской авторитаризма, с которой нужно бороться. При этом автор рассуждает, что разделение проходит не между индивидуалистами и коммунистами, а между анархистами и не-анархистами, так как «коммунисты» не являются сторонниками порабощения личности или чего-либо подобного. Автор также рассуждает также о различных подвидах социального анархизма, свободе и путях достижения лучшего общества.

Комментарий к статье Адамаса «Индивидуализм и анархизм»

Из письма Адамаса, написанного в ответ на мою статью, размещенную в 13-м номере [нашей газеты], видно, что в ней мне не удалось предельно точно и ясно выразить свою мысль, поэтому я хотел бы разъяснить некоторые ее положения.

Я утверждал, что «индивидуалистический и коммунистический анархизм исходят из одних и тех же, или почти одних и тех же, принципов при рассмотрении вопроса о моральных мотивах и конечных целях[движения]».

Я осознаю, что в противовес моему заявлению мои оппоненты могли бы представить сотни текстов и множество свидетельств о действиях тех, кто именует себя анархистами-индивидуалистами, которые бы показали, что между анархистом-коммунистом и анархистом-индивидуалистом лежит, в моральном плане, настоящая пропасть.

Однако я не считаю, что подобный индивидуализм может быть причислен к течениям анархизма, как бы ни желали его сторонники называться «анархистами».

Если под «анархией» следует подразумевать отсутствие государственной власти, господства, угнетения человека человеком, как может человек, утверждающий, что он способен без всяких сожалений или ограничений – иначе, как поставленных им самим – угнетать других ради удовлетворения потребностей собственного «Я», называть себя «анархистом», не обманывая других и не обманывая самого себя? Его можно называть «мятежником», ибо он восстал, чтобы свергнуть угнетателей, и самому занять их место, хотя другие — более благородные повстанцы — сражаются за уничтожение всякого угнетения; но он никак не может быть причислен к анархистам. Он – будущий буржуа, будущий тиран, чувствующий, что он не может самостоятельно и законным путем воплотить свои мечты о власти и богатстве. Поэтому он обращается к анархистам, надеясь воспользоваться их взаимной моральной и материальной солидарностью [в собственных

целях].

Именно по этой причине, по моему мнению, раздел проходит не между «индивидуалистами» и «коммунистами», но между анархистами и не-анархистами. Поэтому мы – по крайней мере, многие из нас – ошибались, говоря об «анархическом индивидуализме», как если бы он был одной из разновидностей анархизма, а не одной из множества масок авторитаризма, с которым следует вести борьбу.

Однако Адамас утверждает, что «если лишить анархистский индивидуализм всего не-анархического, тогда не останется и индивидуалистического анархизма как такового». Мы никоим образом не можем согласиться с этой мыслью.

В моральной сфере анархизм является самодостаточным учением; но для своего воплощения в жизнь он нуждается в определенных формах материальной жизни, и именно представления о желательности той или иной формы разделяют различные школы анархической мысли.

В среде анархистов коммунизм, индивидуализм, коллективизм, мютюэлизм, и все их промежуточные и эклектичные сочетания — это всего лишь способы организации, которые, по мнению их приверженцев, являются наилучшими для достижения свободы и солидарности в хозяйственной жизни; способы, которые, согласно их сторонникам, наиболее близки достижению свободы и справедливости при распределении средств производства и продуктов труда среди людей.

Бакунин был анархистом, и в то же время коллективистом, открытым противником коммунизма, который он рассматривал как отрицание свободы и, следовательно, человеческого достоинства. И с Бакуниным и долгое время после него, коллективистами были и почти все испанские анархисты (коллективизм для них означал установление коллективной собственности на землю, запасы сырья и средства производства с предоставлением каждому производителю его неурезанного трудового продукта, при условии вычитания необходимых общественных издержек), и при этом они были одними из наиболее сознательных и последовательных сторонников анархизма.

Другие же, исходя из тех же соображений необходимости защиты и обеспечения личной свободы, объявляют себя индивидуалистами, стремясь к тому, чтобы каждая личность обладала, как индивидуальной собственностью своей долей средств производства и, следовательно, могла свободно распоряжаться плодами своего труда.

Еще одни изобретают более или менее сложные системы взаимозависимости. Но в конечном счете именно стремление к как можно более прочной защите свободы личности объединяет анархистов, при этом разделяя их на различные направления.

Мы – коммунисты, ибо мы считаем, что организация общественной жизни, основанная на принципе братства, при котором не будет более ни угнетенных, ни угнетателей, может быть с меньшей сложностью достигнута при свободном установлении общественной солидарности и свободном сотрудничестве, преследующем интерес каждого, с целью как можно более полного удовлетворения человеческих потребностей, чем при установлении

права на различное вознаграждение личного труда.

Мы полагаем, что распределение естественных средств производства и определение меновой стоимости продукта (оба эти процесса будут необходимым образом существовать при любой системе, кроме коммунистической) не могут быть обеспечены без междоусобной борьбы и несправедливостей, могущих, в конечном счете, привести к восстановлению новых форм власти и правительств. С другой стороны, мы честно признаем опасность, которая всегда будет в силе при попытках осуществления коммунизма до того, как стремление к нему и осознание его необходимости не пустят глубокие корни в народе, и в более крупных масштабах, чем это позволяют объективные условия производства и общественных отношений: в таком случае может возникнуть паразитическая бюрократия, которая, централизовав всю собственность в своих руках, стала бы худшим из правительств.

Поэтому мы остаемся коммунистами в наших стремлениях, но желаем предоставить свободу действий всем, кто желает экспериментировать с осуществлением всех способов организации жизни, которых можно только вообразить и пожелать.

Для нас жизненно важно и достаточно, чтобы каждый обладал полной свободой, и никто не мог бы присвоить в исключительное пользование средства производства, живя за счет чужого труда.

***

Адамас также делает акцент на необходимости создания *«организованного, однородного, последовательного в своих действиях анархического движения, объединенного ради общих действий в борьбе и выдвижении требований»*. Он также пишет, что наша практическая работа не должна зависеть от *«откладывания на потом вопросов деятельности, инициативы, организации и т.п., до того времени, когда все, кто называют себя анархистами, придут к согласию о том, что же нужно делать. Напротив, мы – те, кто уже пришли к такому согласию, — должны участвовать в непосредственной сиюминутной работе, согласно с общими и тактическими положениями наших программ, не уклоняясь от нее из постыдного страха оскорбить чувства несогласных, принадлежащих к различным фракциям и направлениям»*.

Я целиком и полностью согласен с его мнением; но все же я считаю, что Адамас ошибается, полагая, что именно «индивидуалисты» виновны в том, что его пожелания до сих пор не были воплощены в жизнь, или же были осуществлены только частично и из рук вон плохо.

По моему мнению, корни этой проблемы лежат в состоянии мыслей многих анархистов, вызванном распространением ошибочных представлений, появившихся еще при основании нашего движения, которые понуждают их презрительно относиться к любым практическим предложениям касательно деятельности. Такие ошибочные суждения вызваны особым «естественным» провиденциализмом, заставляющим их полагать, что перемены в жизни человеческого общества происходят сами собой, естественным путем, без какой-либо подготовки, без организации, без предварительного плана. Точно так же, как многие из нас полагают, что революция произойдет сама по себе, когда придет время, благодаря

стихийной борьбе масс, так и эти анархисты считают, что в послереволюционное время стихийной воли народа будет достаточно для создания новой общественной организации, и что нет никакой необходимости что-либо прогнозировать или планировать. Вот в чем корень зла, на которое указывает Адамас, а вовсе не в деятельности «индивидуалистов», которые, в конечном счете, всегда были незначительным меньшинством в нашем движении и вряд ли пользовались каким-либо влиянием или поддержкой.

Да и само выражение «**Анархия - это естественный порядок вещей**», которое, по моему мнению, является крайне ошибочным, было пущено в ход отнюдь не индивидуалистами!

Как бы то ни было, поговорим об этом подробнее в следующий раз.

Муссолини у власти

1922, источник: [здесь](#). Данная статья взята из сборника «Выбить фашизм».

Фашизм наконец-то оказался у власти — кульминация затянувшейся серии преступлений. И Муссолини, Дуче, если его так можно описать, начал с того, что стал обращаться с депутатами парламента, как наглый хозяин мог бы обращаться с тупыми, ленивыми слугами. Парламент, призванный быть «поборником свободы», показал, чего он стоит. Мы этим ничуть не взволнованы. Нечего выбирать между хвастуном, что брызгает слюной и разбрасывается угрозами, потому что он чувствует себя в безопасности, и прислужником трусов, что, кажется, погряз в своём унижении. Давайте лишь отметим — причём не без чувства стыда, — что за люди нами управляют и от чьего ярма мы не смогли освободиться.

Но каково значение и каковы последствия, каков вероятный исход этого нового способа добиваться власти во имя и по повелению короля, нарушая конституцию, которую король поклялся чтить и защищать?

Помимо поз с претензией на наполеонство, которые на самом деле являются лишь позами комической оперы, если не действиями паханов, мы верим, что, по большому счёту, ничего бы не изменилось, разве что в течение какого-то время усилится давление полиции на рабочих и тех, кто занимается подрывной деятельностью. Возвращение [реакционных итальянских политиков XIX века] Криспи и Пеллу. Старая история о том, как браконьер стал егерем. Чувствуя угрозу прилива пролетарского движения, не будучи в состоянии разрешить неотложные проблемы войны, не в силах защитить себя обычными, законными репрессивными средствами, буржуазия увидела, что всё потеряно, и была рада приветствовать военного деятеля, объявившего себя диктатором и отвечающего на попытку освобождения кровавой баней. Но именно в тот момент, в период сразу после войны, все было слишком опасным, и он мог бы спровоцировать революцию, а не изгнать её дух. В любом случае, спасителя-генерала не было видно, или, по крайней мере, из строя выходили лишь пародии. Вместо этого на поверхность выскочили авантюристы, которые, не найдя достаточного поля действия для своих амбиций и appetитов в рядах занимающихся подрывной деятельностью, решили сыграть на страхах буржуазии, предложив ей, за соответствующее вознаграждение, содействие нерегулярных сил, которые, уверенные в своей безнаказанности, могли быть выпущены на рабочих без того, чтобы напрямую скомпрометировать тех, кто предположительно пользуется плодами осуществляемого насилия. И буржуазия приветствовала, заказывала и оплачивала подобное содействие; собственно правительство, или, по крайней мере, некоторые из агентов правительства, решили снабжать их оружием, помогать им, когда они могли сами сильнее пострадать во время нападения, гарантировать им отсутствие наказания и предварительно разоружать будущих жертв нападения.

Рабочие не знали, как отвечать на насилие насилием, потому что в них воспитывали веру в закон и потому что, даже когда каждая иллюзия была разбита, а поджоги и убийства процветали под доброжелательным взглядом властей, люди, которым они верили, проповедовали среди них терпение, спокойствие, красоту и мудрость того, чтобы «героически» позволять себя избивать без сопротивления, так что они были избиты и оскорблены, потеряв своё самое ценное имущество, потеряв лицо, достоинство и чувства.

Возможно, когда все учреждения рабочих были уничтожены, их организации разогнаны, их наиболее выдающиеся и считающиеся опасными деятели убиты, посажены в тюрьму или низведены до беспомощного положения, буржуазии и правительству захотелось притормозить новых преторианцев, которые ныне лелеют мечту стать хозяевами над теми, кому они ранее служили. Но к тому времени было уже слишком поздно. К тому времени фашисты были слишком сильны и намеревались вытребовать чрезмерную плату за оказанные услуги. И буржуазии придётся раскошелиться, и она, разумеется, постарается возместить свои убытки за счёт пролетариата.

Результат: увеличение бедности, увеличение угнетения.

Что же касается нас, то мы можем лишь продолжать свою борьбу, как всегда, полные веры и энтузиазма. Мы знаем, что наш путь усыпан несчастьями, однако мы сознательно и охотно его избрали, и у нас нет причин с него сходить. Все, в ком есть чувство достоинства и человеческой порядочности и кто желает посвятить себя борьбе за всеобщее благо, знают, что им надо быть готовыми встретиться с разнообразными разочарованиями, болью и жертвами. Поскольку никогда не было недостатка в тех, кого ослепляли демонстрация силы и кто вечно питает тайное восхищение перед победителем, теперь также есть занимающиеся подрывной деятельностью, которые говорят, что «фашисты научили нас тому, как делают революцию».

Нет, фашисты нас равным счётом ничему не научили. Они совершили свою революцию, если её можно описать подобным образом, с разрешения вышестоящих лиц и находясь на службе у своего начальства.

Предавать друзей, ежедневно отступать от исповедовавшихся ещё вчера идей, если это оказывается выгодным, предлагать свои услуги начальству, стремиться получить заверения в согласии политических и юридических властей, разоружать своих оппонентов силами карабинеров, чтобы потом нападать на них вдесятеро превосходящими силами, военная подготовка, которую не приходится скрывать, принимать грузы вооружения, транспорт и военное снаряжение от правительства, а затем получить вызов от короля и поместить себя под Божью защиту... ничто из этого не относится к вещам, которые мы могли бы или хотели бы украсть. И это всё относится к вещам, которые, как мы предупреждали, буржуазия допустит, как только почувствует для себя серьёзную угрозу. Вместо этого приход фашизма должен стать уроком для конституционных социалистов, которые думали — и, увы! — продолжают думать, что буржуазия может быть побеждена голосами половины электората плюс ещё один голос, и которые отказывались нам верить, когда мы им говорили, что если они бы когда-то и достигли большинства в парламенте и попытались бы — если можно воспользоваться подобной абсурдной гипотезой — установить социализм через парламент,

их бы согнали с их мест!

На коллективной ответственности

1930, источник: [здесь](#). Малатеста пишет о неправильном понимании Платформы в связи с неправильным использованием терминов, которые могут показать Платформу как авторитарную теорию. Кроме того он весьма точно отмечает, что формальное принятие каких-либо принципов никак не связано с реальным исполнением этих принципов, на конкретном примере — принятие «коллективной ответственности» не даст желаемого результата, так как этот результат может быть построен лишь на всеобщем действительном понимании и солидарности внутри организации.

Это письмо от Эррико Малатеста к анархистским группы 18го округа Парижа, написанное в марте или апреле 1930 года и опубликованное в Париже в «Le Libertaire» No.252 19 апреля 1930 года. Письмо подтверждает мнение Малатеста о концепции «коллективной ответственности» организации. И на последнем съезде, организованном французскими анархистами, и на страницах «Le Libertaire» этот вопрос горячо обсуждался.

Я видел заявление **группы 18**, где, по согласованию с русской «Платформой» и с товарищем Махно, было решено, что «**принцип коллективной ответственности**» является основой каждой серьезной организации.

Я уже, в моей критике «Платформы» и в моем ответе на открытое письмо, направленное мне Махно, указал мое мнение по этому предположительному принципу. Но некоторые настаивают на идее или, по крайней мере, выражении, которое, мне кажется, больше подходит для военных казарм, чем для анархистских групп, я надеюсь, будет разрешено сказать еще несколько слов по этому вопросу.

Товарищи из 18-ой группы сказали, что «коммунистические анархисты должны работать таким образом, чтобы их влияние имело наибольшую вероятность успеха, и что результата не будет, если их пропаганда не будет развиваться коллективно, постоянно и равномерно». Я согласен! Но, похоже, что это не так, поскольку эти товарищи жалуются, что «во имя той же организации, в каждом уголке Франции, распространены самые разнообразные, порой противоположные, теории». Это самое печальное, но это просто означает, что эта организация не имеет ясной и четкой программы, которая понята и принята всеми ее членами, и что внутри партии люди, которые не имеют схожих идей. Эти люди либо должны сгруппироваться в отдельные организации, либо остаться, если они не могут найти такие, которые действуют так, как им хотелось бы.

Если, как сказали товарищи из 18-ой группы, **ПАКС** (Революционный Анархо-коммунистический Союз) ничего не делает, чтобы создать программу, которая может быть

принята всеми ее членами и позволит им быть в состоянии действовать вместе в таких ситуациях, которые только можно представить себе, если, другими словами, **РАКС** не хватает знаний, сплоченности или соглашения, то его проблема заключается в следующем: ничего не будет исправлено, лишь провозгласив **«коллективную ответственность»**, если это означает слепое подчинение всех воле некоторых, что является моральным абсурдом в теории и общей безответственностью на практике.

Но все это возможно лишь вопрос слов.

В моем ответе Махно я уже сказал:

«Вполне возможно, что под термином коллективной ответственности вы имеете в виду соглашение и солидарность, которые должны существовать между членами Ассоциации. Если это так, и ваше выражение было, на мой взгляд, составлено неверно с точки зрения использования языка, то, следовательно, если оно является лишь вопросом слов, мы были бы ближе к пониманию друг друга».

И теперь, читая то, что сказали товарищи из 18-ой группы, я считаю себя более или менее в соответствии с их способом постижения анархистской организации (*будучи очень далеко от авторитарного духа, который «Платформа», казалось, открыла*), и я подтверждаю мое убеждение, что за языковыми различиями действительно лежат идентичные позиции.

Но если это так, то почему сохраняются выражения, которые служат только для того, чтобы бросать вызов разъяснению того, что было одной из причин недоразумения, вызванного «Платформой»? Почему бы не говорить так, как надо понимать, а не создавать путаницы?

Моральная ответственность (*а в нашем случае мы можем говорить только о моральной ответственности*) является отдельной по самой своей природе. Только дух господства, в его различных политических, военных, церковных (и т.д.) обликах, был в состоянии держать людей ответственными за то, что они еще не сделали добровольно.

Если определенное количество людей согласится сделать что-то, и один из них позволит себе инициативу не выполнить то, что обещал, то все будут говорить, что это была его ошибка, и поэтому именно он несет ответственность, а не тех, кто сделал то, что они должны были сделать вплоть до последнего момента.

Еще раз, давайте говорить, как все говорят. Давайте попробуем быть понятыми всеми. Мы можем оказаться в меньших трудностях с нашей пропагандой.

На пути к Анархии

1930-е, источник: [здесь](#). Малатеста пишет о современных ему анархистах и их представлении о революции и послереволюционной работе, о методах в арсенале революционеров и их путях в построении справедливого общества.

Существует распространенное мнение, что мы — Анархисты — будучи революционерами, ожидаем, что Анархия наступит в одно мгновение, как результат внезапного восстания, которое сметет все существующие государственные и общественные институты и заменит их совершенно новыми. И, сказать по правде, эта идея находит своих приверженцев и среди наших товарищей, которые видят революцию именно так.

Существование этого предрассудка объясняет, почему так много вполне адекватных оппонентов считают, что Анархизм невозможен; объясняет, почему некоторые наши товарищи, отторгнутые отвратительным моральным состоянием народных масс, видя, что Анархия не наступит в ближайшем будущем, колеблются между радикальным догматизмом, который не дает им возможности адекватно оценивать реальное положение дел, и оппортунизмом, который практически заставляет их забыть, что они Анархисты и в первую очередь они должны вести борьбу во имя Анархии.

Если мы хотим подменить одно правительство другим, таким образом, перекладывая свои желания на других, достаточно было бы только собрать воедино материальные силы, необходимые для противостояния действительным угнетателям, чтобы поставить нас на их место.

Но мы не хотим этого делать. Мы стремимся к Анархии, к обществу, построенному на добровольном, свободном договоре, обществу, в котором никто не может навязать свои желания другим, в котором каждый может действовать, как пожелает, где все добровольно вносят свой вклад в благополучие общины. Но Анархия не сможет победить однозначно и всюду, пока все люди не только не захотят перестать быть подчиненными, но и не захотят подчиняться; пока не будут понимать преимущества солидарности и взаимопомощи, не будут знать, как организовать план социальной жизни, в которой не останется следов насилия и принуждения.

Как сознание, решительность и возможности людей непрерывно развиваются, вырабатываются новые средства самовыражения в постоянно изменяющейся окружающей среде, в осуществлении своих желаний, соответствующих степени формирования и становления их властного существа, так и Анархия не может развиваться кроме как шаг за шагом, медленно, но верно, углубляясь и расширяясь во всем.

Таким образом, суть не в том, чтобы достичь Анархии сегодня, завтра или в последующие десять лет, а в том, чтобы встать на путь к Анархии, идти к ней сегодня, завтра и всегда.

Анархия — это избавление от эксплуатации и угнетения человека человеком, а значит избавление от частной собственности и государства. Анархия — это уничтожение несчастья и нищеты, предрассудков и ненависти. Каждый удар, нанесенный институтам частного права и государства, каждый призыв к совести человека, каждый подрыв современных устоев, каждая раскрытая ложь, каждая область человеческой деятельности, вышедшая из под контроля властей, каждое преумножение духа солидарности и инициативы — это шаг на пути к Анархии.

Проблема лежит в понимании того, как выбрать дорогу, которая действительно направлена на реализацию наших идеалов, и в том, как не спутать движение к прогрессу с притворными, двуличными реформами. Потому как под предлогом достижения немедленных улучшений эти лживые реформы имеют своей целью отвлечение масс от борьбы с властью и капитализмом, они стремятся парализовать их действия и заставить их надеяться, что что-либо можно достичь через доброту эксплуататоров и государства. Проблема лежит в понимании того, как использовать ту скудную мощь, имеющуюся в наших руках, которую мы стремимся преумножить, максимально экономично, увеличивая солидность наших целей.

В каждой стране, правительство насильственным образом насаждает свои законы во всем, принуждает людей быть эксплуатируемыми и оставаться, хотя бы они этого или нет, в существующих институтах. Это делает невозможным для различных меньшинств воплощать в жизнь свои идеи и препятствует социальным организациям видоизменять себя исходя из изменений в общественном мнении. Курс к мирной эволюции скован насилием, соответственно только насилием этот курс может быть возобновлен. Именно по этой причине мы хотим насильственной революции сегодня, и всегда будем хотеть, пока человека будут принуждать выполнять вещи, противоречащие его природе. Уберите государственное насилие и наш мир, какой он есть сейчас, лишится всех причин для существования.

Пока что, мы не имеем возможности ниспровергнуть господствующую государственную систему, возможно завтра у нас не будет возможности предотвратить появление нового государства из руин разрушенного, сегодняшнего государства. Но это нас не останавливает сегодня, не остановит и завтра. Это не мешает нам сопротивляться любым формам власти, не подчиняясь ее законам, непрестанно противопоставляя государственному насилию революционное.

Ослабление любого рода власти, любое преумножение свободы — есть шаг на пути к Анархии. Ее можно только завоевать, но никак не выпросить, она всегда должна способствовать укреплению нашей силы, духа и борьбы. Она всегда должна провозглашать государство нашим непримиримым врагом. Она никогда не даст нам забыть о том, что уменьшение бед, учиненных нам государством, напрямую связано с уменьшением силы и власти одного, что условия должны диктовать не те, кто правил, а те, кем правили. Под государством мы понимаем любого человека или группу людей в стране, общине, которые имели право создавать законы и насаждать их тем, кто их не хочет и не хотел.

Пока что, мы не имеем возможности ниспровергнуть частную собственность, мы не можем сами регулировать средства производства, что необходимо, чтобы работать свободно. Вероятно, у нас не появится эта возможность и в ходе будущих повстанческих движений. Но это нас не останавливает сегодня и не остановит завтра от непрерывного сопротивления капитализму или другой форме деспотизма. И каждая победа, какой бы она маленькой не была, одержанная рабочими над эксплуататорами, очередное понижение их доходов, каждая частичка богатств, отнятая у частного собственника и переданная во владение каждого, будет прогрессом — шагом на пути к Анархии. Подобные действия всегда должны служить для расширения требований рабочих, для усиления нашей борьбы. Это всегда должно восприниматься как победа над врагом, а не уступка, за которую мы должны быть благодарны. Мы всегда должны оставаться тверды в нашей решительности взять силой, как только это станет возможным, те средства производства, которые частные собственники, защищенные государством, взяли у рабочих.

Анархия не могла бы и никогда не сможет существовать, если бы не те немногие, кто ее хотят и хотят ее в тех вещах, которые они могут осуществить без взаимодействия с не-анархистами. Это не обязательно значит, что идеал Анархии не будет или будет недостаточно прогрессивным, потому как, мало-помалу, эта Идея будет распространяться на все большее число людей и все большее число вещей, пока не охватит все человечество и все стороны жизни.

Уничтожение государства и всех его институтов, которые оно защищает силой, завоевание полной свободы и средств производства, без которых свобода была бы ложью — вот наша цель. Однако, мы, в свою очередь, не стремимся к уничтожению тех вещей, которые нам все равно мало-помалу придется восстанавливать.

Например, функция обеспечения едой в современном обществе. Да, она осуществляется отвратительно, хаотично, с огромной тратой энергии и материала, с учетом интересов капиталистов. Но все же, так или иначе, мы вынуждены питаться. Было бы абсурдом дезорганизовать систему производства и распространения еды, если, конечно, мы не могли бы подменить ее чем-то, что было бы лучше и справедливее.

Также, существует почтовая служба, здесь можно долго распинаться и критиковать ее, но в то же время, мы все равно используем ее для рассылки писем и будем использовать, испытывая на себе все ее недостатки и минусы, пока не сможем изменить ее к лучшему или заменить вовсе.

Есть школы, да, они работают ужасно, но мы же не оставим наших детей в невежестве, лишив их возможности учиться читать и писать. Но в то же время, мы выжидаем и ведем борьбу за будущее, в котором мы сможем организовать школьную систему, которая будет эталоном для всех.

Таким образом, мы видим, что на пути к Анархии, не только материальная сила служит инструментом революции, но и крайне необходимо, чтобы мы, рабочие, объединенные и сгруппированные в соответствии с отраслями производства, поставили себя в ту позицию, которая сможет гарантировать надлежащий характер функционирования нашей

социальной жизни, без помощи и участия капиталистов или государства в ней.

И мы видим, что Анархистские идеалы не расходятся с законами эволюции, как утверждают «научные социалисты». Концепция Анархии отлично вписывается в эти законы, она — есть не что иное, как экспериментальная система из стадии научного изучения, перешедшая в стадию социальной реализации.

Небольшая теория

1892, источник: [здесь](#).

Революция гремит повсюду. В ее отважном крике проявляется воля свободных людей, как результат потребности справедливости; чаще всего это смесь потребности и идеи, которые взаимно порождают и укрепляют друг друга. Чувства революции, которая является возмездием человека против угнетателя, выплескивают народную ненависть, которая делает души революционеров кровожадными ко злу, уничтожать которое — смысл их святой борьбы. Разрушительная волна революции не всегда бывает осознанной, она беспощадна, эгоистична, но пока живет идея — она постоянно становится сильнее и ее уже нельзя остановить!

И было бы глупостью порицать эту жесткость — она справедлива и революция может быть только такой.

Однако история сотворена людьми; и поскольку мы не хотим быть равнодушными и пассивными очевидцами исторической трагедии, мы вынуждены использовать все свои силы, чтобы определить самые лучшие методы, которые нужны нам в нашей ситуации, мы должны понимать необходимость некоторых жестких мер.

Цель оправдывает средства: об этом принципе говорят много негативного. На самом же деле, это является универсальным инструментом борьбы.

Можно сказать лучше: каждая цель имеет свои средства. Нужно искать мораль в самой цели; средства же в любом случае её оправдают, иначе нет смысла в самой борьбе.

Предполагаемый результат, полученный произвольно или по необходимости, важная проблема жизни состоит в том, чтобы отыскать средства, которые, соответствуя обстоятельствам, с наибольшей вероятностью и с наименьшими затратами приведут к ожидаемому итогу. Способ решения той или иной проблемы зависит (настолько, насколько он в принципе может зависеть от человеческой воли) от того достигает ли индивид или группа с его помощью своих целей, служит ли он выполнению поставленной задачи или же, вопреки ожиданиям, приводит к противоположному результату. Найти подходящие средства – вот и весь секрет великих людей и великих партий, оставивших свой след в истории. В конце концов, мы приходим к мысли, что необходимо найти самый быстрый и лучший путь к достижению результата.

Например, идеал Иезуитов мистический, абстрактный – приближение и единение с Богом, для других же идеал – это Великое Общество. И могут понадобиться ошеломляющие методы, чтобы показать путь к Великому Обществу.

Для примера, целью якобинцев и всех авторитарных партий, считающих себя носителями абсолютной истины, является навязывание своих идеалов массам простых людей. Для этой попытки они должны захватить власть, и подчинить себе массы.

Что касается нас, то тут совсем другое дело: наша цель принципиально иная, соответственно средства её достижения должны быть совершенно другими.

Мы боремся не за то, чтобы самим занять место сегодняшних эксплуататоров и угнетателей, и не за триумф абстракции. Мы не похожи на того итальянского патриота, сказавшего: “Какое значение имеет то, что все итальянцы падают в обморок от голода, если Италия будет великой и прославленной!” Не больше мы похожи и на того товарища, который признался, что для него оправдано убийство трех четвертей человечества, при условии, что оставшиеся будут свободными и счастливыми.

Мы хотим счастья для всех без исключений людей. Мы хотим, чтобы каждый человек был в состоянии саморазвиваться и жить настолько счастливо, насколько это возможно. И мы думаем, что свобода и счастье не могут быть даны людям отдельным человеком или партией, и что каждый человек должен самостоятельно найти условия своей собственной свободы и достигнуть их. Мы верим, что только наиболее полное применение принципа солидарности может уничтожить несправедливость, угнетение и эксплуатацию, и что солидарность может быть лишь результатом свободного соглашения, непосредственного и преднамеренного осознанного согласования интересов.

Для нас всё, что стремится уничтожить экономическое и политическое угнетение; что служит поднятию морального и интеллектуального уровня людей, предоставлению им осознания своих прав и сил, а также убеждению победы самоорганизованного общества, всё, что вызывает ненависть к угнетению и любовь к людям, приближает нас к нашей цели, а значит, является добром, которое приносит максимально сильный эффект в нашей борьбе. И наоборот, есть зло, так как оно противоречит данной цели, это всё, что стремится к жертвам против воли человека во имя торжества принципа.

Мы же хотим торжества свободы и любви к справедливости.

Получается, ради этого мы отказываемся использовать насильственные средства? Совсем нет. Обстоятельства не оставляют нам выбора — наши методы являются вынужденными.

Разумеется, мы не хотим нанести вред и волоску на чьей-либо голове; мы хотели бы вытереть все слёзы и не дать им больше пролиться. Однако мы должны вести борьбу в таком мире, каков он есть, либо так и остаться бесплодными мечтателями.

Мы твёрдо верим, что придёт день, когда будет возможно делать добро для людей, не причиняя никому зла. Сейчас это невозможно. Даже чистейшие и милейшие из мучеников, те, кто попал на эшафот во имя торжества добра, не противились своей участи и благословляли своих преследователей, отдавали себя в жертву, осознавая неизбежность военных методов, и принимая то, что они сами стали жертвами. Кроме зла, которое они причиняют сами себе, они причиняют зло всем тем, кто любит их, проливая горькие слёзы.

Этот вопрос встаёт всегда, во всех жизненных поступках – вопрос о выборе наименьшего зла, в попытке сделать при помощи наименьшего зла добро наибольшему числу людей.

Человечество мучительно волочится, находясь под тяжестью политического и экономического гнёта; оно доводится до звероподобного состояния, вырождается, уничтожается (и не всегда медленно) при помощи нищеты, рабства, невежества и их последствий.

Для защиты такого положения вещей существуют мощные военные и политические организации, отвечающие тюрьмой, эшафотом и убийствами на каждую серьёзную попытку изменения. Нет никаких мирных, законных средств, при помощи которых можно миновать эту ситуацию, и это нормально, поскольку закон создан привилегированными классами специально для защиты своих привилегий. Против физической силы, встающей на нашей дороге, есть лишь насильственная революция.

Очевидно, что революция принесёт немало бед и страданий; но даже если бы она повлекла бы их в сотню раз больше, она всё равно была бы благом относительно того, что каждый вынужден терпеть сегодня.

Мы знаем, что в одном крупном сражении погибло больше людей, чем во время самой кровавой из революций; мы знаем, что каждый год миллионы детей умирают в раннем возрасте от нехватки заботы; мы знаем про миллионы пролетариев, преждевременно умирающих от жесточайшей бедности; мы знаем про скудную жизнь без радости и надежды, которую ведёт огромное количество людей; мы знаем, что даже самые богатые и сильные намного менее счастливы, чем они могли бы быть в обществе равенства; и мы знаем, что такое положение вещей сохраняется с незапамятных времён. Без революции так будет продолжаться бесконечно, тогда как одна единственная революция, которая решительно атаковала бы зло, могла бы направить человечество на путь счастья.

Так позволим же революции случиться; каждый день её отсрочки наполняется огромной массой причинённых нам страданий. Давайте работать над тем, чтобы она свершилась быстрее и стала тем, что положит конец всякому угнетению и всякой эксплуатации.

Именно из-за любви к человечеству мы и являемся революционерами: это не наша вина, что история взвалила на нас эту горькую необходимость.

Итак, для нас, анархистов или, по крайней мере, для тех, кто видит вещи, как видим их мы, каждый акт пропаганды или успеха, словом или делом, индивидуальный или коллективный, когда это служит приближению и содействию революции, когда это служит обеспечению революции сознательной поддержки масс и придания ей характера всеобщего освобождения, без которого революция вполне может жить, но это совсем не та революция, которую мы жаждем. И особенно касательно революции мы должны принять во внимание принцип крайне жёсткой экономии, поскольку здесь затраты складываются из человеческих жизней.

Нам слишком хорошо знакомы ужасные материальные и моральные условия, в которых находится пролетариат, чтобы не понять актов ненависти, мести и даже жестокости,

которые могут последовать. Мы знаем, что есть некоторые угнетённые, которые всегда рассматривали буржуазию с праведной ненавистью, постоянно видели, что сильнейшим было позволено всё, и однажды, когда они сами на мгновение оказываются сильнейшими, и предадут, говоря: «Давайте поступать так же, как поступает буржуазия».

Но одно дело понять и простить это действия, и другое декларировать их как свои собственные. Это не те действия, которые мы можем принять, одобрять и копировать. Мы должны быть решительны и активны, но никогда не пытаться выходить за рамки, очерченные необходимостью. Мы должны поступать как хирург, который режет, когда он должен, но избегает причинения излишних страданий: одним словом, мы должны быть воодушевлены чувством любви к народу, ко всем людям.

Нам кажется, что чувство любви – это источник морали, душа нашей программы; нам кажется, что только зарождение революции, как великого торжества человечества, как освобождения и братания всех, вне зависимости от того, к какому классу или партии они принадлежали, может реализовать наш идеал.

Жестокое восстание, безусловно, будет произведено и даже станет великой рукой помощи, которая потрясет существующую систему; но если не находится противовеса в лице революционеров, которые борются во имя идеалов, то оно уничтожит само себя.

Ненависть не порождает любви; мы не станем обновлять мир ненавистью. Но революция ненависти либо потерпит полное фиаско, либо приведёт к новому угнетению, которое можно будет называть «анархистским», лишь в той же степени, как нынешние правительства называют «либеральными», но которое от этого не станет меньшим угнетением и будет порождать все те же последствия, которые порождает любое угнетение.

Ни демократы, ни диктаторы: анархисты

1926, источник: [здесь](#). Малатеста пишет о демократии и о том, что при сохранении классового общества реальная демократия невозможна. Также он рассуждает о демократии как системе правления большинства или меньшинства, показывая различия данной системы с общественным идеалом социальных анархистов.

В теории демократия подразумевает народное правительство, то есть правление всех, направленное на достижение всеобщих целей. Таким образом, при реальной демократии люди должны знать, чего они хотят, должны уметь грамотно назначать исполнителей поставленных целей, а также умело контролировать деятельность исполнителей, меняя их по своему усмотрению.

На практике же демократический режим сам по себе только гарантирует право отдельного человека формировать и выражать свою собственную точку зрения на тот или иной вопрос. Имеется в виду, что каждый человек политически и экономически свободен и не обязан подчиняться воле других людей.

Однако при сохранении классов и, как следствие, сохранении зависимого положения одних людей от других, осуществляющих монополию на средства производства, демократия может быть не больше, чем яркой ширмой, провозглашающей всеобщую независимость только на словах, а в действительности служащую интересам верхушки общества, и всегда будет выгодна капиталу, называясь эта демократия хоть конституционной монархией, хоть так называемой системой «прямого правления».

Очевидно, что истинная демократия может существовать только в социалистическом обществе, в котором орудия и средства производства находятся в общественной собственности и всеобщее право влиять на происходящие в обществе процессы основано на экономической независимости каждого отдельного человека. В таком случае демократическая система является идеальной для достижения справедливого общественного устройства и разумного согласования индивидуальных свобод и общественных обязанностей живущего в социуме человека. Это, в большей или меньшей степени, ясно для тех, кто в эпоху деспотизма борется, страдает и умирает ради свободы.

Но если смотреть на вещи реалистично, то правительство, включающее в себя всю людскую массу, представляется неосуществимой утопией, так как люди, составляющие собой народ, придерживаются различных мнений и руководствуются различными желаниями, и никогда не будет такой проблемы, в которой все, абсолютно все люди будут единогласны. Так что «народное правительство», если уж люди никак не могут обойтись без верховной власти, в

лучшем случае будет только правительством большинства. Демократы, социалисты они или нет, охотно с этим соглашаются. Конечно, они утверждают, что права меньшинств в демократическом обществе также будут соблюдаться в полной мере, однако на деле это значит, что меньшинства будут иметь только те права, которыми большинство само их наделит, и единственным сдерживающим большинство фактором будет сопротивление, которое меньшинство способно оказать. Это означает, что в обществе всегда будет происходить внутренняя борьба, в которой часть людей, составляющая большинство, будет иметь возможность диктовать другим свою волю и направлять всеобщие усилия на достижение своих личных целей.

И здесь я сделаю отступление в сторону, чтобы показать, что, опираясь на события прошлого и настоящего, суждение о том, что правительство, то есть власть, действует в интересах большинства, — является ложным, и любая подобная «демократия» на деле является олигархией, то есть диктатурой некоторого ограниченного числа людей. Однако дабы не уходить от основной темы этой работы, я предпочту не обличать демократов и представлю, что идея подлинного правительства большинства действительно осуществима.

Власть подразумевает под собой исключительное право на создание законов и принуждение к их исполнению посредством насилия, то есть ни одна власть не может существовать без полицейского аппарата.

Может ли теперь общество мирно жить и развиваться на благо всех; может ли оно постепенно адаптироваться к постоянно меняющимся обстоятельствам, если большинство имеет право и возможность силой навязывать свою волю непокорным меньшинствам?

Большинство по определению является отсталым, консервативным, врагом нового, пассивным в мыслях и поступках, и в то же время импульсивным, неумеренным, поддающимся внушению, легко впадающим в энтузиазм и подверженным иррациональным страхам. Каждая новая идея, исходящая от одного или нескольких индивидов, принимается, если она жизнеспособна, более или менее значительным меньшинством и имеет успех у большинства, если вообще имеет, лишь после того, как она была вытеснена новыми идеями и новыми потребностями, а значит, уже стала устаревшей и скорее препятствием, нежели толчком для прогресса.

Тогда получается, мы хотим правления меньшинства? Конечно, нет. Если со стороны большинства несправедливо и вредоносно угнетать меньшинства и препятствовать развитию, еще более несправедливо и вредоносно со стороны меньшинства угнетать всё население целиком или навязывать его [меньшинства] идеи силой, поскольку даже если они являлись благими, они вызвали бы отвращение и неприятие из-за самого факта навязывания.

И потом не стоит забывать, что есть всякие виды различных меньшинств. Есть меньшинства эгоистов и негодяев, также как и фанатиков, верящих, что они постигли абсолютную истину, и совершенно искренне стремящихся навязать другим то, что они считают единственным путем к спасению, даже если это обычная глупость. Есть меньшинства реакционеров, стремящихся повернуть время вспять, а расходятся во мнениях разве что по

поводу путей и границ реакции. Есть меньшинства и революционные, тоже разделенные относительно средств и целей революции, а также направления, в котором должен будет осуществляться социальный прогресс.

Какое меньшинство придет к власти?

Это вопрос грубой силы и способности к интригам, а вот вероятность того, что успех обрушится на голову наиболее искренних и преданных идее всеобщего блага не велика. Чтобы захватить власть, требуются далеко не те качества, которые необходимы для обеспечения торжества справедливости и благополучия в мире.

Но в данном случае я продолжу давать другим презумпцию добросовестности и предположу, что победило меньшинство, которое, среди прочих стремившихся к власти, я считал лучшим в виду его идей и предложений. Я хочу предположить, что к власти пришли социалисты и добавлю также анархистов, если я не предотвратил противоречие в терминах.

Что было бы хуже всего?

Да, для захвата власти, законным путем или не законным, нужно оставить на обочине большую часть своего идеологического багажа и избавиться от всех своих моральных угрызений. Да и потом, придя к власти, большая проблема заключается в том, как удержаться. Нужно найти общий интерес в новых обстоятельствах и приобщить к нему в рамках правительства новый привилегированный класс, подавлять любой вид оппозиции всеми возможными средствами. Возможно и в национальных интересах, но всегда с плачевными для свободы последствиями.

Установившееся правительство, основанное на пассивном согласии большинства и подкрепленное силой, привыкшее к тому, что правда на их стороне, и порой совершенно искренне так считающее, может оставить некоторое пространство свободе, по крайней мере, до тех пор, пока привилегированные классы не чувствуют для себя угрозы. Новое правительство, часто опирающееся на поддержку лишь весьма незначительного меньшинства, стоит перед необходимостью быть тираническим.

Достаточно вспомнить, что социалисты и коммунисты сделали, когда пришли к власти, предав свои принципы и своих товарищей, вознося при этом идеи социализма и коммунизма.

Именно поэтому мы ни за правление большинства, ни за правление меньшинства; ни за демократию, ни за диктатуру. Мы за уничтожение жандармерии. Мы за всеобщую свободу и свободное соглашение, которое будет существовать для всех, когда никто не сможет принуждать других, и все будут участвовать в плодотворном развитии общества. Мы за анархию.

О науке

1913, источник: [здесь](#). "Volonta", 27.12.1913, 27.04.1922; "Pensiero e Volonta", 15.09.1924, 1.11.1924, 1.07.1925, 1.02.1926

Наука - это оружие, которое может служить как добру, так и злу; но сама она полностью игнорирует понятия добра и зла.

Поэтому мы - анархисты не потому что нам так велит наука; мы - анархисты еще и потому, что мы хотим, чтобы все люди могли наслаждаться выгодами и удовольствиями, которые предоставляет наука...

В сфере науки теории, всегда гипотетические и временные, являются удобным средством для соединения и увязывания между собой известных фактов. Иными словами, они - полезный инструмент для исследований, открытия и истолкования новых фактов. Но они отнюдь не являются истиной. В сфере жизни (я имею в виду, общественной жизни) они - всего лишь видимость науки, к которой некоторые люди прибегают в свое удовольствие и по своему желанию. Сциентизм (я не говорю о науке), господствовавший во второй половине XIX века, породил тенденцию, которая сводилась к объявлению научными истинами (или законами природы, а потому чем-то необходимым и фатальным) того, что в действительности было лишь идеей справедливости, прогресса и т.д. Эту идею каждый строил по-разному, в зависимости от своих интересов и надежд. Отсюда возникли "научный социализм" и "научный анархизм", который проповедовался нашими ветеранами, но всегда казался мне чем-то в роде барочных идей, смешавших вещи и концепции, совершенно различные по своей природе...

Я не верю ни в непогрешимость науки, ни в ее способность объяснить все, ни в ее миссию регламентировать и вести людей; точно так же я не верю в непогрешимость папы, в священное откровение или в божественное происхождение святого писания.

Я верю только в то, что можно проверить, но я хорошо знаю, что проверки относительно и в действительности позже преодолеваются и отменяются другими установленными фактами; я полагаю, что сомнение должно быть духовной позицией всех тех, кто хочет все больше приблизиться к истине, к части истины, по крайней мере, которую можно установить...

Воле верить, то есть воле уничтожать свой собственный разум, я противопоставляю волю к знанию, которая открывает перед нами бесконечное поле исследований и открытий. Лично я, как уже сказал, признаю только то, что может быть проверено так, чтобы это удовлетворило мой разум - и я признаю это только временно, относительно, всегда в ожидании новых истин, более верных, чем те, что были известны до сих пор.

Итак, никакой веры в религиозном смысле этого слова.

Я говорю, что надо иметь веру и что в борьбе за добро нужны люди, обладающие твердой верой, стойкостью в бурях, "как башня, никогда не качающаяся под порывами ветра". Существует даже анархистская газета, которая, вдохновляясь, очевидно, этой необходимостью, так и называется: "Феде!" ("Вера!"). Но речь здесь идет о другом смысле слова. В данном случае слово "вера" служит синонимом твердой воли и страстной надежды и не имеет ничего общего со слепым верованием в вещи, кажущиеся непостижимыми или абсурдными.

Но как совместить, с одной стороны, этот отказ от веры в религию и систематическое сомнение в окончательности результатов науки с правилом этики, твердой волей и страстной надеждой на осуществление моего идеала свободы, справедливости и братства, с другой? Факт состоит в том, что я не вношу науку туда, где ей не имеет никакого смысла быть.

Роль науки состоит в открытии и установлении фактов, а также условий, при которых факт возникает и необходимым образом повторяется; иными словами, ее роль - в установлении того, что есть и необходимым образом должно быть, а не того, чего люди желают и хотят.

Наука останавливается там, где кончается фатальность и где начинается свобода. Она полезна человеку, поскольку не позволяет ему потеряться в химерах и, в то же самое время, дает ему возможность приобрести больше времени для осуществления его свободной воли - качества желать, которое в разной степени отличает людей и, быть может, всех животных от инертных вещей и неосознанных сил.

Именно в этой способности к воле следует искать источники этики и правил поведения...

...Если я тверд и решителен в том, чего я хочу, я всегда сомневаюсь в том, что я знаю; я полагаю, что, несмотря на все усилия понять и объяснить Вселенную, до сего дня не удалось достичь не то что достоверности, но даже правдоподобия достоверности, и я не уверен, что человеческому разуму удастся достичь ее хоть когда-нибудь.

Если бы мне сказали, что я обладаю научным духом, я не стал бы гневаться, я был бы рад заслужить подобное определение. Ведь обладать научным духом означает исследовать истину с помощью позитивных, рациональных и экспериментальных методов, никогда не впадая в иллюзию обнаружения абсолютной Истины и довольствуясь тем, что после долгого труда приближаешься к ней и открываешь частичные истины, всегда признаваемые временными и подлежащими пересмотру. Научное, по моему мнению, должно быть тем, что проверяет факты и делает логические выводы, какие бы то ни было, в противовес тем, кто разрабатывает систему, ища затем подтверждения фактами и, делая это, бессознательно отбирая факты, совпадающие с их системой, и отрицая другие; при случае они не уважают факты и искажают их, насильно укладывая в русло их теорий. Наука использует рабочие гипотезы: она формулирует предположения, которые служат путеводителем и стимулируют исследования, но она не становится жертвой фантазий, принимая привычные предположения за явные истины, с помощью произвольной индукции обобщая и возводя в категорию закона всякий отдельный факт, соответствующий выдвинутому тезису.

Вызванный и порожденный энтузиазмом, выросшим из действительно экстраординарных открытий второй половины XIX века в области физико-химии и естественной истории, господствовавший над духом той эпохи сциентизм, который я отвергаю, состоит в вере, будто наука - это все и может все, в признании любых частичных открытий окончательными истинами, догмами, в смешении Науки и Этики, Силы в механическом смысле этого слова - нечто определимого и измеримого - и этических сил, Природы и Мышления, закона Природы и Воли. Сциентизм логически приводит к фатализму, то есть к отрицанию воли и ее свободы...

Кропоткин, пытаясь "придать Анархии место в современной науке", полагает, что "Анархия есть концепция Вселенной, основанная на механической интерпретации феноменов, которая охватывает всю природу, включая жизнь общества".

Это философское намерение, которое можно принимать, или нет; но в нем нет ничего ни от науки, ни от анархизма. Наука - это сумма и систематизация того, что мы знаем или полагаем, что знаем: она формулирует факты и пытается обнаружить закон, которому они следуют, познать условия, при которых факты возникают и необходимым образом повторяются. Она удовлетворяет определенные интеллектуальные потребности и, в то же время, служит вполне действенным инструментом могущества. Выявляя в законах природы пределы человеческого произвола, она увеличивает эффективную свободу человека и дает ему средства повернуть эти законы в свою пользу. Наука одинакова для всех, она индифферентна к добру и злу, к освобождению и угнетению.

Философия может быть гипотетическим объяснением того, что известно, или попыткой угадать то, чего мы не знаем. Она ставит проблемы, которые, по крайней мере до сего дня, ускользали из сферы компетенции науки, и воображает решения, которые невозможно проверить при нынешнем состоянии наших знаний - эти решения варьируют и сталкиваются друг с другом в зависимости от философских систем. Если философия не превращается в простую словесную игру или в набор трюков, она может служить науке, стимулируя и направляя ее - но она не является наукой. Анархия, напротив, - это чаяния человека, которые не основываются ни на какой естественной необходимости, подлинной или предполагаемой, и могут быть осуществлены или не осуществлены по воле человека. Она использует средства, даваемые наукой человеку в борьбе с природой и противостоящими волями; она может использовать прогресс философской мысли, когда та помогает человеку лучше думать и различать, что реально, а что нет; но ее нельзя смешивать ни с наукой, ни с философской системой - под угрозой абсурда.

Посмотрим, действительно ли "механическая концепция Вселенной" объясняет известные факты. Посмотрим затем, может ли она быть совместимой и логически сосуществовать с анархизмом или с любым другим чаянием достичь нового состояния вещей, отличного от того, которое мы знаем.

Ничего не возникает ни из чего, ничего не исчезает бесследно; это фундаментальный принцип механики - сохранение энергии.

Тело не может передать тепло другому телу, не остынув само; один вид энергии не может превратиться в другой (движение в теплоту, теплота в электричество и т.д.) без того, чтобы полученное в одном месте не утрачивалось в другом. Наконец, вся физическая природа очень просто доказывает этот факт: если есть десять штук чего-либо и пять расходуются, то остается пять, ни больше, ни меньше.

Напротив, тот, у кого есть идея, может передать ее миллионам людей, ничего не теряя, наоборот, идея придает больше сил и эффективности тому, кто ее пропагандирует. Учитель учит других тому, что он знает и не теряет этим своего знания, наоборот, уча, он сам много узнает и обогащает дух. Если пуля, пущенная рукой убийцы, обрывает жизнь гения, наука может объяснить, что происходит со всеми материальными элементами и физическими энергиями, которыми он обладал до своей смерти, и продемонстрировать, что после разложения трупа от него ничего не останется в прежней форме, но, в то же время, материально ничего не пропадет, поскольку каждый атом тела обнаружит всю свою энергию в другой комбинации. Но идеи, которые этот гений нес миру, изобретения, которые он совершил, сохраняются, пропагандируются и могут обрести невиданную силу; идеи же, умершие в нем и могущие принести свои плоды, если бы он остался в живых, потеряны навсегда.

Может ли механика объяснить эту силу, это специфическое качество продуктов духа?

И, к сожалению, пусть от меня не требуют иных объяснений тому, чего механика не в состоянии объяснить.

Я не философ; но не обязательно быть им, чтобы видеть некоторые проблемы, которые в той или иной мере терзают все мыслящие головы. Не иметь возможности решить проблему не значит, что ты обязан принимать решения, которые тебя не удовлетворяют... тем более, когда решения, предлагаемые философией, столь же многочисленны, сколь и противоречивы.

Посмотрим теперь, совместим ли "механизм" с анархизмом.

В механистической концепции (равно как в концепции теистской) все является необходимым, все фатально, ничего не может быть иначе, чем оно есть.

Действительно, если ничего не исчезает и ничего не создается, если природа и энергия, какими бы они ни были, являются фиксированными количествами, подчиняющимися законам механики, то все феномены связаны между собой так, что это не подлежит изменению.

Согласно Кропоткину, если человек - часть природы, а его личная и общественная жизнь - также природный феномен (такой же, как рост растения или развитие жизни в сообществах муравьев и пчел), то нет никакого смысла, проходя путь от растения к человеку или от колонии бобров к человеческому городу, отказываться от метода, который до сих пор так хорошо служил нам, чтобы искать другой в арсенале метафизики. Великий математик Лаплас в конце XVIII века говорил: "Если будут даны силы, которые воодушевляют природу и соответственно положение существ, ее составляющих, то достаточно широкий

человеческий ум мог бы знать прошлое и будущее столь же хорошо, как и настоящее".

Такова чисто механистическая концепция: все, что было, должно было быть; все, что есть, должно было появиться; все, что будет, должно быть неизбежно и фатально, вплоть до мельчайших деталей положения и движения, интенсивности и скорости.

Какой смысл могут иметь такие слова, как "воля", "свобода", "ответственность", при такой концепции вещей? Чему должны служить образование, пропаганда, бунтарство? Если больше нельзя изменить predetermined ход человеческой истории, как нельзя изменить курс звезды или "рост растения"? Ну и как? Что в этом общего с Анархией?..

Цель научного исследования - изучение природы, открытие фактов и "законов", которые ими управляют, знание условий, при которых тот или иной факт необходимым образом появляется и столь же необходимым образом повторяется. Наука есть тогда, когда она может предвидеть то, что грядет, может ли она объяснить это, или нет; если предвидение не оправдывается, это означает, что была допущена ошибка и остается только предпринять более широкое и глубокое исследование. Случай, произвольность, фантазия - это концепции вне науки, которая исследует только то, что фатально, то, что не может быть иным, нежели оно есть, то, что необходимо.

Но охватывает ли эта необходимость, что связывает между собой в пространстве и во времени все природные феномены и является объектом исследований и открытий в науке, все, что происходит во Вселенной, включая психические и социальные феномены?

Механицисты считают, что да; они полагают, что все подчиняется одному и тому же механическому закону, все predetermined предшествующими физико-химическими процессами: курс звезды и распускание цветка, эмоции любовника и ход человеческой истории. Система, которую признают, кажется прекрасной и грандиозной, менее абсурдной и непостижимой, чем метафизические системы; она полностью удовлетворяла бы разум, если бы могла продемонстрировать свою правоту. Но, несмотря на все псевдо-логические усилия детерминистов сделать ее совместимой с жизнью и этическим чувством, в ней не оказывается места, большого или маленького, обусловленного или нет, для воли и свободы. Наша жизнь и жизнь человеческих обществ оказывается полностью predetermined и предвиденной всегда и навечно, до малейших деталей, вплоть до какого-нибудь механического факта, и наша воля - не более чем простая иллюзия, как у камня, о котором говорил Спиноза: падая, он сознает, что падает, и верит, что падает, потому что так хочет.

Если согласиться с этим - чего нельзя не сделать, не вступая в противоречие с механицистами и детерминистами - то абсурдно желать управлять собственной жизнью, желать учиться или учить, желать изменить общественную организацию в том или ином смысле. Вся эта деятельность людей по подготовке лучшего будущего будет лишь бесполезным плодом иллюзии и не сможет продолжаться, если будет обнаружено, что это иллюзия. Правда, и иллюзия, и абсурд тоже были бы фатальными продуктами механических функций мозга и в качестве таковых также укладывались бы в систему. Но, еще раз, какое место оставалось бы при этом для воли, для свободы, для эффективности действий человека, направленных на его собственную жизнь и на его судьбу?

Для того, чтобы люди обрели уверенность или, по крайней мере, надежду с тем, чтобы делать полезные вещи, необходимо признать существование творческой силы, самопричину или самопричины, независимые от физического мира и механических законов - то есть той силы, которую мы называем волей.

Признание существования такой силы означает, без сомнения, отрицание всеобщности принципа причинности и достаточного основания, и здесь наша логика дает сбой. Но не всегда ли так бывает, когда мы хотим пробиться к сути вещей? Мы не знаем, что такое воля; но знаем ли мы, что такое материя, энергия? Мы знаем факты, но не их основание и, невзирая на все наши усилия, мы всегда наталкиваемся на эффекты, не имеющие причины, на причину-в-себе - и если нам нужны такие всегда присутствующие и всегда активные самопричины для объяснения фактов, мы принимаем их существование как необходимую или, по меньшей мере, удобную гипотезу.

С этой точки зрения, роль науки сводится к тому, чтобы открывать фатальное (законы Природы) и устанавливать пределы, где кончается необходимость и начинается свобода: ее главная польза состоит в освобождении человека от иллюзии возможности делать все, что ему заблагорассудится, и во все большем расширении сферы его эффективной свободы. Не зная о фатальности, с которой все тела подчиняются законам гравитации, человек мог бы продолжать думать, что он может летать, когда только захочет, но оставался бы на земле; когда наука открыла условия, необходимые для того, чтобы удержаться и передвигаться в воздухе, человек действительно приобрел свободу полета.

В заключение, вот единственная вещь, которую я поддерживаю: существование воли, способной порождать новые эффекты, независимо от механических законов природы, - это необходимая предварительная гипотеза для того, кто считает

О проблемах профсоюзного движения

1928, источник: [здесь](#). Эррико Малатеста, Фриц Линов.

Фриц Линов

ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ И ТРУДОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Первая предпосылка для борьбы рабочего класса за освобождение - это наличие сильных экономических организаций трудящихся, ведь общественное положение рабочего при современной капиталистической экономике зависит от мощи и революционного импульса его организованной силы. Если работники как производители благ объединены (...), если налицо классовое взаимодействие множества отдельных людей, связанных, в первую очередь, своим положением в обществе и полагающихся друг на друга, то можно говорить о профсоюзной организации.

Из этого следует, что профсоюзное движение обязано воздействовать на общественные отношения, чтобы изменить положение работника в обществе в его пользу. Эта задача, если можно так выразиться, - программная путеводная звезда пролетарской профсоюзной организации. И от того, как профсоюзное движение понимает борьбу за изменение места работника в обществе, зависит его успех в этой области. Если его задачи ограничены делом экономического объединения рабочего класса и оно принципиально отказывается от борьбы за будущее, то в этом случае пролетарский экономический союз сможет действовать исключительно в рамках господствующего мировоззрения. Но при таких обстоятельствах профсоюзное движение всегда подстерегает опасность попасть в полную зависимость от политических, экономических, культурных и правовых взглядов, господствующих в нынешнем обществе. (...)

Реформистские профсоюзы лишены общественного идеала. Они знают лишь нынешнее общество и стремятся к гармонии между общественными классами и группами в его рамках. Они верят, что такой гармонии можно достичь с помощью изменения в действующей системе законов. Поэтому они требуют постоянного расширения социального законодательства. Социальное законодательство для них - это синоним всего, к чему следует стремиться, потому что желают они именно примирения враждующих классов и общественных групп. Они придают этому законодательству большое этическое значение,

поскольку ему, по их мнению, выпадает задача стереть границы между классами и группами и дать всем членам общества возможность служить интересам «экономики» и «государства». В этих организациях распространилась вера в то, что такое служение государству и экономике - обязательная предпосылка для изменения положения работников в обществе.

Особенно важно для реформистских профсоюзов влияние на законодательство в области трудовых отношений. (...)

Расширение трудового законодательства стало постоянным и детальным требованием профсоюзов. Трудовое законодательство - это типичное дитя капиталистической экономики и политики реформистских профсоюзов, нацеленной на сохранение этой экономики. (...) В современной экономике работник не принимает участия в организации и результатах производства благ. Он отодвинут в сторону и воспринимается как постоянный источник угрозы смуты и нарушения экономического равновесия. Но такая угроза сама есть следствие отношений собственности и тяжкого социального груза, давящего на плечи широкой массы работников. Чтобы защититься от рабочего класса и обеспечить как можно более спокойную и беспрепятственную работу экономики, государство, всегда служащее политическим управленцем в интересах имущего класса, издавало законы и предписания, которые либо запрещали профсоюзы, либо ограничивали свободу их действий. (...) Позднее, опасаясь социальных потрясений, предприниматели передали профсоюзам возможность формулировать важнейшие законы в рамках трудового законодательства. При этом они полагались на свою экономическую власть и на содействие со стороны государства, поскольку им было ясно и остается ясным одно: условия труда и зарплата определяются не дешевыми разглагольствованиями и этическими соображениями, а только лишь реальным соотношением сил. Профсоюзы же пошли на закрепление практики коллективных соглашений, обязательных как для предпринимателей, так и для работников и заключающихся на длительный срок.

Подобное коллективное соглашение превратилось в орудие, которое гарантирует экономике «трудовой мир» и сводит риск нарушения равновесия к минимуму. Но реформистские профсоюзы испытывают буквально священный трепет перед коллективным соглашением, которое, строго говоря, есть ни что иное, как договор, в котором работник признает собственную эксплуатацию как правовое состояние и добровольно отказывается от всякой борьбы за изменение экономического порядка. Политика обязательных для выполнения коллективных соглашений, ставшая важной составной частью капиталистического ведения хозяйства, с помощью действующих правовых норм настолько сильно ограничивает свободу действий профсоюзов, что ни о какой классовой борьбе уже не может быть и речи. Предпосылка любого действия, ориентированного на классовую борьбу, - то, что такое действие безоговорочно игнорирует интересы противника, считается только с собственными интересами и предпринимает все для того, чтобы сломать существующее положение вещей, а в нашем случае, - чтобы изменить положение работника в обществе в его пользу и в пользу конечной победы социалистического мировоззрения. Напротив, трудовое право (...) отрицает классовую борьбу и ставит на ее место классовую гармонию. Классовая гармония (...) делает профсоюзы как выразителя интересов работников, как боевую организацию и как представителя определенного общественного класса излишними.

Профсоюзы должны изменять положение работника в обществе. Но они могут это сделать, только ведя борьбу за победу своих собственных идей вне рамок господствующих правовых, политических и экономических воззрений. С этой точки зрения, профсоюзное движение обязано устранить препятствия на этом пути, так чтобы свобода их действий была как можно менее ограниченной. Трудовое законодательство как раз и служит гигантским ограничением, которое во всех сферах экономической борьбы мешает профсоюзному движению выполнять свои задачи.

На место трудовому законодательству должна придти беспрепятственная экономическая борьба работников, не привязанная к действующим правовым нормам, а в известной мере игнорирующая капиталистический правовой путь и ищущая новые пути борьбы за изменение положения работника в обществе.

1928

КЛАССОВАЯ БОРЬБА И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

В современных общественных науках неоспоримым фактом считается то, что центр тяжести общественных процессов следует искать в экономике. Даже такие люди, как Карл Маркс и Фридрих Энгельс, которые были исполнены политических доктрин, вынуждены были признать, что экономические формы и органы имеют фундаментальное значение в развитии общества. Хотя в том, что касается тактики рабочего класса, они полностью противоречили этой мысли, это ничего не меняет в том, что они постоянно указывали на важность экономики в процессе развития общества. Их роковая ошибка состояла в отрыве экономики от воли общества и приписывании ей собственные законы, на которые якобы невозможно воздействовать извне или изнутри. На этой почве родилась и пагубная идея о необходимости участия рабочего класса в правовой надстройке капитализма - государстве. «Материалистическая диалектика», заменившая нормальную логику, дала здесь самые пышные побеги сорняков. Частное предпринимательство должно было быть взята под контроль с помощью авторитета государства, завоевания рабочим классом большинства в парламенте или создания рабочего правительства; таким образом предполагалось заставить его служить интересам не одного лишь капиталиста, а широких народных масс.

В этом состоит величайшее заблуждение исторического материализма. Когда из утверждения о том, что экономика является влияющим на все и вся элементом общественного развития, делается вывод: не надо вести борьбу в сфере экономики и за экономику, надо идти в политический исполнительный орган и юридический картонный домик капитализма - государство, - то это противоречит элементарной логике. На этом пути пролетариат перестает быть фактором, играющим какую-либо роль в развитии и реорганизации общества. Преобразовать общество означает оказывать влияние на его экономическую основу, передать ее в распоряжение рабочего класса. Как для собственника средств производства и капитала экономика служит средством влияния в обществе, так и

работники вынуждены стремиться приобрести влияние в той же сфере. Они добиваются этого, создавая профсоюзы, которые организуют и концентрируют их рабочую силу. Профсоюзное движение имеет корни в экономике и именно в этой сфере становится силой, призванной изменить все формы производства и потребления благ и оказать решающее влияние на все иные общественные отношения.

Если же рабочий класс ставит на место экономического влияния и экономического действия политическое влияние и парламентское действие, то его усилия по возрождению общества сводятся к чисто моральному воздействию на государственное законодательство. Против морального воздействия нечего возразить, если речь при этом идет о социалистических ценностях и нормах, - ведь классовая борьба определяется не только экономическими, но в сильной мере и этическими законами. Но и в самом лучшем случае законодательство здесь не при чем, и это легко увидеть, посмотрев повнимательнее на то, как так называемые рабочие партии и реформистские профсоюзы влияют на законодательство.

Самые лучшие намерения законодателя всегда разбиваются о грубую реальность. Уже сам характер закона полностью уничтожает те добрые намерения, которые, возможно, присутствовали, когда его издавали. Государственным законам присуща авторитарность; они могут быть претворены в жизнь лишь в том случае, если законодательно обеспечивают одному общественному слою привилегии, а другому - поправление его прав. Любые законы закрепляют привилегии для немногих.

Закрепляя неприкосновенность собственности, законодательство выражает общую волю имущих слоев общества. Что же касается так называемого социального законодательства, которое отличается от чисто карательного права, то на сей счет среди властей имущих существуют разногласия. Одни считают, что социальные законы слишком стесняют экономику, другие же усматривают в социальном законодательстве самое лучшее и простое средство для того, чтобы поддерживать сохранение нынешних отношений собственности. Но в одном обе стороны сходятся: если уж без социального законодательства не обойтись, то оно должно служить предохранительным клапаном против социалистического рабочего движения.

Если часть рабочего движения идет навстречу этим устремлениям, то надежность и прочность такого клапана только возрастают. Полностью игнорируя пролетарскую основу и пролетарские средства борьбы, реформистские профсоюзы и социал-демократия выдвинули требование значительного расширения социального законодательства, что обрекло все движение на полное бесплодие.

Социальное законодательство сегодня играет ту же роль, что и во времена Бисмарка. Он был слишком хорошим психологом, чтобы не понимать выгоды издания законов, которые якобы предоставляют права рабочим и якобы накладывают обязательства на предпринимателей и государство. Бисмарк тем самым убивал одним выстрелом двух зайцев. Во-первых, он боролся с влиятельной социал-демократией с помощью «закона о социалистах» и подталкивал ее на почву реформизма, которая через несколько лет дала буйную поросль ревизионизма в облике Бернштейна со товарищи. Во-вторых, он пробуждал среди рабочих представления о возможности преодолеть пропасть между богатством и

бедностью. Он как бы рекомендовал рабочим в их нужде обращаться к доброму папочке-государству, готовому утешить своих смиренно просящих детей.

Столь «современное» на словах движение реформистских профсоюзов по сути продолжает идти этим путем, начертанным Бисмарком. Между тем, социальное законодательство всегда лишь закрепляло то, что рабочие уже сделали обычной нормой само- и взаимопомощи. С того момента, как государство стало вмешиваться в жизнь рабочего класса и закреплять законами результаты их упорной, часто полной жертв борьбы, то есть консервировать их, они утратили свое значение для рабочих. Эти законы выражали теперь вполне определенную, угодную государству меру рабочих прав, которая стала для самих рабочих помехой, став верхней границей этих прав. Вот почему социальное законодательство лишает рабочих возможности улучшить их положение в обществе с помощью прямого вмешательства в экономическую жизнь. Несмотря на возможные добрые намерения так называемых «вождей» партий и профсоюзов, законы становятся железным ошейником, душащим свободу действия рабочих.

Рабочий класс всегда будет обладать правами, сможет удержать и расширить свои права лишь там и тогда, где и когда он будет полагаться на свои собственные силы и действовать в тех сферах, которые одни только и позволяют проявить свою силу. Эти сферы - предприятия, профессии, отрасли, короче, вся экономика. Именно здесь, ведя непрерывную классовую борьбу, рабочие творят неписанные законы, диктуемые мощью их организаций и силой их воли. Здесь они творят свое право, которое всегда может быть пересмотрено по их же воле. Вот почему борьбу рабочего класса следует вернуть в область экономики.

1928

ПРОФСОЮЗНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И СУДЫ ПО ТРУДОВЫМ ВОПРОСАМ

Чем ближе капиталистическая экономика приближается к состоянию абсолютного господства картелей, тем больше становятся противоречия между собственниками сырья и орудий труда и владельцами ручной и умственной рабочей силы.

(...) Возрастают, с одной стороны, экономический деспотизм небольшого меньшинства, и экономическое бессилие огромных масс народа, с другой. В такой ситуации в сфере производства благ существуют лишь две возможности сломить растущее, но по большей части лишь инстинктивное сопротивление народных масс, разочаровавшихся в капиталистическом способе производства. Одна из этих возможностей - это полная тирания во всех областях общественной жизни; она выливается в господство фашизма. Другая лежит в области так называемого «добротного согласия» (...). В последнем случае не следует забывать о том, что и это - одна из форм деспотизма. Только средства. Которые при этом применяются, мягче, но не менее опасны, чем фашистский произвол. Этот факт особенно ясно проявляется при взгляде на ограничения свободы профсоюзной деятельности и борьбы против капиталистической экономики. При этом не следует упускать из виду суды по

трудовым вопросам. Именно эта практика особенно ограничивает методы и сферу действия профсоюзов и тем самым защищает капиталистическую экономику от потрясений.

(...) Суды по трудовым вопросам получили полномочия, позволяющие им подавлять любое коллективное выступление рабочего класса в профсоюзной области. (...) Вводится обязательный «арбитраж» всех спорных вопросов в интересах нормального хода производственного процесса. (...) Тем самым суды по трудовым вопросам вмешиваются в область профсоюзных интересов и мешают профсоюзам проявлять свою силу. (...)

В целом, практика рассмотрения в судах трудовых вопросов порождает у рабочих иллюзию права и ставит его рабочую силу под власть государства. Практика эта преследует цель защищать капиталистическую экономику, обеспечить ее беспрепятственное развитие и воспрепятствовать борьбе экономических организаций рабочего класса. Вот почему революционные профсоюзы, применяющие синдикалистские методы борьбы, выступают не за расширение практики судов по трудовым вопросам, а за свободу действий профсоюзов. Только так можно защитить интересы рабочих, а не с помощью государственных судов, основанных на классовом господстве.

1928

Эррико Малатеста (1853-1932)

СОЦИАЛЬНЫЕ ЗАВОЕВАНИЯ

(...) Все так называемое социальное законодательство, все государственные меры, призванные «защищать» труд и обеспечивать трудящимся минимум благосостояния и безопасности, равно как и все меры, к которым прибегают умные капиталисты, чтобы привязать работников к их предприятиям с помощью премий, пенсий и иных льгот, - все это либо ложь и западня, либо шаг к рабскому состоянию, угрожающему делу освобождения трудящихся и прогрессу человечества.

Законодательно гарантированный минимум зарплаты, законодательное ограничение продолжительности рабочего времени, обязательный арбитраж, коллективный договор, имеющий обязательную юридическую силу, придание рабочим ассоциациям статуса юридического лица, гигиенические меры, предписанные для предприятий властями, государственное страхование от болезни, безработицы, несчастных случаев на производстве, пенсии по старости, участие трудящихся в прибылях фирм и т.д. - эти меры (если они существуют) дают трудящимся немного благосостояния и безопасности, но лишают их той небольшой толики свободы, которой они еще обладают, и служат цели сохранения разделения людей на хозяев и рабов.

Разумеется, хорошо, когда в ожидании революции - и для того, чтобы облегчить ее - трудящиеся стремятся зарабатывать больше и работать меньше и в лучших условиях. Хорошо, когда безработные не умирают от голода, когда старики и больные не брошены на произвол судьбы. Но всего этого и многого другого трудящиеся должны добиваться сами, в

прямой борьбе против хозяев, с помощью своих организаций, своего собственного индивидуального и коллективного действия, развивая в каждом чувство личного достоинства и сознания своих прав.

Дары государства, дары хозяев, - это отравленные плоды, несущие в себе зерна рабства. Их нельзя принимать.

“ «То, что принято называть «социальными достижениями», - ни что иное, как результат соотношения сил между трудящимся классом и хозяевами в данный момент. Хозяева всегда пытаются использовать моменты общественной пассивности, чтобы отнять их. Законы не дают никаких гарантий: их издают и отменяют в зависимости от того, куда дует ветер. Что касается государственного арбитража и решений тех, кто нами правит, то последнее десятилетие дало предостаточно доказательств того, что они редко решают в нашу пользу. Если такие доказательства еще вообще нужны!

Термин «социальные **достижения**», который используют профсоюзные бюрократы, есть лишь обман рабочих с тем, чтобы лучше манипулировать ими»

«Combat Syndicaliste»,
Рона-альпийское региональное издание
органа французской секции Международной Ассоциации Трудящихся,
январь-февраль 2001 г.

Отказ от Учредительного собрания как отказ от диктатуры

1930, источник: [здесь](#). Малатеста пишет о том, что одна из газет приписывала ему идеи и дела, которые он никогда не одобрял. В ответ автор критикует идею созыва учредительного собрания и рассуждает о возможной практике и путях достижения лучшего общества.

Каждый имеет право выдвигать и защищать свои идеи, но никто не может искажать чужие идеи для подкрепления собственных.

Хотя я и не читаю газету Мартелло уже несколько лет, мне в руки как-то попал номер от 21 июня, в котором была напечатана статья, подписанная неким Х. В ней более или менее правдоподобно рассказывалось о плане мятежа, якобы поддерживаемого мной, Гвилетти и... д'Аннунцио. Из статьи следовало, что некто Урсус ранее уже писал об этом, однако мне не удалось отыскать его публикацию.

Тем не менее. Сейчас я не могу сказать, имели ли место события, рассказанные Х. и Урсусом, или нет, поскольку еще не время обществу, а значит и полиции, знать, что кто-либо мог или пытался сделать. К тому же, я не вправе подрывать доверие, которое могло быть оказано мне. При этом меня удивляет, что Х. и Урсус, подмываемые желанием найти поддержку своим тактическим наработкам, не понимают, сколь бестактно упоминать человека — который не читает газет, не знает, что о нем пишут, и потому не может на это ответить, — и при этом уходить от всякой ответственности, не называя настоящих имен.

Что меня по-настоящему волнует – и что заставляет меня взять на себя труд обратиться к указанным статьям – это возмущение лживым утверждением, что будто бы я когда-либо был сторонником Учредительного Собрания. Этот номер приобрел такое теоретическое и практическое значение, почти став злободневным, что не может оставить равнодушным человека, называющего себя анархистом и поступающего как анархист.

На самом деле во время событий, извращенно изложенных Х. и Урсусом, я прилагал все силы на борьбу с верой и надеждой, возлагаемой (*очевидно не анархистами*) на Учредительное Собрание.

Тогда же я утверждал, что Учредительное Собрание есть орудие в руках привилегированных классов в то время, когда невозможна диктатура, используемое в целях либо предотвращения революции, либо, если революция уже разразилась, замораживания

ее развития под предлогом легализации, и, как следствие, отказа от большей части революционных достижений.

Учредительное Собрание, с его усыплением и удушением, и диктатура, с ее размельчением и вытравлением — вот две опасности революции. Анархисты обязаны направить свои усилия на борьбу с ними.

Разумеется, пока мы в относительном меньшинстве, вполне возможно, и даже вероятно, что следующий переворот закончится созывом Учредительного Собрания. Но этого не случится при нашем участии и взаимопомощи. Если это и случится, то только против нашей воли и вопреки нашим усилиям, по той причине, что мы не будем достаточно сильны для предотвращения этого. В таком случае мы будем так же жестко и безапелляционно выступать против Учредительного Собрания, как мы выступаем против нынешних парламентов и прочих законодательных органов.

Хотелось бы отметить, что я не сторонник принципа «всё или ничего». Я уверен, что на самом деле никто не поступает согласно этому принципу: это было бы невозможно.

Это лишь лозунг, используемый многими для предупреждения иллюзий незначительных реформ и мнимых уступок Правительства и господ, а также для напоминания о крайней необходимости революционных выступлений: при расширенном толковании эта фраза становится стимулом беспощадной борьбы с любой разновидностью угнетателей и эксплуататоров. Хотя при буквальном толковании этот лозунг — полная глупость.

«**Всё**» — это идеал, достигаемый дальнейшим продвижением вперед, и потому никогда недостижимый. «**Ничего**» — это совершенно варварское государство, или, по крайней мере, рабское подчинение нынешним угнетениям.

Я считаю, что нужно добиваться всего, что можно достигнуть, многого или малого: делать сегодня все возможное в борьбе за невозможное.

К примеру, если сейчас мы не можем избавиться от Правительства, это не повод отказываться от защиты некоторых приобретенных свобод и борьбы за прочие. Если сейчас мы не можем покончить с капитализмом и вытекающей из него эксплуатации рабочих, это не повод отказываться от борьбы за высокие заработные платы и лучшие условия труда. Если мы не можем упразднить торговлю и заменить ее на прямой обмен производителей, это не повод отказываться от поиска средств уменьшения объемов эксплуатации коммерсантов и спекулянтов. Если сейчас сила угнетателей и состояние общественного мнения не позволяют отменить тюрьмы, это не дает нам права не добиваться отмены смертной казни, пожизненного лишения свободы, строгого ареста и, в целом, наиболее жестоких репрессивных мер, с помощью которых обеспечивается так называемая социальная справедливость, хотя скорее это можно считать варварской местью. Если мы не можем упразднить полицию, это не повод закрывать глаза на избиение полицейскими заключенных, а также прочие превышения полномочий, предусмотренные законами, которые сами полицейские и призваны обеспечивать.

На этом я останавливаюсь, поскольку есть тысячи примеров как в жизни индивида, так и в жизни общества, когда, не имея возможности получить «всё», надо, тем не менее, предпринимать попытки и достигать максимально возможного.

Таким образом, встает фундаментальный вопрос о наилучшем пути защиты достигнутого и борьбы за большее. Ибо есть путь, который ослабляет и убивает дух независимости и осознание собственных прав, подрывая будущее и даже само настоящее, а есть путь, который каждую маленькую победу использует для выдвижения все больших требований, таким образом готовя умы и среду к желанному полному освобождению.

Что составляет основное содержание, смысл анархизма – это убеждение в том, что любое правительство – диктатуры, легислатуры и т.п. – всегда инструмент заморозки, реакции, угнетения; что свобода, справедливость, благополучие каждого – результат борьбы против власти, результат свободного почина и свободных соглашений между индивидами и группами.

Сейчас многих анархистов заслуженно беспокоит один вопрос.

Поскольку многие считают недостаточным занятия абстрактной пропагандой и технической подготовкой к революции, которые далеко не всегда возможны, и неизвестно, когда принесут результат, анархисты обращаются к практике с тем, чтобы сделать что-либо здесь и сейчас, чтобы реализовать как можно больше наших идей, несмотря на неблагоприятные условия, что-либо, что с одной стороны, материально и духовно помогает самим анархистам, а с другой, служит примером, школой, полем для эксперимента.

Практические предложения приходят со всех сторон. Они представляются мне полезными, если обращаются к ценностям свободы инициативы, солидарности и справедливости, а также способствуют исключению индивида из-под власти правительства и господ. И дабы не тратить время в постоянных спорах, которые не несут новых аргументов и не обращаются к новым фактам, поддержим тех, кто выходит с предложением и стремится немедленно воплотить его в жизнь, как только получает поддержку минимально необходимого числа участников, не дожидаясь (как правило, напрасно) поддержки всех или большинства. Время покажет полезность таких предложений, и наиболее жизнеспособные из них обернутся успехом.

Каждому позволительно идти дорогой, которую он считает наилучшей и соответствующей его характеру, как в том, что касается малых дел, которые могут быть предприняты в нынешних условиях (сегодня), так и относительно огромного поля, которое представится нашей деятельности после революции. Так или иначе, все те, кто по-прежнему считает себя анархистом, не вправе отдать свободу в руки личной или классовой диктатуры, в руки тирана или Учредительного Собрания. В том, что касается нас, то наша свобода должна найти основание в равной свободе всех.

Проект организации анархистов

1927, источник: [здесь](#)

Недавно я случайно столкнулся с французской брошюрой (*в Италии на сегодняшний день [1927], как известно, нефашистская пресса не может свободно существовать*) под названием «Организационная Платформа Всеобщего Союза Анархистов (проект)».

Это проект для анархистской организации, опубликован под авторством «Группы русских анархистов за рубежом» и, похоже, должен быть адресован, прежде всего, русским товарищам. Но речь в нем идет о вопросах, касающихся всех анархистов. Язык, на котором он издан, говорит о том, что проект ищет поддержки товарищей по всему миру. В любом случае, его стоит изучить всем, поскольку проект выдвинут в соответствии с анархистскими принципами, и его реализация будет действительно служить делу анархизма.

Намерения русских товарищей превосходны. Они справедливо жалуются на то, что до сих пор анархисты не имели влияния на политические и социальные события, несмотря на теоретическое и практическое значение их доктрин, их количество, мужество и дух самопожертвования, и считают, что основной причиной этой относительной неудачи является отсутствие крупных, серьезных и активных организаций.

И пока я могу более или менее согласиться с этим утверждением.

Организация, которая подразумевает сотрудничество и солидарность, на практике является естественным условием, необходимым для функционирования общества, и это неизбежный факт, который касается всех, как в человеческом обществе в целом, так и в какой-либо группе людей, объединённых общей целью.

Человек, как известно, не может жить в изоляции. Люди не смогли бы стать людьми и удовлетворить свои моральные и материальные потребности, если бы они не являлись частью общества и не сотрудничали с себе подобными. Очевидным является тот факт, что те, кому не хватает средств, или достаточно развитой осведомленности, организовываясь свободно с теми, с кем они имеют общие интересы и настроения, должны подчиняться организациям, созданным другими, которые обычно образуют правящий класс или группу, целью которой является использование чужого труда в своих интересах. И вековое угнетение масс со стороны небольшого количества привилегированных, всегда было результатом неспособности бóльшего числа людей договориться и организовать с другими для реализации своих прав и благ, а также для защиты от тех, кто стремится эксплуатировать и угнетать их.

Анархизм возник как ответ на такое положение дел. Его основной принцип — существование свободной организацией, созданной и функционирующей в соответствии со свободным соглашением ее членов, без какой-либо власти; то есть никто не имеет право навязывать свою волю другим. И поэтому очевидно, что анархисты должны стремиться применять в их личной и политической жизни те же принципы, на которых, по их мнению, должно быть основано все человеческое общество.

Судя по некоторым дискуссиям, казалось бы, есть анархисты, которые отвергают любую форму организации; однако много, даже слишком много споров по этому поводу связаны не с принципами организации, даже будучи замаскированными под языковой вопрос или личные проблемы, а именно со средствами.

Поэтому я могу только с симпатией созерцать инициативу, проявленную нашими русскими товарищами, убежденными, как и я, что более широкие, более сплоченные, более прочные организации, чем те, которые до сих пор были созданы анархистами — даже если им не удалось покончить со всеми ошибками и слабостями, которые, похоже, неизбежны в нашем движении; которые продолжают бороться посреди непонимания, безразличия и даже враждебности большинства, — несомненно, будут важным элементом силы и успеха, мощным средством для достижения поддержки наших идей.

Я считаю, что необходимо, и в первую очередь анархистам, срочно прийти к согласию друг с другом и организовать как можно лучше для того, чтобы иметь возможность влиять на массы людей, которые могут принимать участие в их борьбе за перемены и освобождение.

В настоящее время от основной движущей силы социальных преобразований рабочего движения (профсоюзное движение), а также от его направления во многом будут зависеть ход событий и цели новой революции. Через организации, созданные для защиты интересов рабочих, нужно развивать осознание их угнетения, страданий и антагонизма, который разделяет их с боссами, и в результате они начнут стремиться к лучшей жизни, привыкнут к коллективной борьбе и солидарности, добьются тех улучшений, которые возможны в рамках капиталистической и государственной власти. Затем, когда конфликт выйдет за рамки компромисса, следует революция или наступает реакция. Анархисты должны признать полезность и важность профсоюзного движения. Они должны поддерживать его развитие и сделать его одним из рычагов в своих действиях, делать все возможное, чтобы, сотрудничая с другими силами для достижения прогресса открыть путь к социальной революции, которая приведет к уничтожению классовой системы и принесет полную свободу, равенство, мир и солидарность всем людям.

Но было бы большой и фатальной ошибкой полагать, как это делают многие, что рабочее движение может и должно, по собственной воле и по самой своей природе возглавить такую революцию. Наоборот, все движения, основанные на материальных и сиюминутных интересах (и крупные рабочие движения не исключение), если у них отсутствует стимул, план, совместные усилия идейных людей, как правило, неизбежно приспособляются к обстоятельствам. Они способствуют развитию духа консерватизма и боязни перемен у тех, кто успел получить лучшие условия работы, и часто заканчиваются созданием новых, иногда привилегированных классов, а также служат для поддержания и укрепления

системы, которую мы будем стремиться уничтожить.

Таким образом, существует необходимость специфичных организаций анархистского характера, которые как изнутри, так и за пределами союзов рабочих, будут бороться за достижение анархизма и искать для стерилизации все ростки дегенерации и реакции.

Но очевидно, что для того, чтобы достичь своих целей, анархистские организации должны, в теории и на практике, оставаться в гармонии с принципами анархизма; то есть они должны понимать, как сочетать индивидуальную свободу действия с необходимостью и радостью коллективного сотрудничества, служащие для развития сознания и инициативы их членов и средствами просвещения для среды, в которой они работают, моральной и материальной подготовки к будущему, к которому мы стремимся.

Может ли проект, который мы обсуждаем, удовлетворить эти требования?

Мне кажется, что нет. Вместо того чтобы вызвать в анархистах большее стремление к организации, он, похоже, сознательно направлен на укрепление предрассудков тех товарищей, которые считают, что организовать — значит подчиняться лидерам и авторитарному централизованному органу, который душит любые попытки свободной инициативы. И в самом деле, он содержит именно те тезисы, которые некоторые перед лицом очевидной истины, несмотря на наши протесты, приписывают всем анархистам, настаивающим на организации. Рассмотрим этот проект.

Прежде всего, мне кажется ошибкой (поскольку это в любом случае невозможно осуществить), вера в то, что все анархисты могут быть сгруппированы в один «Всеобщий союз», то есть, по словам авторов проекта, в один активный революционный орган.

Мы, анархисты, можем сказать, что мы из одной партии, если под словом «партия», мы подразумеваем всех, кто находится на нашей стороне, то есть всех, кто разделяет наши стремления и тем или иным образом во имя одних и тех же целей борются с нашими общими противниками и врагами. Но это не означает, что возможно (или даже желательно) всем нам быть собранными в одной конкретной ассоциации. Существует слишком много различий в окружающей нас обстановке и условиях борьбы, слишком много возможных способов действия, а также слишком много различных темпераментов и личностей, несовместимых во Всеобщем союзе, который, если рассматривать его всерьез, может стать не средством для координации и анализа всеобщих усилий, а препятствием для индивидуальной деятельности, а также, возможно, причиной более острых внутренних беспорядков.

В качестве примера: как можно организовать одинаковым образом и с такой же группой людей общественную ассоциацию для пропаганды и агитации, общество публичное и тайное одновременно, ограничиваясь политическими условиями страны, в которой оно работает, чтобы скрыть от противника свои планы, методы и членов этого общества? Как могут теоретики, которые считают пропаганду и пример достаточными для постепенного преобразования людей и, следовательно, общества, принять ту же тактику, что и революционеры, убежденные в необходимости уничтожить при помощи насилия статус-кво, который поддерживается при помощи насилия и создать в лице угнетателей необходимые

условия для свободного распространения пропаганды и практического применения завоеванных идеалов? И как сдержать вместе людей, которые по определенным причинам не ладят, не уважают друг друга и никогда не смогут быть одинаково хорошими и полезными анархо-активистами?

Кроме того, даже авторы проекта (платформы) объявляют «нелепой» любую идею создания организации, которая собирает вместе представителей разных направлений в анархизме. Такая организация, по их словам, «включая разнородные элементы, как на теоретическом, так и на практическом уровне, была бы не более чем механическим скоплением лиц, которые рассматривают все вопросы, касающиеся анархистского движения, с разных точек зрения и неизбежно распадутся, как только будут подвергнуты испытанию невзгодами и реальной жизнью».

Это нормально. Но в таком случае, признавая наличие различных тенденций, они, несомненно, должны оставить членам организации право организоваться по-своему и работать на благо анархии таким образом, который кажется им наиболее эффективным. Или же они будут претендовать на право изгонять или отлучать от анархизма всех тех, кто не принимает их программу? Конечно, они говорят, что «хотят собрать в одной организации» все значимые элементы анархистского движения; и, разумеется, они будут склонны расценивать значимыми только тех, кто думает так же, как и они сами. Но что они будут делать с «незначимыми» элементами?

Конечно, среди тех, кто называют себя анархистами, есть, как и в любой человеческой группе, элементы различной ценности; и, что еще хуже, есть люди, которые распространяют во имя анархизма идеи, имеющие очень мало общего с анархизмом. Но как этого избежать? Анархистская истина не может и не должна стать монополией одного человека или комитета; к тому же она не может зависеть от решения реального или вымышленного большинства. Все что необходимо и достаточно – это каждому иметь и осуществлять широкую свободу критики и каждому из нас сохранять свои собственные идеи и выбирать для себя на их основе товарищей. В конечном счете, факты расставят все по местам.

Поэтому давайте отложим идею объединения всех анархистов в единую организацию и взглянем на Всеобщий союз, который русские нам предлагают, который на деле является союзом некоторых анархистских фракций; взглянем, соответствует ли предложенный организационный метод анархистским методам и принципам, и может ли он помочь добиться победы анархизма.

Опять же, мне кажется, что не может.

Я не сомневаюсь в искренности анархистских устремлений русских товарищей. Они хотят добиться анархо-коммунизма и ищут средства, чтобы сделать это как можно быстрее. Но не достаточно чего-то хотеть, надо еще предпринять соответствующие действия; чтобы добраться до определенного места нужно придерживаться верного маршрута, иначе в конечном итоге окажешься где-то еще. Их организация, будучи типично авторитарной, далеко не способствует достижению победы анархо-коммунизма, к которому они стремятся,

а может лишь сфальсифицировать анархистский дух и привести к последствиям, которые идут вразрез с их намерениями.

По факту, их Всеобщий союз, похоже, состоит из многих самостоятельных организаций с секретариатами, которые идеологически направляют политические и технические работы, а также координируют деятельность всех членов организации, входящих в исполнительный комитет Союза, задачей которого является выполнение решений Союза и наблюдение за «идеологическим и организационным поведением организаций в соответствии с идеологией и общей стратегией Союза».

Это анархизм? Это, на мой взгляд, что-то из разряда правительства или церкви. Правда, нет полиции или армии, нет верноподданного скопища, принимающего продиктованную идеологию, но это лишь означает, что их правительство было бы бессильным и невозможным, а церковь стала бы питомником для ереси и расколов. Дух и тенденция останутся авторитарными и воспитательный эффект будет оставаться анти-анархистским.

Послушайте, если все еще сомневаетесь

«Исполнительный орган всеобщего анархического движения — Анархический Союз – будет внедрять в свои ряды принцип коллективной ответственности: за революционно-политическую деятельность каждого члена Союза ответственность будет нести весь Союз; точно так же за революционно-политическую деятельность всего Союза ответственен будет каждый его член».

И после этого абсолютного отрицания любой личной независимости, свободы инициативы и действия, сторонники, помня, что они анархисты, называющие себя федералистами, протестуют против централизации, «неизбежные результаты которой», говорят они, «являются порабощением и механизацией жизни общества и партии».

Но если Союз несет ответственность за то, что делает каждый его член, как он может оставить его отдельным членам, а также различным группам свободу реализовывать общую программу лучшим для них способом? Как можно нести ответственность за действие, если ты не располагаешь средствами, чтобы предотвратить его? Таким образом, союз и его Исполнительный комитет, должны контролировать действия отдельных членов и говорить им, что можно делать, а чего лучше не делать; и пока неодобрение после какого-либо события не сможет сокрушить ранее взятую на Союз ответственность, никто не будет в состоянии сделать вообще ничего без получения разрешения комитета. С другой стороны, может ли человек взять на себя ответственность за действия коллектива, не зная, что они будут делать, и без возможности предотвратить неодобряемые им действия товарищей?

Кроме того, авторы проекта говорят, что «Союз» предполагает и располагает. Но когда они ссылаются на пожелания Союза, всегда ли они прислушиваются к пожеланиям всех его членов? Если это так, то для функционирования Союза нужно будет всем и всегда иметь одинаковое мнение по всем вопросам. Так что все должны быть в согласии касательно общих и основных принципов, потому что иначе они бы не были едиными; но авторы проекта не могут предположить, что мыслящие существа не будут всегда одинакового мнения о том,

что необходимо сделать в различных обстоятельствах, и при выборе лиц, которым поручат исполнительную власть и прямые обязанности.

На самом деле, как это вытекает из текста самого проекта, решение Союза может означать лишь волю большинства, выраженную через съезды, назначает и управляет которыми Исполнительный Комитет, и на них же принимаются решения по всем важным вопросам. Естественно, конгресс будет состоять из представителей, избираемых большинством членов какой-либо группы, и эти представители будут решать, что делать, как всегда простым большинством голосов. Таким образом, в лучшем случае, решения будут приниматься большинством голосов большинства, и оно может легко, особенно когда противоположных мнений более чем два, представить собой мнение меньшинства.

Также следует отметить, что учитывая условия, в которых анархисты живут и борются, их съезды еще меньше репрезентативны, чем буржуазные парламенты. И контроль над органами исполнительной власти, если они имеют авторитарные полномочия, редко бывает своевременным и эффективным. На практике, в анархистских съездах принимают участие те, кто хочет и может, вне зависимости от его финансового состояния, и те, кому полиция не помешала участвовать в собрании. Среди присутствующих много тех, кто представляют только себя, или небольшое количество друзей, и есть люди, действительно представляющие мнения и желания большого коллектива. И если принять меры предосторожности против возможных предателей и шпионов, можно столкнуться с проблемами при серьезной проверке представителей и значимости их мандата.

В любом случае, все это сводится к чисто мажоритарной системе, к чистому парламентаризму.

Хорошо известно, что анархисты не признают ни правительство большинства (демократия), ни власть немногих (аристократия, олигархия, или диктатура одного класса или партии), ни власти одного человека (самодержавие, монархия или личная диктатура).

Тысячи раз анархисты критиковали так называемое правительство большинства, которое в любом случае практически всегда приводит к доминированию небольшого меньшинства.

Нужно повторить все это еще раз для наших русских товарищей?

Конечно, анархисты признают, что в общинах меньшинству часто бывает необходимо принять мнение большинства. Если есть очевидная необходимость и полезность в чем-то, то и делать это необходимо с согласия всех, меньшинство должно чувствовать необходимость адаптироваться к пожеланиям большинства. И, как правило, в интересах мирного сосуществования на равных условиях, для каждого необходимо быть мотивированным в духе согласия, терпимости и компромисса. Но такое приспособление обеих групп должно быть взаимным, добровольным, и вытекать из осознания необходимости и доброй воли, чтобы предотвратить парализацию функционирования социальных процессов из-за упрямства. Это не может быть навязано как принцип и нормативная норма. Это идеал, который, быть может, в повседневной жизни трудно достичь в полном объеме, но это факт, что у каждого человека из анархической группы, гораздо лучше восприятие идеи

соглашения между большинством и меньшинством, свободного и спонтанного, и такая система жизни освобождается от любого введения, не вытекающего из естественного порядка вещей.

Так что, если анархисты отрицают право большинства управлять человеческим обществом в целом, в котором люди, тем не менее, вынуждены принять определенные ограничения, поскольку они не могут изолировать себя от него, не отказавшись от человеческих условий жизни, и если они хотят, чтобы все было сделано на основе всеобщего свободного соглашения, как возможно им принять идею правительства большинства в своих, в высшей степени свободных и добровольных ассоциациях, и начать заявлять, что анархисты должны подчиняться решениям большинства, хоть они даже и не слышали, что это за решения?

Понятно, что не-анархисты нашли бы анархию, являющуюся свободной организацией без власти большинства над меньшинством, неосуществимой утопией, или же наоборот, идеей, реализуемой только в отдаленном будущем; но немыслимо, чтобы любой, кто исповедует анархистские идеи и стремится к анархии, или, по крайней мере, серьезно подходит к ее реализации — сегодня, а не завтра – должен был бы отречься от основных принципов анархизма и перестал бы бороться за его торжество.

На мой взгляд, анархистская организаций должна быть основана на совершенно иной основе, нежели предложенная русскими товарищами.

Полная автономия, полная независимость, и, следовательно, полная ответственность отдельных лиц и групп, свободное согласие между теми, кто считает целесообразным объединиться в сотрудничестве для достижения общей цели; моральный долг, и обязательства не делать ничего, что противоречило бы принятой программе. Именно на этих началах, как практических структурах и подходящих инструментах, дающих жизнь организации, должна быть построены и разработаны группы, федерации групп, федерации федераций, встречи, съезды, корреспондентские комитеты и т.д. Но все это должно быть сделано свободно, таким образом, чтобы мыслям и инициативе людей ничто не мешало, и с единственной целью предоставления большего эффекта усилиям, которые в изоляции были бы невозможны, либо неэффективны. Таким образом, съезды анархистской организации, хоть и страдают подобно представительным органам всеми вышеупомянутыми недостатками, свободны от всякого рода авторитаризма, поскольку они не устанавливают законов и не навязывают свои решения другим. Они служат для поддержания и развития личных отношений между наиболее активными товарищами, для координации и стимуляции программных исследований путей и способов принятия мер, чтобы ознакомить всех с ситуацией в различных регионах и действиями, необходимыми в каждом из них; чтобы сформулировать различные мнения в текущей среде анархистов и составить какую-то статистику; их решения являются не обязательными правилами, а предложениями, рекомендациями, которые должны быть представлены всем участникам, но не становятся обязательными для исполнения, за исключением тех, кто принял их, и на тот срок, на который они были приняты.

Административные органы, которые они назначают – Корреспондентская комиссия и т.д. — не имеют исполнительной власти, не имеют властных полномочий, несмотря на мнение тех,

кто просит утвердить такие инициативы, и не имеют права навязывать свою точку зрения, которой они могут, конечно, придерживаться среди групп товарищей, но не могут представлять в качестве официального мнения организации. Они оглашают резолюции съездов, мнения и предложения, которые группы и отдельные лица сообщают им, и они способствуют (тем, кому требуется такая помощь) налаживанию отношений между группами и сотрудничеству между теми, кто согласится на различные инициативы. Для тех, кто хочет свободно переписываться с кем-либо, или пользоваться услугами других комитетов, назначены специальные группы.

В анархистской организации отдельные члены могут выражать любое мнение и использовать любую тактику, которая не находится в противоречии с общепринятыми принципами, и которая не наносит ущерба деятельности других. В любом случае данная организация существует до тех пор, пока причин для объединения остается больше, чем причин для разногласий. Когда это уже не так, эта организация распускается и уступает дорогу другим, более однородным группам.

Очевидно, что продолжительность существования, устойчивость организации зависит от того, насколько успешной она была в ведомой нами долгой борьбе, и это естественно, что любая организация, инстинктивно стремится к бесконечно долгому существованию. Однако продолжительность существования анархистской организации должна быть следствием духовного родства ее членов и адаптации ее конституции и к постоянно меняющимся обстоятельствам. Когда она уже не в состоянии успешно решать практические задачи, ей будет лучше умереть.

Упомянутые русские товарищи, возможно, признают, что такая организация, как та, которую я предлагаю, и похожие на нее, которые существовали более или менее удовлетворительно в разное время, не очень эффективны.

Я понимаю. Эти товарищи одержимы успехом большевиков в своей стране и, как и большевики, хотели бы собрать вместе анархистов в некую дисциплинированную армию, которая, под идеологическим и практическим руководством нескольких лидеров, пойдет твердой поступью, атакуя существующие режимы, и одержав победу, будет руководить созданием нового общества. И, возможно, действительно при такой системе, если анархисты будут в нее вовлечены, а лидеры обладали бы воображением, то наша эффективность была бы выше. Но каковы были бы результаты? Разве то, что случилось с социализмом и коммунизмом в России не произошло бы с анархизмом?

Упомянутые товарищи стремятся к успеху, как и мы. Но чтобы жить и добиться успеха, мы не должны отказываться от причин жить и изменять характер грядущей победы.

Мы хотим бороться и побеждать, но, как анархисты – во имя анархии.

Проправительственные Анархисты

1916, источник: [здесь](#)

Как только появился манифест, он тут же был подписан Кропоткиным, Грейвом, Малато и десятками других старых товарищей, которые как и другие сторонники правительства Антанты, требовали сражения до конца и разгрома Германии, а также занимали свою позицию в отношении любых идей «преждевременного мира».

С естественным удовольствием капиталистические издательства публикуют отрывки из манифеста, и провозглашают их как работу «лидеров международного Движения Анархистов»

Анархисты, которые остались верны своим убеждениям, должны были сделать это ради себя, чтобы протестовать против попытки вовлечь Анархизм в продолжение свирепой войны, которая никогда не приносила пользы делу Свободы и Справедливости, и которая показывала себя абсолютно бесплодной и безрезультатной, даже с точки зрения правителей обеих сторон.

Добросовестность и добрые намерения тех, кто подписал манифест, вне всяких сомнений. Но как бы ни было горько не согласиться со старыми друзьями, которые оказали столько услуг тем, кого в прошлом объединяло общее дело, никто не мог, принимая во внимание искренность, в интересах нашего освободительного движения, отделиться от товарищей, которые считают, что они в силах объединить Анархистские идеи в сотрудничество с Правительством и Капиталистическими классами некоторых стран в борьбе против капиталистов и Правительств некоторых других стран.

В ходе нынешней войны мы видели как Республиканцы сами себя отдают на службу королей, Социалисты строят общее дело с правящим классом, Лейбористы служат интересам капиталистов; но на деле, все эти люди в большей или меньшей степени являются Консерваторами — верующими в миссию государства, и их колебания могут быть поняты когда единственный выход лежит в разрушении каждого правительственного слоя и развязки социальной революции. Но такие колебания были неуместны в случае с анархистами.

Мы убеждены что правительство неспособно на добро. На международном поле, а так же в индивидуальных отношениях оно может лишь усугубить агрессию, делая себя агрессором; оно может прикрыть преступление лишь организовав и совершив еще большее.

Согласно предположению, которое далеко от правды, что Германия является целиком и полностью виноватой в нынешней войне, доказано, что если правительственные методы будут соблюдаться, Германия может только сопротивляться, подавляя все силы свободы и реакции. Кроме народной революции, нет других способов противостоять угрозе дисциплинированной армии кроме как иметь еще более сильную и более дисциплинированную армию; поэтому антимилитаристы, если они не Анархисты, и они боятся разрушения Государства, неизбежно становятся Ярыми милитаристами.

На самом деле, в надежде проблематичного разрушения Прусского Милитаризма, они отказались от всех традиций и духа свободы; они предоставили себя Царизму, восстановили престиж пошатнувшегося трона Италии.

Могут ли Анархисты принять это материальное государство на один лишь момент без отказа от права называть себя Анархистами? По-моему, даже иностранное господство пострадало от сил ведущих к восстанию, предпочтительней покорно принять внутреннее угнетение, почти с благодарностью, в надежде что таким путем мы сохранены от еще большего зла.

Бесполезно говорить, что это исключительно вопрос времени, и что после провозглашения победы Антанты в нынешней войне, каждый из нас еще вернется в свой лагерь, в борьбе за свои идеи.

Если уже сегодня необходимо работать в гармонии с правительством и капиталистами, чтобы защитить себя от «Немецкой угрозы», это будет необходимо как после, так и во время войны.

Хотя велика вероятность победить немецкую армию, а если это правда, что она будет побеждена, то никогда не будет возможным избежать того, чтобы немецкие патриоты думали о мести, или готовились к ней; и патриоты других стран очень разумно, с их точки зрения, захотят поддерживать свою готовность, чтобы никогда больше не быть застигнутыми врасплох.

Это значит, что Прусский Милитаризм станет постоянным и официальным учреждением во всех странах.

Что будет сказано самоназванными Анархистами, которые сегодня восхищаются победой одного из враждующих альянсов, потом? Будут ли они продолжать называть себя антимилитаристами и проповедовать разоружение, отказ от военной обязанности, и саботаж против Национальной Обороны, только для того чтобы стать, во время первой угрозы войны, сержантами-новобранцами для этих правителей, которых они пытались обезоружить и парализовать?

Будет сказано, что все это закончится тогда, когда Немцы избавят себя от тиранов и прекратят быть угрозой для Европы, то есть уничтожат милитаристский режим в стране. Однако если это так, то немцы, которые так думают, и они правы, что Английское и Французское господство будет более мягкий к немцам, чем Немецкое над французами или англичанами, будут мечтать в первую очередь о том, чтобы подождать Русских и других,

чтобы они уничтожили их милитаризм, и будут в то же время продолжать увеличивать национальную армию.

И вот еще что, как долго Революция будет откладываться? А как долго Анархия? Мы что, всегда должны ждать других, чтобы начать?

Линия поведения анархистов четко выделена по их стремлениям.

Война должна быть предотвращена ведением к революции, или хотя бы угрожая правительству, что мы к ней ведем. Ведь сил и умения для этого у нас не будет хватать.

Мир должен быть заложен на пути к революции, или хотя бы угрожая тем, что мы собираемся ее устроить. В настоящее время, сил и умения у нас не хватает.

Что ж, существует лишь одно решение: действовать лучше в будущем. Сейчас как никогда мы должны избегать компромисса; углубить разрыв между капиталистами и наемными рабочими, между правящими и управляемыми; проповедовать экспроприации частной собственности и уничтожение государства как единственного средства обеспечения мира между народами, справедливости и свободы для всех, и мы должны подготовиться к выполнению данных задач.

Между тем, мне кажется это незаконно делать что-либо, чтобы вело к продолжению войны, что воюющие мужчины разрушают здоровье, и это мешает возобновлению борьбы за освобождение. Мне кажется, что провозглашать «Войну до конца», удел Германских правителей, которые обманывают своих людей и разжигают огонь борьбы, навязывая им, что их противники жаждут уничтожить и поработить германский народ.

Сегодня, как и всегда, наш лозунг: **Долой капиталистов и правительства, всех капиталистов и правительства!**

Живите долго люди, все люди!

Рабочие и интеллектуалы

Источник: [здесь](#). Перевод рассуждений одного из самых известных анархистов – Эррико Малатеста (1853-1932) – о роли интеллектуалов в обществе в целом и в социальной борьбе в частности. Хотя он не уделял этому сюжету отдельного внимания, а текст составлен из отрывков разных работ, Малатеста затрагивает важные темы, активно обсуждаемые до сих пор: как культурное неравенство преобразуется в экономическое и наоборот; существует ли опасность в росте авторитета т. н. «специалистов»; какой должна быть институциональная форма интеллектуальной работы и многие другие. Рассуждения будут интересны не только (и не столько) тем, кто вовлечен в интеллектуальную работу, но широкому кругу читателей.

Истоки разделения людей на «интеллектуалов» (которые часто являются обычными бездельниками, никак не связанными с интеллектуальностью) и «рабочих» можно обнаружить в тех периодах, когда производство, достаточное для удовлетворения потребностей всех, требовало непосильной и малопривлекательной работы, а преимущества солидарности и кооперации были проигнорированы. Самые сильные и удачливые сумели заставить других работать на себя. Этот физический труд, кроме того, что был до известной степени изнуряющим, стал еще и символом социальной неполноценности. Поэтому аристократы охотно уставали, убивая друг друга во время рыцарских турниров, на опасной и изнурительной охоте, изматывались на соревнованиях, но почувствовали бы себя опозоренными, если бы «замарали руки», взявшись даже за самую легкую производительную работу. Работа была чем-то, что делают рабы. Сегодня это по-прежнему так, не смотря на значительные достижения в прикладной механике и науке, благодаря которым приятная, требующая разумного времени и физических усилий работа сможет в избытке удовлетворить потребности всех.

Когда каждый будет иметь в свободном пользовании средства производства и ни один человек не сможет заставить других работать на себя, тогда будет в интересах всех организовывать работу как можно более продуктивно и приятно. Тогда каждый сможет продолжать своё обучение – полезное или бесполезное –, не становясь нахлебником. Здесь не может быть дармоедов, во-первых, потому, что никто не захочет нахлебничать и, во-вторых, потому, что каждый будет решать какую долю физического труда он может уделить общему производству. В то же время люди смогут удовлетворить потребности своего тела, нуждающегося в физической активности.

Каждый может работать, в том числе поэты и трансцендентные философы, без негативных последствий для поэзии и философии. Напротив...

У нас нет предубеждений насчёт «рабочего класса». Мы не превозносим работника физического труда только из-за того, что он трудится физически. И самое главное: мы не восхищаемся необразованными и неграмотными, теми, у кого всё-таки есть веские основания говорить, что их состояние – не их вина.

Мы – революционеры, и знаем, что революция осуществляемая без участия сил и ценностей, которые не могут быть приобретены без интеллектуального бекграунда, вполне может казаться радикальной, но на самом деле будет представлять собой не большее, чем вспышку гнева, без смысла и без будущего. И по этой причине мы всегда приветствуем с распростёртыми объятиями и поддержкой писателей, артистов, учёных, инженеров, техников и всех, кто может предложить ум, богатый идеями и владеющий фактами.

Но с другой стороны, нам известно, что большинство так называемых интеллектуалов, из-за своей образованности, происхождения и классовых предубеждений связаны с правящей элитой и, как правило, хотят подчинить массы своей воле. Тогда как рабочие массы, даже если они невежественны или безграмотны, согласно своим потребностям и своей тяге к справедливости, являющейся результатом несправедливости которой они подвергаются, образуют главную силу, лежащую в основании революции и являются залогом того, что она не станет простой сменой хозяев.

Поэтому мы принимаем интеллектуалов с легкостью и без всяких подозрений когда они сливаются с рабочим классом, когда они присоединяются к народу без претензий на руководство; без покровительственного отношения, но с открытым умом людей, находящихся среди братьев, чтобы отдать им долг, который они приняли на себя, получив образование и развив свой интеллект, в большинстве случаев вместо детей тех, чей физический труд создал такую возможность.

Эмма Гольдман (в «Моё дальнейшее разочарование в России») среди главных причин провала Русской революции называет враждебность, ненависть, которую рабочие чувствовали к интеллектуалам, и их презрение к науке и интеллектуальной сфере. Мне кажется это не совсем верно.

Рабочие даже слишком уважают и восхищаются образованными людьми [...] у которых очень часто совсем низкий уровень образования. Такое отношение – это одновременно и хорошо и плохо. Поскольку существует очень много разных интеллектуалов: революционные и реакционные, хорошие и плохие, и – самое главное – вредные и полезные, в зависимости от объекта, к которому они прилагают своё образование и свою деятельность. Есть ученые, доктора, инженеры, артисты, учителя, но есть так же священники, юристы, политики и военные специалисты.

При этом можно сказать, что в Италии борьба происходит между интеллектуалами, в то время как основная масса, как это обычно бывает, является лишь инструментом [в их борьбе]. Я думаю, что в России то же самое, ведь можно заметить, что все – ну или почти все – лидеры Русской революции являлись интеллектуалами.

Безусловно, пока наука и высшее образование будут привилегией меньшинства (а это будет продолжаться пока господствует существующая экономическая система), те, кто владеет знанием неизбежно будут господствовать над теми, у кого его нет. Но для того, чтобы это превосходство не было причиной и средством увековечивания существующего зла или создания новых привилегий и новых тиранов, нужно одновременно подчеркивать великолепие науки и техники и вдохновлять неграмотных образовываться и развиваться.

Необходимо также чтобы они чувствовали и понимали, что безграмотность – это не причина быть униженными и угнетенными, но напротив, это дает им право уделять больше внимания образованию, в качестве компенсации за то, что они были лишены одних из лучших вещей в человеческой цивилизации.

Интеллектуалы, которым посчастливилось получить образование, если они принимают участие в революции в силу искреннего стремления к всеобщему благу, должны встать на уровень тех, кому посчастливилось меньше, чтобы помочь им подняться, а не смотреть на массы, как на стадо, которому нужен пастух [...] и оббирать их, лишая тем самым шанса воспитать в себе ответственность и свободу или, еще хуже, принуждать их к повиновению используя жандармов.

То, что мы можем назвать естественным стремлением интеллектуалов – это держаться подальше от народа и объединяться в кружки; зазнаваться и, в конечном итоге, считать себя защитниками и спасителями, которых массы должны почитать [...] и обслуживать. Отделение от масс и иллюзия борьбы за общее благо, наряду с наслаждением благоприятным положением и различиями в уровне жизни, содействует только тому, что авторы Воззвания [к созданию Интернационала интеллектуалов] так верно осудили: формирования «вредной и опасной касты» внутри движения рабочего класса.

Но всё же, какова могла бы быть деятельность и цель этого специфического Интернационала?

Если речь идет об ассоциации наподобие уже существующих, цель которых – помощь в изучении науки, истории и литературы или распространение «культуры в целом» среди народа, то проект был бы осуществимым и полезным. Все просвещенные люди, независимо от партии и класса, могли бы участвовать в такой затее. Истина, наука не является ни буржуазной ни пролетарской, и все могут чувствовать заинтересованность в её прогрессе.

Но предлагается создать организацию для борьбы. Организацию, которая хочет занять место в социальной борьбе. В таком случае, как могут держаться вместе и заниматься полезным делом люди, даже имеющие более или менее одинаковые конечные цели, но использующие различные средства, принадлежащие к конкурирующим политическим партиям и, в каждом практическом вопросе находящие себя по разные стороны баррикад? Как пацифисты и сторонники войны, революционеры и легалисты, демократы и сторонники тоталитаризма, сторонники власти и анархисты достигнут согласия?

На практике это должно случиться с любым Интеллектуальным интернационалом, который не является ни чисто научным, ни чисто политическим учреждением, ни организацией, тесно связанной с одной из партий. Немного пафосных манифестов, декоративная поддержка от нескольких «громких имен» из тех, кто из-за толи из-за ничтожности, то ли из-за лени со всем соглашаются [...], а затем фиктивное, шаткое и бесполезное существование. И даже такое жалкое существование не сможет продолжаться без создания бюрократии, заинтересованной в продолжении организации [...] и в её доходах. Эта бюрократия, как только основатели устанут и отойдут от дел, сможет долгое время вести работу по заполнению списка участников именами тысяч людей, знающих писателей.

Но как это может быть полезно для дела?

По этим причинам, я считаю, что нашим друзьям, оказавшимся вовлеченными в эту авантюру, не мешало бы повторить спустя 50 лет поступок Михаила Бакунина, когда на Конгрессе Ассоциации за мир и свободу он заявил, что мир и свобода могут быть обеспечены только благодаря борьбе среди рабочих за социальную справедливость. Он покинул эту Ассоциацию, которая также была разновидностью Интернационала интеллектуалов, и, вместе с меньшинством революционных социалистов, присутствовавших на Конгрессе, присоединился к Международному союзу трудящихся...

Рассуждения по «Рабочее движение и анархизм»

Март 1926, источник: [здесь](#)

Очевидно, что я не могу заставить испаноязычных товарищей понять меня, по крайней мере в том, что касается моего представления о рабочем движении и о роли анархистов в нём. Я пытался объяснить эти идеи в статье, которая была опубликована в «El Productor» 8 января (заголовок которой «Рабочее движение и анархизм» был ошибочно переведён как «Синдикализм и анархизм»). Но по реакции на вопросы, которые были подняты в «El Productor» я увидел, что мне не удалось добиться их понимания. Поэтому я возвращаюсь к этой теме в надежде на большую успешность.

Вопрос заключается в следующем: я согласен с испанскими и южноафриканскими товарищами по поводу анархистских целей, которые должны вести и информировать обо всей нашей активности. Но я не согласен с некоторыми по анархистской программе, или, скорее с ярлыком, будто бы её выполнение должно быть возложено на трудовые союзы. И, получит ли такая программа принятие большинства или нет, анархистам необходимо оставаться в рамках организации шире, продолжая изнутри пропагандировать и противостоять авторитарным, монополистским и коллаборационистским тенденциям, которые имеют место во всех трудовых организациях. Или отделиться от них и установить организации меньшинств.

Я утверждаю, что, поскольку есть масса рабочих не-анархистов, состоящих в трудовых организациях, то они либо должны быть сделаны исключительно из анархистов — и, следовательно, быть не более чем простым и бесполезным копированием анархистских групп — или оставаться открытыми для работников всех мировоззрений. В этом случае анархистский ярлык – чистый блеск, необходимый только для помощи в совершении анархистами тысячи и одной операции, которые союз обязан выполнять в этот же день, если он желает защитить непосредственно интересы наших членов. Я встречал статью Д. Абада де Сантьяна, которая выступает против этой точки зрения... Сантьян считает, что я путаю синдикализм с рабочим движением, когда на самом деле я всегда выступал против синдикализма и тепло относился к рабочему движению.

Я против синдикализма – как в теории, так и на практике, потому что он представляется мне как гибридное существо, которое делает ставку, не обязательно на реформизм, как Сантьян видит это, а на классовое превосходство и авторитаризм. Я за рабочее движение, потому что считаю, что это наиболее эффективный способ повышения морального духа работников, а также это огромная всеобщая инициатива, которая может быть проигнорирована только теми, кто потерял свою власть над реальной жизнью. В то же

время я хорошо осознаю то, что, продвигаясь только в том, как есть на самом деле – чтобы защитить краткосрочные интересы трудящихся, она естественно стремится к реформизму и таким образом не может себя связывать с анархистским движением.

Сантьяго утверждает, что мой идеал – «чистое рабочее движение, независимое от социальных тенденций, и которое имеет свои собственные цели в самом себе». Когда я говорил такие вещи? Немного вернувшись назад – в те времена, которые Сантьяго называет доисторическими временами моей ранней деятельности, я помню, что еще в 1907 году, на конгрессе анархистов в Амстердаме, я «скрещивал мечи» с синдикалистами из Амьенской хартии, выражая полное недоверие к чудесной добродетели «синдикализма, которому хватает самого себя».

Сантьяго говорит, что чистого рабочего движения никогда не существовало, не существует и не может существовать без влияния внешних идеологий и предлагает мне найти хотя бы один пример, доказывающий обратное. Но сказанное мною и есть то же самое! Со времён Первого Интернационала и ранее, партии – я использую термин в его общем значении, которое обозначает людей, которые разделяют общие цели и идеи – неизменно стремились использовать рабочее движение для собственных целей. Это вполне естественно и правильно, и анархистам, как и Сантьяго, не стоило бы пренебрегать мощью рабочего движения как средства действия. Весь вопрос в том подходит ли это нашим целям в вопросах действия и пропаганды, а также стоит ли быть рабочим организациям быть открытыми для всех рабочих, не зависимо от их философских и социальных взглядов или им стоит разделиться на разные политические и социальные тенденции. Это вопрос не принципа, а тактики, и включает в себя различные решения в зависимости от времени и места. Но в целом мне кажется, что лучше, чтобы анархисты оставались, пока это возможно, в максимально большой возможной группировке.

Я писал: «Рабочая организация, которая позиционирует себя как анархистская и является подлинно такой, что состояла и состоит из исключительно закоренелых анархистов, может быть определённой формой анархистской группировки – в некоторых случаях необычайно полезной; но она не может быть рабочим движением и ставить себе за цель стать им». Это утверждение, которое кажется мне простым и понятным, непонятно Сантьяго. Он бросается на него с трансцендентальными понятиями, утверждая, что «если анархизм есть идеей свободы, он не может работать на окончание рабочего движения, как это делают все остальные фракции».

Давайте будем крепко держаться на ногах. Какова цель рабочего движения? Подавляющее большинство тех, кто не являются анархистами, больше размышляют о нынешнем моменте, чем о будущем; цель рабочего движения – защита и улучшение условий рабочих сейчас, и это неэффективно, если его ряды не заполнены максимально великим числом наёмных рабочих, объединённых солидарностью против их эксплуататоров. Для нас и в общем всех идейных людей, основная причина заинтересованности в рабочем движении – возможности, которые оно предоставляет для пропаганды и подготовки для будущего. И даже эта цель теряется, если мы собираемся только с единомышленниками.

Сантьяго говорит, что если бы итальянские анархисты сумели уничтожить Всеобщую Конфедерацию Труда, тогда, возможно, там не было бы фашизма сегодня. Возможно. Но как уничтожить Всеобщую Конфедерацию, если подавляющее большинство рабочих не являются анархистами и они смотрят, где наименьшая опасность и наивысший шанс получения каких-то маленьких привилегий в короткие сроки? Я не желаю решаться на подобную непредусмотрительность, которая состоит в разговорах о том, если бы было сделано то или иное, лишь потому, что в этой области любой может без страха опровержения говорить что им нравится. Но я позволю себе один вопрос. Поскольку Всеобщая Конфедерация не может быть уничтожена и заменена на не менее мощную организацию, не было бы лучше избегать раскола и остаться в организации, чтобы предупредить о сонливости её лидеров? Мы можем кое-чему научиться из постоянных поступков, которые совершают эти лидеры, чтобы сорвать любые предложения по унификации и чтобы держать диссидентов в страхе.

Последнее доказательство ошибочности в интерпретировании испанскими товарищами моих идей по вопросу рабочего движения: в издании из Сан-Фелиу-де-Гишольс, «Acción Obrera» есть статья написанная Витторио Аурельо, в которой он заявляет: «Я верю, что моя миссия – действовать внутри союзов, ища пути для открытия изнутри рабочих организаций и двигаться вверх до достижения полной реализации наших идеалов. И получим ли мы это, зависит от нашей работы, нашего боевого духа и наших действий. Но мы должны действовать с помощью убеждения, не навязывания. По этой причине я не согласен с тем, что Национальная Конфедерация труда (НКТ) в Испании может прямо называть себя анархистской, когда, к сожалению, подавляющее большинство не знает, о чём, собственно, говорится в либертарной идеологии. Мне интересно, знают ли защитники их утверждения о том, что члены трудовых организаций не размышляют и не действуют анархически, почему существует это навязывание имени, когда мы отлично знаем, что имена сами по себе не значат ничего?»

Это моё точное мнение. И мне интересно, почему говоря это, Витторио Аурельо считает необходимым заявить о том, что он не согласен с Малатеста? То ли стиль моего письма становится слишком неясным, то ли испанские переводчики регулярно искажают мои писания.

Заметки: Диего Абад де Сантьяго (1897-1983), Аргентинец. Был активен во время Гражданской войны в Испании. Журналист и редактор.

Революционная спешка

1921, источник: [здесь](#). В данной заметке Малатеста описывает современные ему события в США. Автор выводит несколько важных тезисов — революционеры не должны поступательно наращивать свои массы, ожидая изменений, когда их будет поддерживать большинство; революционеры не должны откладывать свои первостепенные задачи в угоду ситуации; ориентироваться на поддержку большинства — вредно, так как большинство порождено экономической средой и будет лишь повторять ее. И в этом утверждении, видимо, есть что-то от марксистской философии: «бытие определяет сознание». Революционное меньшинство же, прорвавшееся сквозь ограничения среды, не должно стараться действовать в рамках среды, так как попытки ее изменения изнутри, не меняя предпосылок появления самой среды, тщетны.

Рассмотрим еще раз статью Дж. Валенти, опубликованную в газете «Юстиция», выходящей в Реджио-Эмилии.

Валенти продолжает попытки подсчитать количество тех, кто остается равнодушным или враждебным к революционной пропаганде. Описывая США, он утверждает, что в этой стране насчитывается 60 миллионов католиков, объединенных в различные религиозные братства, которые посещают церкви и молятся богу, и Валенти предлагает анархистам попробовать вести пропаганду среди этих 60 миллионов. Он отмечает, что лишь 4 с половиной миллиона рабочих из 40 миллионов организованы в союзы, большинство которых, к тому же, остается враждебными социализму, он призывает сторонников тред-юнионизма начать работу над привлечением рабочих в профсоюзы, если они хотят ускорить революцию. Он отмечает, что только один из двадцати пяти миллионов избирателей проголосовал за Дебса¹ на прошлых выборах, он напоминает, что на Юге социалистических ораторов бьют и выгоняют из городов толпы фанатичных патриотов, наконец, он предлагает коммунистам только попробовать распространять свои «21 условие»² на юге, вместо того чтобы «заставлять социалистов принять их».

Все это было бы хорошо и правильно, если бы основное утверждение автора состояло в том, что мы должны вести пропаганду и пытаться привлечь на нашу сторону сторонников освободительных идей как можно больше лиц, как можно большие массы.

С другой стороны, аргументы автора полностью теряют свою силу, если речь идет о том, что нужно отложить свержение капитализма до тех пор, пока 60 миллионов американских католиков станут атеистами, все (или большинство) рабочие объединятся в классовые организации, а Дебс выйдет из заключения благодаря поддержке большинства избирателей.

Не следует путать понятия. Конечно, само собой очевидной истиной является то, что революция может преуспеть только если в наличии имеются достаточные для этого силы.

Однако исторической истиной является и то, что силы, определяющие ход общественного развития и социальных революций, не могут быть оценены с помощью данных статистики.

Католики в США и других странах останутся многочисленными, и даже будут приумножать свои ряды до тех пор, пока будет существовать правящий класс, который держит в своих руках всю полноту богатства и науки и заинтересован в сохранении умственного рабства масс, с тем чтобы ему было легче над ними властвовать. Все рабочие никогда не будут объединены в классовые организации, и их организации будут уничтожены или будут вырождаться до тех пор, пока нужда, безработица, страх потерять работу, стремление любой ценой улучшить свои жизненные условия будут сеять противоречия между рабочими и давать господам возможность получать выгоду от любых изменений обстоятельств и кризисов, побуждающих работников конкурировать друг с другом. А избиратели всегда по определению останутся кроткими мулами, даже если они могут иногда дать хозяину копытом.

При определенных экономических условиях и при сохранении определенной социальной среды очевидно, что умственное и нравственное состояние масс останется примерно одинаковым. К тому времени, как внешние изменения, что носят либо идейный, либо материальный, но обязательно насильственный характер, не изменят эту среду, все попытки ведения пропаганды, образования и революционной агитации останутся тщетными. Они будут влиять только на тех индивидов, кто будет способным преодолеть ограничения среды, в которой они родились, благодаря определенным естественным или социальным преимуществам своей жизни. Однако именно эта небольшая группа, это сознательное и мятежное меньшинство, что его порождает каждый социальный строй по той несправедливости, жертвами которой за него становятся массы, играет роль движущей силы истории, которой достаточно, как это раньше бывало, чтобы продвинуть вперед общественный прогресс.

Каждые новые идея и учреждение, все развитие общества и каждая революция всегда были следствием работы этого революционного меньшинства. Нашей целью и нашим вдохновением является предоставление всем людям возможности осознавать и воплощать свои интересы. Однако для того, чтобы достичь этой цели, необходимо обеспечить всем членам общества средства существования и развития, а для этого необходимо уничтожить насильственным путем — иначе это сделать невозможно — аппарат насилия, что закрывает трудящимся путь к этим средствам.

Конечно, «маленькая кучка», революционное меньшинство, должно насчитывать достаточно людей, и тот, кто считает, что мы стремимся каждый раз начинать восстание без учета тех сил, противостоящих нам, или обстоятельств, которые могут способствовать или противодействовать нашим усилиям, неправильно оценивает наши планы. В случае отдаленном, прошлом у нас была возможность (и мы им пользовались) осуществлять ряд отдельных попыток восстания, которые не имели никакой возможности успеха. Но в те дни нас было немного, и мы старались, чтобы общество услышало о нас, потому тогдашние попытки поднять восстание были лишь средством пропаганды наших идей.

Теперь вопрос не стоит так, что необходимо поднимать восстание, чтобы распространять революционные идеи, теперь мы можем победить, и поэтому мы стремимся к победе, и начинаем вооруженную борьбу только тогда, когда мы убеждены в том, что мы можем ее получить. Конечно, мы можем ошибаться, и, выдавая желаемое за действительное, поверить в то, что плод будущей революции созрел, когда он еще зеленый. Но мы должны признаться в том, что мы чувствуем большую симпатию к тем, кто ошибается, потому что спешит, чем к тем, кто всегда играет в ожидание и упускает наилучшие возможности из-за страха чрезмерной спешки — боясь сорвать один зеленый плод, оставляет гнить весь урожай!

В итоге, мы полностью согласны с «Юстицией» в той части, что касается необходимости проведения массовой пропаганды и как можно более масштабного развития организаций пролетарской борьбы, но мы категорически не согласны с ней, когда ее авторы утверждают, что революционеры не должны действовать решительно до тех пор, пока мы не обратим на свою сторону большинство инертных элементов общества, которые в действительности будут обращены только событиями и примут революцию только после того, как революция начнется.

Историческая справка:

1. Юджин Дебс (1855-1926) — один из лидеров американского рабочего движения, один из основателей Индустриальных рабочих мира (ИРМ), многократный кандидат в президенты США от Социалистической партии Америки. В 1918-1921 годах находился в заключении из-за свои выступления против участия США в Первой мировой войне.

2. «21 условие» — Имеется в виду «Условия приема в Коммунистический Интернационал» — документ, принятый на втором конгрессе Коминтерна (30 июля 1920 года). Устанавливала жесткие критерии к вступлению новых секций в Коммунистический Интернационал.

Революция и террор

1924, источник: [здесь](#). Американские известия. 1924. №155. С. 2-3. Малатеста рассуждает о революционном терроре и о том к чему он приводит, предостерегая будущие поколения революционеров.

В виду грядущих — возможно, близких — событий...

В настоящей статье я не буду касаться вопроса о том, каким образом могла бы быть свергнута тирания, под гнетом которой задыхается в данное время итальянский народ. Задача, которую мы себе здесь ставим, заключается в наиболее отчетливом и рельефном выявлении наших идей и в моральном приготовлении масс, в виду назревающих в более или менее отдаленном или близком будущем событий — ибо это единственное, что представляется нам сейчас возможным и целесообразным. Впрочем, если бы мы даже и верили, что момент для более решительных действий уже наступил — нам тем паче пришлось бы воздержаться от всяких рассуждений на эту тему.

Ограничусь, таким образом, некоторыми предположениями и догадками по поводу перспектив, связанных с победоносным народным восстанием и теми методами насилия, применение коих одними горячо рекомендуется в интересах «торжества справедливости», а другими почитается даже «необходимым» — для обороны Революции от козней ее многочисленных врагов.

Оставляю в стороне «справедливость», как понятие весьма относительное, которым всегда пользуются как предлогом для всякого рода несправедливостей и притеснений, и за которым часто не скрывается ничего, кроме жажды мести. Ненависть и стремление отомстить за обиду суть естественные и неискоренимые эмоции (чувства), возбуждаемые и питаемые угнетением; будучи полезными, в известном смысле, когда нам необходимо сбросить давящее нас ярмо, они становятся отрицательной силой, поскольку мы стремимся заменить современную систему угнетения не каким-либо иным видом гнета, но общечеловеческой солидарностью, свободой и братством. Вот почему мы должны прилагать все усилия к тому, чтобы пробуждать в массах эмоции высшего порядка, под влиянием которых наша душевная энергия устремляется как бы по иному пути, проявляясь в искреннем тяготении и неугасимой любви к Добру; — с другой стороны, не следует подавлять тех мощных, стихийных импульсов, которые вытекают как из положительных, так и из отрицательных факторов, и являются столь необходимыми для конечной победы. Предоставим массе идти по тому пути, на который увлекает ее стихийный порыв — если для того чтобы направить ее на «лучший путь» необходимо наложить на нее узду, что выльется неизбежно в форму новой тирании; но не будем забывать в то же время, что мы, анархисты, не можем быть ни мстителями, ни поборниками «справедливости». Ибо цель наша заключается в раскрепощении человечества, и достижению этой высокой цели мы обязаны способствовать словом и делом.

Перехожу ко второму вопросу, несравненно большего значения — к тому единственному серьезному аргументу, который был выдвинут по этому поводу моими критиками — к вопросу о революционной обороне.

Многих из наших товарищей и по сие время еще соблазняет идея террора. Гильотина, расстрелы, массовые убийства, «галеры» (*«виселица и галеры» (т. е. каторжные работы) — как заявил мне недавно один из виднейших коммунистов*) — все это в их глазах является необходимым и могущественным орудием Революции; и если большинство революций закончилось крахом или не оправдали возлагавшихся на них надежд, то причина этому, по их мнению, кроется в слабоумии, «мягкотелости» их вождей, не имевших мужества «подавлять», «преследовать» и «убивать» в достаточной мере.

Это — предубеждение, весьма распространенное в определенном кругу революционеров, навеянное риторикой и историческими фальсификациями апологетов Великой Французской Революции, и усилившееся за последние годы благодаря большевистской пропаганде. Истина, однако, заключается в обратном: во все времена террор был орудием деспотизма. Во Франции он служил слепой тирании Робеспьера, предуготовив путь для Наполеона и последовавшей затем реакции. В России он привел к суровым гонениям на социалистов и анархистов, и массовым убийствам рабочих и крестьянских повстанцев, и в результате вызвал разложение того прекрасного революционного порыва, который, казалось, мог бы действительно открыть собой новую эру в цивилизации.

Те, кто верит в действительность, в полезность и реальное значение для дела Революции и раскрепощения, подобных суровых репрессий, мыслят не менее косно и ретроградно, чем пресловутые педанты-юристы, мечтающие об искоренении преступности и насаждении всеобщей нравственности с помощью «грозной кары закона».

Террор, подобно войне, пробуждает дремлющие в нас дикие, атавистические инстинкты, едва прикрытые внешним лоском цивилизации и выдвигает в первые ряды худшие элементы народа. Вместо того, чтобы служить делу защиты Революции, он скорее дискредитирует, делает ее одиозной в глазах масс, и после продолжительной ожесточенной борьбы приводит неизбежно к так называемой «нормализации», т.е. к узаконению и упорядочению тирании. На чьей бы стороне ни оказалась победа, результатом ее всегда бывает утверждение сильной Власти, обеспечивающей одним — мирное существование, ценой их свободы, другим — возможность управлять, без излишнего риска.

Анархисты-террористы (*вернее — немногие представители этой секты*), насколько мне известно, отвергают идею организованного террора, проводимого по предписаниям правительства его агентами; сам народ, непосредственно, — по их убеждению — должен предавать смерти своих врагов. Но это только ухудшило бы положение. Если идея террора вызывает сочувствие фанатиков, то особенно она улыбается настоящим преступникам, жадным до денег и крови. Не следует также идеализировать массу, воображая, что она состоит исключительно из простых и честных людей, способных, порой, на эксцессы, но одушевленных всегда самыми лучшими намерениями. Ведь и сыщики и фашисты, находящиеся ныне в услужении у буржуазии, вышли также из недр народа!

Фашизм, собравший под своими знаменами множество преступников, явился своего рода предварительным фильтром, очистившим до известной степени ту среду, в которой разовьется грядущая революция. Не следует думать, однако, будто все Думини и все Цезарино Росси находятся непременно в рядах фашистов. Некоторые из них, в силу тех или иных причин, не захотели или не смогли надеть личину фашистов и творить именем «партии» все ей благоугодное, тогда как раньше они, быть может, склонны были действовать во имя революции. С другой стороны, — подобно пиратам, всегда готовым поддержать любой режим и стать его послушным и ревностным орудием — сегодняшние фашисты поспешат на завтра же объявить себя анархистами, коммунистами — всем чем угодно — лишь бы сохранить за собой свои деспотические привилегии, возможность удовлетворять свои преступные инстинкты. И если такое превращение окажется для них невозможным на родине, где они слишком скомпрометированы, пользуются слишком печальной известностью — в таком случае они отправятся «делать революцию» за границей, причем постараются выдвинуться и сделать карьеру, проявляя больше энергии и жестокости нежели другие и величая «умеренными», «трусами», «шкурниками» и «контрреволюционерами», всех тех, кто мыслит революцию как величайшее дело Добра и Любви.

Бесспорно, в охране и развитии революции нужно быть непреклонным и последовательным до конца, но не следует оберегать ее с помощью средств, противоречащих ее органическим принципам и целям.

Единственное, чем можно подлинно охранять революцию – это лишение буржуазии всех источников ее экономического превосходства и всеобщее вооружение народа – поскольку нет возможности убедить всех и каждого отказаться совершенно от употребления оружия, как бесполезной и опасной игрушки; чрезвычайно важно, при этом, чтобы широкие трудовые массы были заинтересованы непосредственно и кровно в победе.

Ибо победе для коей необходимо воздвигнуть гильотины на площади, предпочтем мы поражение!

Революция на практике

1922, источник: [здесь](#). Малатеста повествует о совещании в Бьен, которое подняло ряд интересных вопросов. Он снова критикует тех, кто считает, что анархия наступит, когда все станут анархистами в условиях капитализма, но при этом сам утверждает, что для абсолютного успеха анархической революции необходимо большая часть поддерживающих. Из этого он приходит к практическому выводу, что анархисты должны максимально продвигать свои взгляды и менять общий вектор революционных событий, заменяя институты государства — своими, показывая работоспособность своих идей в организации общества. Также поднимаются другие, не менее интересные вопросы, но четких ответов здесь не найти — автор лишь высказывает предположения, опираясь на опыт Красного двухлетия, где анархисты выступили видимой силой, и свои знания о революции в России 1917 года. Статья является лишь основой для дискуссии, где задан ряд вопросов, на которые предстоит ответить уже следующим практикам, возможно заплатив за свои ошибки дорогую цену.

На совещании, состоявшемся в Бьен (Швейцария) на пятидесятой годовщине Санкт-Имьенского конгресса, товарищ Бертони и я высказали несколько идей, которые не понравились товарищу Коломеру. Настолько, что он написал в Парижскую «Libertaire», что он уверен, будто бы эти идеи не имеют ничего общего с тенденцией развития современного анархического движения. Если бы товарищи из Германии, Испании, России, Америки и др. присутствовали на этом заседании, пишет он, они были бы так же потрясены и возмущены, как он сам.

На мой взгляд, товарищ Коломер слегка преувеличивает свои знания реальных тенденций развития анархизма. В любом случае, это некорректное словоупотребление, по крайней мере, странно говорить о «возмущении», когда речь идет об обсуждении, где все честно пытаются внести свой вклад в разъяснение идей в интересах общей цели. В любом случае, вести дискуссию лучше в дружественной манере, как мы это делали в Бьене.

Бертони, безусловно, будет отстаивать свои идеи в «Réveil», я сделаю то же самое на «Umanità Nova», как будет делать это и Коломер на страницах «Libertaire». Другие товарищи, я надеюсь, будут участвовать в обсуждении, и это принесет выгоду нам всем, если только каждый будет заботиться о том, чтобы не изменить в процессе перевода первоначального смысла речей оппонента. И это не мешает надеяться, что никто не будет возмущен, если он услышит то, что он никогда не думал.

Две темы обсуждались в Bienne: «отношения между синдикализмом и анархизмом» и «действия анархистов в случае восстания». Я вернусь к первой теме в другой раз и не спеша, как читатели «Umanità Nova» уже должны знать, что я думаю по этому вопросу. Я сейчас объясню, что я сказал по поводу последней темы.

Мы хотим сделать революцию настолько быстро, насколько это возможно и будем использовать для этого все возможности, которые только могут возникнуть.

За исключением небольшого числа «воспитателей», которые верят в возможность привести массы под анархические идеалы перед тем, как материальные и моральные условия их жизни изменятся, все отодвигают свершение революции во время, когда у всех будет возможность жить анархически, все анархисты едины в своем желании свергнуть существующий режим настолько быстро, насколько это возможно: и как показывают факты, они часто единственные, кто по-настоящему желает осуществить это.

Как бы то ни было, революции происходили, происходят и будут происходить независимо от желаний и действий анархистов; и пока анархисты еще являются меньшинством среди населения и анархия не может быть насаждена силой и быть насильственно установленной малым количеством людей, понятно, что прошлые и будущие революции, скорее всего, не будут анархическими.

В Италии два года назад революция назрела, и мы сделали все что могли, чтобы она свершилась. Мы обращались как с предателями с социалистами и членами профсоюзов, которые остановили импульс масс ради сохранения шаткой монархии, испугавшись бунтов против высокой стоимости жизни, забастовки в Пьемонте, восстания в Анконе, оккупации заводов.

Что мы делали, если революция окончательно свершилась? Что мы будем делать, если революция свершится завтра? Что делали наши товарищи, что смогли и что должны были сделать, когда недавняя революция захлестнула Россию, Баварию, Венгрию и другие страны?

Мы не можем сделать анархию до тех пор, пока анархия не распространится на все население и на все социальные отношения, потому что население ни одной страны не анархично сегодня, и мы не можем принять другой режим, не отказавшись от наших убеждений и не потеряв любые причины к существованию как анархисты. Итак, что же мы можем и должны сделать?

В этом состояла проблема, которую обсуждали в Бьене, и эта проблема представляет огромный интерес в наше время, поскольку представляет различные варианты исхода в тех случаях, когда мы внезапно сталкиваемся с ситуацией, которая требует от нас действовать незамедлительно и без колебаний или просто исчезнуть с поля боя после того, как победят другие.

Дело не в изображении революции, какой мы бы ее хотели видеть, настоящая анархистская революция была бы возможна, если бы все, или хотя бы подавляющее большинство людей, живущих на данной территории, были анархистами. Все дело в поисках лучшего пути, по которому мы могли бы следовать в пользу анархистскому вкладу в социальные потрясения, как если бы они могли случиться сейчас.

У авторитарных партий существуют конкретные программы и желание навязать их силой, поэтому они и стремятся к захвату власти, независимо от того, легальны их действия или

нелегалы, и изменить общественный строй по-своему с помощью нового законодательства. Это объясняет, почему они бывают революционерами на словах и часто и в намерениях, но они не решаются свершать революцию, когда возникает такая возможность; они не уверены даже в пассивной молчаливой поддержке большинства, у них нет достаточной военной силы, чтобы и законы исполнялись на всей территории, у них не хватает людей с навыками деятельности в бесчисленных сферах активности общества... поэтому они всегда вынуждены откладывать действия, пока не окажутся через народное восстание, практически против своей воли, в правительстве. Однако, однажды придя к власти, они хотели бы удержаться там на неопределенный срок, поэтому они пытаются отвлечь, замедлить, остановить революцию, которая подняла их.

Наоборот, у нас есть определенные идеалы, за которые мы боремся и которые хотели бы увидеть реализованными, но мы не верим, что идеалы свободы, справедливости, любви могут быть достигнуты через применение насилия правительством.

Мы не хотим приходить к власти и не хотим кого-либо другого над нами. Если мы не можем предотвратить существование и создание правительств из-за недостатка сил, мы стремимся, и всегда будем стремиться, сохранить или сделать такое правительство таким слабым, как это возможно. Поэтому мы всегда готовы принять меры, когда речь идет о свержении или ослаблении правительства, не заботясь слишком много (я говорю «слишком много», а не «вообще») о том, что произойдет после этого.

Для нас насилие используется и может быть использовано только как ответ на насилие. В противном случае, когда его используют для достижения позитивных целей, результатом является либо абсолютная неудача, либо успех в создании угнетения и эксплуатации одних другими.

В этом состоит наша миссия: уничтожать или способствовать уничтожению любой политической власти как таковой и всех видов репрессивных институтов; в любом случае, это отказ признавать когда-либо правительство и борьба против него, призыв и утверждение, пусть даже и с помощью силы, право организовываться и жить так, как мы хотим, и экспериментировать с формой общественного устройства, чтобы выбрать кажущуюся лучшей для нас, конечно, не нанося при этом ущерба другим людям, ведь мы наделены равными правами.

Кроме этой борьбы против существования правительства, которое несет в себе капиталистическую эксплуатацию и делает ее возможной, однажды мы поощряли и поднимали массы, помогая захватить излишки и средства производства. Однажды будет достигнута такая ситуация, когда никто не сможет ни навязывать кому-либо свои желания силой, ни отнять у человека плоды его трудов, и тогда мы могли бы действовать только через пропаганду и на собственном примере.

Уничтожить институты и механизмы существования общественных организаций? Да, конечно, если речь идет о репрессивных институтах, но они, в конце концов, являются только малой частью устройства общества. Полиция, армия, тюрьмы и судебная система являются мощными учреждениями для свершения зла, и осуществляют лишь

паразитические функции. Другие управленческие учреждения и организации, к лучшему или к худшему, существуют для того, чтобы гарантировать жизнь человечества, и эти учреждения не могут быть успешно уничтожены, без замены их на что-то лучшее.

Обмен сырья и товаров, распределение продуктов питания, железные дороги, почтовые службы и все государственные службы, учрежденные государством или частными компаниями, были организованы, чтобы служить монополистическим и капиталистическим интересам, но они также служат и реальным потребностям населения. Мы не можем разрушать их (и в любом случае люди в своих интересах не позволят нам сделать это) без реорганизации их в лучшую сторону. И это не может быть достигнуто за один день, даже если у нас были бы необходимые возможности для этого. Мы были бы обрадованы поэтому, если бы в то же время другие тоже действовали, даже если бы они подходили к этому по-другому, не как мы.

Жизнь общества непрерывна, и люди хотят жить и в день революции, и завтра, и всегда.

Горе нам и будущему нашей идеи, если мы возьмем на себя ответственность за бессмысленное уничтожение, которое поставит под угрозу продолжение жизни общества!

В ходе обсуждения таких тем в Бьене, был поднят вопрос, имеющий огромное значение — вопрос о деньгах.

Это обычно в наших кругах предложить простое решение проблемы, сказав, что деньги должны быть отменены. И это было бы решением, если мы говорим об анархическом сообществе, или гипотетическая революция состоялась бы в ближайшие сто лет, как всегда предполагая, что массы способны стать анархистскими или коммунистическими без радикального изменения условий, в которых мы живем, через революцию.

Но сегодня эта проблема осложняется, и совершенно по-другому.

Деньги являются мощным средством эксплуатации и угнетения, но они также являются единственным средством (за исключением самых тиранических диктатуры или самых идиллических соглашений), которое разработал на сегодняшний день человеческий интеллект, регулирующее производства и распределения автоматически.

На данный момент, скорее чем возможности отмены денег, может быть, следует искать способ гарантировать то, чтобы количество денег действительно определялось полезной работой, сделанной их обладателем.

В любом случае, давайте незамедлительно приступим к практике в вопросах, которые обсуждались в Бьене.

Допустим, что успешное восстание происходит завтра. Анархия это будет или не анархия, люди должны питаться и обеспечивать все свои основные потребности. Крупные города должны быть обеспечены необходимым примерно как обычно.

Если крестьяне, носильщики, и т.д., отказываются поставлять товары и услуги бесплатно и требуют в качестве оплаты деньги, которые они привыкли рассматривать как реальное богатство, что же делать? Обязать их силой? В этом случае мы могли бы также распрощаться с анархизмом и с любыми возможными изменениями в лучшую сторону. Пусть русский опыт послужит нам уроком.

И что же?

Товарищи обычно отвечают: «но крестьяне поймут преимущества коммунизма или, по крайней мере, прямого обмена товара на товар».

Это все очень хорошо, но, конечно, это вопрос не одного дня, а люди не могут оставаться без еды даже на день. Я не предложу решение. Все что я хочу сделать — это привлечь внимание товарищей к самым важным вопросам, с которыми мы столкнемся в реальности, если завтра произойдет революция. Пусть товарищи поспособствуют разъяснению этих вопросов, и не давая нашему другу и товарищу Коломеру возмущаться или негодовать.

И если эти вопросы являются новыми для него и пугают своей новизной, то это не похоже на анархиста.

Редакционная почта

1924, источник: [здесь](#)

МЕДИЦИНА... и АНАРХИЗМ. – Под этим названием, в разделе редакционной почты 5-го номера нашей газеты, мы опубликовали статью, в которой отказались от предложения некоторых наших товарищей пропагандировать определенные методы лечения, противоречащие науке и общепринятой медицинской практике.

Наш отказ огорчил товарища Н. Кунео из Нью-Йорка. Несмотря на то, что он признает, что газета «Pensiero e Volontà» не подходящее место для обсуждения медицины (собственно, он и не призывал нас к этой пропаганде), в номере газеты «Libero Accordo» от 15 апреля он выступил за «натуральное лечение», то есть лечение без применения наркотических веществ, которое, как говорят, пользуется большим успехом, а также признано и узаконено во многих штатах американского Союза.

Очевидно, нас поняли не верно.

Мы не хотели критиковать какой-либо метод лечения; мы просто хотели заявить о своей некомпетентности, о своей неосведомленности в данном вопросе...а также, в какой-то степени, напомнить некоторым нашим товарищам об их собственной неосведомленности.

Многие из нас склонны считать правильным все, что появляется под благовидным предлогом бунта против общепринятых «истин», особенно если это поддерживают люди, которые являются анархистами, или считают себя таковыми. Это указывает на отсутствие духа самокритики и самоанализа, который должен быть максимально развит у анархистов.

Это нормально всегда стремиться к новым открытиям, и не рассматривать ни одно из достижений человеческого интеллекта как окончательное; но, несмотря на это, мы должны помнить о том, что новое не всегда лучше старого, и что быть анархистом не значит быть наделенным непогрешимостью.

В своей сущности медицина – экспериментальная наука, все еще находящаяся на начальном этапе своего развития. По этой причине следует относиться с пониманием к любой искренней попытке человека найти новые методы, невзирая на существующие предрассудки и суеверия. Однако те, кто захочет подвергнуть старые методы критике, а также выступить против них, должны быть осведомлены о том, что эти методы из себя представляют, а также об их достоинствах и недостатках. Другими словами, мы просто настаиваем на том, чтобы люди, прежде чем говорить о какой-либо проблеме, сначала изучили ее. Поэтому, если среди нас есть товарищи, которые считают, что они достаточно компетентны для обсуждения вопросов медицины, то давайте позволим им это, но не будем позволять им требовать от нас участия в дискуссии, предмета которой мы не понимаем.

В конце концов, мы знаем хороших врачей, которые открыто признают идеи анархизма; несмотря на это, они не говорят об анархии, когда занимаются наукой, или говорят только тогда, когда научные проблемы становятся социальными, то есть когда они замечают, что существующая организация общества препятствует продвижению медицины или ее использованию на благо человечества.

Реформизм

Источник: [здесь](#). Часто используемое в последнее время слово. И со стороны, возможно, кажется, что и противники, и сторонники этого слова занимаются одним и тем же, а спор возникает на пустом месте. Так ли это? Малатеста пишет с позиции революционера о своем отношении к реформизму. Читайте и делайте выводы.

Основной ошибкой реформистов, из которой происходят все другие, является их мечта о «**солидарности**», об искреннем сотрудничестве – между господами и рабами, между собственниками и рабочими, – которое, даже если бы она когда-либо и существовало в эпохи крайней несознательности масс и их истовой религиозности, совершенно невозможно в наше время.

Тот, чьим идеалом является общество откормленных свиней, блаженно ищущих корм под покровительством горстки пастухов; тот, кто упускает из виду потребность в свободе и существование чувства человеческого достоинства; тот, кто поистине верит в Бога, непостижимые пути которого предусматривают покорность для бедняков и благотворительность для богачей, — такой человек может также представить и стремиться к такой технической организации производства, которая обеспечила бы изобилие для всех и была бы в то же время материально выгодной как богачам, так и беднякам. Но в действительности, «общественный мир», основанный на изобилии, останется недостижимой мечтой – до тех пор, пока общество будет разделено на антагонистические классы: предпринимателей и наемных работников. И в таком обществе не будет ни мира, ни благосостояния.

Указанный антагонизм имеет более духовную, нежели материальную причину. Между работниками и их господами никогда не возникнет искреннего взаимопонимания в деле лучшего использования природных богатств в интересах человечества, поскольку господа всегда будут хотеть оставаться господами и стремиться к сохранению своей власти за счет рабочих, а также путем конкуренции с другими собственниками, а рабочие всегда будут сыты по горло капризами своих господ!

[Наши друзья] даром тратят время, говоря нам, что неполная свобода всегда лучше, чем жестокий и неограниченный деспотизм; что ограничение рабочего дня, установление заработной платы, позволяющей трудящимся жить не как вьючные животные, и защита прав женщин и детей более предпочтительны, чем эксплуатация человеческого труда до крайней степени изнеможения; что государственная школа, какой бы плохой она ни была, с точки зрения морального развития ребенка всегда лучше, чем школы, управляемые попами и монахинями, ... ибо мы полностью согласны с ними. И мы также согласны, что при определенных обстоятельствах итоги национальных или местных выборов могут иметь хорошие или дурные последствия, и что их результат может зависеть от голосов анархистов, если силы противоборствующих партий приблизительно равны.

В большинстве случаев – это иллюзия; когда выборы носят достаточно свободный характер, их единственное значение – чисто символическое: они указывают на состояние общественного мнения, которое могло бы быть прояснено и более эффективными мерами, если бы не существовало канала в виде выборов. Но это несущественно; даже если некоторые минимальные улучшения и были прямым следствием победы на выборах, анархисты не должны стекаться в кабины для голосования или прекращать проповедовать свои методы борьбы.

Так как никто в этом мире не может достичь всего, следует выбирать четкую линию действий.

Всегда существует определенное противоречие между незначительными улучшениями, удовлетворением сиюминутных потребностей – и борьбой за лучший общественный строй. Люди, посвятившие себя делу возведения общественных уборных и фонтанов для питья там, где в них существует потребность, или строительству дороги, либо сооружению муниципальной школы, или же принятию второстепенного закона о защите прав рабочих, или избавлению от жестокого полицейского, – такие люди, возможно, действуют целесообразно, используя избирательный бюллетень, поддерживая то или иное влиятельное лицо на выборах. Но в таком случае – поскольку они желают быть «практичными», им **следует идти до конца; таким образом, вместо того чтобы голосовать за оппозиционную партию или за партию, чьи идеи отвечают зову своего сердца, не лучше ли избрать кратчайший путь и поддержать правящую партию, став исполнителем воли префекта или мэра?** И действительно, новообращенные парламентаристы, о которых идет речь, на деле не предлагают поддерживать на выборах наиболее «прогрессивную» партию; они выступают за поддержку тех политических сил, которые имеют наивысший шанс быть избранными... Но, в таком случае, к чему все это приведет?

На протяжении всей человеческой истории мы можем видеть, что недовольные, угнетенные, бунтари, прежде чем представить себе и возжелать радикальных изменений политической и общественной организации, ограничиваются частичными требованиями, уступками со стороны власть имущих, и всяческими улучшениями условий жизни. Надежда на достижение изменений путем реформ, а также вера в их эффективность, постепенно переходят в убеждение, что уничтожение господства правительства или правящего класса требует преодоления условий его существования, а стало быть, революции.

В обычное время реформы или проводятся, или же нет, и если они проводятся, их ход либо усиливает правящий режим, либо подрывает его основы; содействует началу революции или препятствует ему; благоприятствует или мешает общественному развитию, в зависимости от своих особых черт, состояния общественного духа в момент проведения реформ, и, прежде всего, – способа, которым они были потребованы или добыты народом.

Правительства и господствующие классы, естественно, всегда следуют собственному инстинкту самосохранения, закрепления и усиления своей власти и привилегий; **и если уж они согласились на проведение реформ, то это означает, что они либо считают их своим собственным делом, либо не ощущают в себе достаточно сил для**

сопротивления реформам и идут на уступки, опасаясь худшего в случае отказа.

Угнетенные же могут требовать и приветствовать нововведения как милостиво дарованное свыше благо, признавая законность власти, стоящей над ними, и, таким образом, причиняя себе же больше вреда, чем пользы, задерживая, отклоняя в сторону, или даже приостанавливая процесс общественного освобождения. Либо же, они могут требовать и проводить в жизнь необходимые общественные изменения своими усилиями, **приветствуя их как частичные победы над классовым врагом, используя их как исходную точку для еще более великих побед.** Тогда такие реформы могут быть важной поддержкой и подготовкой в деле всеобщего ниспровержения режима привилегий – то есть, для революции. В определенный момент события достигают точки, после прохождения которой требования угнетенного класса не могут быть удовлетворены властью имущими без серьезной угрозы для своего господства. Тогда неминуемо происходит вооруженное столкновение между обеими сторонами.

Таким образом, неверно, что революционеры всегда и везде должны выступать против временных усовершенствований, против реформ. Они выступают против реформистов, с одной стороны, потому, что методы последних менее эффективны в деле требования реформ от правительств и капиталистов, способных пойти на уступки только под воздействием страха. С другой стороны, это вызвано тем, что реформы, которые так прославляют реформисты, зачастую не только сомнительны с точки зрения непосредственных выгод для рабочих, но и служат укреплению существующего режима, привлекая рабочих к поддержанию его существования через материальный интерес. Таковы, например, государственные пенсии, фонды страхования, программы участия в прибылях в сельскохозяйственных и промышленных предприятиях и т.п.

Не считая того, что само это слово стало для нас неприятным, после того как политики злоупотребили им и дискредитировали его, анархизм всегда был, и никогда не мог не быть, **«реформистским»**. Мы предпочитаем термин «направленный на общественные преобразования» (*reformative*), дабы избежать возможного смешения с теми, кого сейчас официально называют **«реформистами»** — теми, кто стремится, посредством малозначительных и часто преходящих изменений сделать существующие порядки более терпимыми (*и, вследствие этого, содействует их укреплению*); или же теми, кто искренне верит в возможность уничтожения существующих ныне общественных зол при одновременном уважении и признании тех политических и экономических учреждений, которые являются одновременно причиной и опорой этих зол. Но, в любом случае, всегда существует вопрос о реформах, и основное различие между нами и ними состоит в том, к каким именно реформам мы стремимся и каким путем мы желаем их достичь. В историческом смысле этого слова, революция означает радикальное преобразование (реформу) существующих учреждений, достигнутое в кратчайшие сроки посредством вооруженного восстания народа против существующих властей и привилегированных классов; и мы – революционеры и повстанцы потому, что мы желаем не просто улучшить существующие учреждения, но коренным образом уничтожить их, преодолеть любые формы господства человека над человеком, любое паразитирование на человеческом труде. Мы – революционеры, так как мы ходим достичь этого как можно скорее, и потому что мы считаем, что учреждения, порожденные насилием, поддерживают свое существование

путем насилия, и только ответное насилие может их уничтожить. Но революция не произойдет по одному нашему хотению. Следует ли нам ждать ее, бездействуя, дожидаясь, пока положение не созреет для этого?

Но даже после успешного восстания, можем ли мы надеяться мгновенно осуществить все наши желания и перейти от капиталистического и этатистского ада в либертарно-коммунистический рай на земле, в состояние полной свободы человека в пределах желаемой нами общности интересов с другими людьми?

Такие иллюзии могут питать лишь авторитарии, рассматривающие массы в качестве пассивного сырья, которому обладатели государственной власти могут придавать нужную форму с помощью декретов, поддерживаемых пулями и кандалами. Но среди анархистов нет тех, кто следует этим иллюзиям. Мы стремимся к тому, чтобы наши идеи были усвоены народом в целом, поэтому мы должны убеждать его пропагандой и собственным примером, содействовать его образованию и изменению общественной среды таким образом, чтобы это образование охватило как можно большую массу народа...

Мы – реформаторы в настоящем постольку, поскольку мы стремимся к созданию наиболее выгодных условий и как можно более многочисленной среды просвещенных борцов анархизма, с тем, чтобы народное восстание завершилось успехом. Мы будем реформаторами завтра, когда произойдет победоносное восстание, и будет достигнута свобода, так как мы будем стараться всеми средствами, которые нам предоставят условия общественной свободы, т.е. путем пропаганды, собственным примером и вооруженным сопротивлением против всех, кто пожелает ограничить нашу свободу, привлечь к нашим идеям все больше и больше людей.

Но мы никогда не признаем существующие учреждения; мы добьемся или вырвем силой все возможные реформы – так, как освобождают захваченные врагом земли, чтобы потом перейти в наступление; мы навсегда останемся врагами любого правительства – будь то монархия сегодняшнего дня, или республиканский либо большевистский режим в будущем.

Синдикализм и анархизм

1925, источник: [здесь](#). Малатеста подымает вопрос организаций и народных масс, говорит о важности рабочего движения, анархо-синдикализме, синдикализме как способе устройства общества, который он критикует за воссоздание авторитарных структур (видимо, речь идет о разделении труда, который порождает социальные классы), синдикализме как методе борьбы, который автор критикует за реформизм. Напомним тем не менее, что Малатеста никогда не выступал против рабочего движения, а зачастую и был практиком в рабочей среде. Посыл статьи таков: всегда стоит быть аккуратным при привлечении масс, так как рост организации зачастую размывает ее идеи и ставит на путь реформ.

Отношения между рабочим движением и прогрессивными партиями — старая и изношенная тема. Но она как никогда актуальна, и потому будет оставаться таковой; с одной стороны, большинство людей беспокоятся о насущных потребностях и руководствуются стремлениями, порой страстными, но всегда расплывчатыми и неопределенными, к лучшей жизни, а с другой стороны лица и партии, которые имеют конкретное представление о будущем и средствах для его достижения, но их планы и надежды обречены оставаться недостижимыми утопиями до тех пор, пока они не завоюют поддержку народных масс. И эта тема приобретает большую важность сейчас, когда, после бедствий войны и послевоенного периода, все готовятся, хотя бы в мыслях, к возобновлению деятельности, которая должна последовать за падением тирании, которая до сих пор рвёт и мечет *[по всей Европе]*, но начинает трепетать. По сей причине, я постараюсь разъяснить, каким, на мой взгляд, должно быть отношение анархистов к трудовой организации.

На сегодняшний день, я уверен, нет никого, или почти никого среди нас, кто отрицал бы полезность и необходимость для рабочего движения, и многочисленных средств материального и морального развития, и плодородной почвы для пропаганды, а также необходимой силы для социальных преобразований, которые и являются нашей целью. Нет больше никого, кто не понимает, что организация рабочих значит для нас анархистов больше, чем для кого-либо кто, верит как и мы, что новая социальная организация не должна и не может быть продиктована новым правительством посредством силы, но должна проистекать из свободного сотрудничества всех.

Более того рабочее движение в настоящее время является важным и универсальным учреждением. Надо быть сообщниками угнетателей чтобы противостоять ему, а игнорировать его — значит закрыть себе доступ к повседневной жизни людей и обречь нас на бесконечное бессилие. Все же, в то время как каждый или почти каждый из тех, кто согласен с тем, что активное участие анархистов в рабочем движении является полезным и необходимым, готов быть их сторонниками и оказывать поддержку, мы часто расходимся между собой во мнениях по поводу методов, условий и ограничений такого участия.

Множество товарищей желают, чтобы рабочее и анархистское движения, были бы одним и тем же, где у них была бы возможность, к примеру, в Испании и Аргентине, и даже до некоторой степени в Италии, Франции, Германии, и т.д. — попытаться предоставить организациям рабочих понятную анархистскую программу. Эти товарищи известны как «**анархо-синдикалисты**», или, если они смешаны с другими, которые в действительности — не являются анархистами, называют себя «**революционными синдикалистами**». Здесь необходимо некоторое объяснение значения слова «синдикализм». Если поставить вопрос о том данный термин подразумевает в перспективе, то под синдикализмом понимается форма социальной организации, которая должна заменить капитализм и государственную организацию; и, следовательно, это слово, служит только для того, чтобы сбивать с толку или это что-то отличное от анархии и поэтому не может быть общепринятым среди анархистов.

Фактически, среди идей и предложений о будущем, которое некоторые синдикалисты выдвинули, есть некоторые, которые являются искренне анархистскими. Но есть другие, которые, под другими названиями и иными формами, воспроизводят авторитарную структуру, которая лежит в основе причины бед, по поводу коих мы теперь возражаем, и которые, поэтому, не имеют никакого отношения к анархии. Но это — не синдикализм как социальная система, с которой я хотел бы иметь дело, потому что это — не то, что может определить текущие действия анархистов в отношении рабочего движения.

Здесь я имею дело с рабочим движением под контролем капиталистического и государственного режима и наименование «синдикализм» включает рабочие организации и всевозможные союзы созданные, для того чтобы противостоять угнетению начальников, а также уменьшить или совсем уничтожить эксплуатацию человеческого труда владельцами сырья и средств производства. Теперь я говорю, что эти организации не могут быть анархистскими и что нет оснований, утверждать, что они таковы, потому что, если они ими были, их замыслы потерпели бы крах и не послужили бы конечным целям, которые эти анархисты, участвующие в их достижении, предлагают.

Союз создан для защиты повседневных интересов работников и улучшение условий настолько, в максимально возможной степени, до тех пор, пока у них не появится хоть какая-то возможность свершить революцию и тем самым поменять нынешних батраков на свободных рабочих, свободно объединяющихся во имя общего блага.

Для объединения, чтобы служить своим собственным целям и в то же время действовать как средство образования и плацдарм для пропагандистской работы, нацеленной на радикальные социальные перемены, необходимо собрать вместе всех рабочих — или, по крайней мере, тех из них, которые следят за улучшением их условий, и быть в состоянии оказывать некоторое сопротивление начальству. Можно ли ожидать от всех рабочих того, что они станут анархистами, прежде чем их призвать к самоорганизации и прежде чем принять их в организацию, тем самым обращая вспять естественный порядок пропаганды, психологического развития и формирования организации сопротивления, когда в этом уже нет никакой необходимости, с того момента когда массы уже в состоянии совершить революцию?

В таком случае объединение было бы копией анархистского формирования и было бы бессильно или же получило некоторые улучшения, или смогло бы сделать революцию. Или оно само по себе могло бы содержать реализацию анархической программы с формальной, неосмысленной поддержкой, объединять людей, которые следуя стадному инстинкту, идут за организаторами, и только стараются перейти на сторону врага при первом же случае, когда их попросят доказать, что они действительно являются настоящими анархистами.

Синдикализм (*под которым я подразумеваю практическую разновидность, а не теоретическую, которую все подгоняют под себя*) является реформизмом по своей сущности. Это вытекает из того, что реформы достигаются и реализуются таким путем, который служит и революционным образованием, и пропагандой, и оставляет свободным путь для удовлетворения даже больших запросов. Любое слияние или недоразумение между анархистами, революционным движением и синдикалистами заканчивается созданием либо беспомощного объединения, содержащего свои специфические цели, либо заглушающего с фальсификацией и угасанием анархического духа. Объединение может возникать вместе с социализмом, революционной или анархической программой. А новые программы являются, по сути, теми из которых берут свое начало различные рабочие программы. Но это пока объединения слабые и следуют программе, и пока они остаются пропагандистскими группами, организованными и управляемыми ревностным и преданным идее человеком, а не организациями готовыми к эффективным действиям. Позже когда они смогут привлечь массы и наберутся силы для требования улучшений, первоначальная программа станет бесполезной и на неё никто не будет более обращать внимание. Так как, тактика адаптирована под нужды данного момента и энтузиасты, которые были таковыми до настоящего времени, сами подстроятся под него, либо уступят место тому «практичному» человеку, который живет в них сейчас и не думает о потом.

Ужасные бандиты

1913, источник: [здесь](#). Эррико Малатеста размышляет о преступности, о ее причинах, о бандитах, прикрывающихся светлыми идеями и том, как наши враги используют такие эпизоды.

Кажется, что сегодня уже поздно говорить об этом, но пока мы имеем дело с действиями и обсуждениями, которые происходили неоднократно в прошлом, и будут повторяться в будущем, а причины, которые их вызывают не исчезнут — предмет остается актуальным.

Несколько человек украли и, чтобы украсть, убили; они убили наугад, не разбирая, кто стоит между ними и деньгами, за которыми они пришли. Неизвестные им убитые, не столько их жертвы, сколько жертвы плохой социальной организации.

На самом деле, в этом нет ничего необычного: это горькие плоды, созревающие на дереве привилегий при нормальном ходе событий. Когда вся общественная жизнь окрашена мошенничеством и насилием; когда рожденный бедным осужден на все виды страданий и унижений; когда деньги это что-то необходимое для удовлетворения наших потребностей и уважения к нашим личностям, а многие люди не могут получить честного и достойного труда, не стоит удивляться, что несколько несчастных, уставших от хомута, черпая вдохновение в буржуазной морали, но неспособными присваивать чужой труд под защитой жандармов, незаконно берут его из под носа у последних. Так как они не способны снаряжать военные экспедиции и продавать яд под видом еды, они убивают напрямую револьверами и кинжалами.

Но «бандиты» называют себя анархистами, чтобы придать своим действиям важность и символическое значение, которого у них нет.

Буржуазия использует впечатление, произведенное такими действиями, чтобы очернить анархизм и укрепить свою власть. Полиция, которая часто бывает тайным зачинщиком подобных подвигов, использует их, чтобы укрепить свою значимость, утолить свои инстинкты убийц и перевести стоимость пролитой крови в звонкую монету и акции. Более того, когда речь заходит об анархизме, множество наших товарищей чувствуют себя обязанными не отрицать того, что называют себя анархистами. Многие, очарованные красочностью приключений, восхищенные храбростью главных героев, не видят в этом ничего кроме восстания против закона, забывая задавать вопросы «как» и «зачем».

Но мне кажется, что для того чтобы определить наше поведение и советовать его другим, важно изучать вещи спокойно, оценивать их в соответствии с нашими устремлениями и не предавать эстетическому впечатлению важность большую, чем оно имеет в действительности.

Можно быть уверенным, что эти люди храбрые, а храбрость (которая возможно, не более чем хорошее физическое здоровье), если отбросить страх противоречий,— восхитительное качество. Но она может быть использована как во зло, так и во благо. Мы видели храбрецов как среди мучеников свободы, так и среди самых одиозных тиранов. Храбрость есть и у мафиози, солдат и полицейских. Обычно мы правильно определяем героев, как людей, рискующих своей жизнью ради добра, а к тем, кто использует свою храбрость для того чтобы творить зло, мы относимся как к бесчувственным и кровожадным скотам.

Я не буду отрицать красочность этих эпизодов и даже, в определенном смысле, их эстетическую красоту. Но уважаемым поэтам «красивого жеста», лучше было бы немного подумать.

Автомобиль, идущий на полной скорости, управляемый людьми вооруженными Браунингами, который сеют смерть и страх на своем пути, более современен, но не более красочен, чем разбойник в шляпе с перьями, грабящий караван странников или закованного в броню барона, собирающего дань с общинников, и точно не стоит большего. Если бы у итальянского правительства были не только опереточные генералы и ворующие руководители, то они, наверное, провели бы успешную военную операцию в Ливии. Но стала бы из-за этого война менее преступной или нравственно отвратительной?

Но эти бандиты не были обычными преступниками, по крайней мере, не все.

Среди этих «воров» были дезориентированные идеалисты; среди «убийц» были героические личности, которые при других обстоятельствах, вдохновленные другими идеями, возможно, проявили бы себя таковыми. Бесспорно, для всех, кто бы их не знал, что эти люди были озабочены идеями, и что если они свирепо реагировали на среду и стремились с красивым безумством удовлетворять свои страсти и желания, это делалось под влиянием концепции жизни и борьбы.

Но анархистские ли это идеи? Могут ли эти идеи, даже если допускать наиболее широкую трактовку смысла слов, быть спутаны с анархизмом или они находятся в противоречии с ним? Это вопрос.

Анархист, по определению, это тот, кто не хочет быть угнетаемым или угнетателем. Тот, кто стремиться к максимальному благополучию, свободе и процветанию для всех людей.

Его идеи, его желания берут начало от чувства симпатии и уважения ко всем живым существам, чувства настолько сильного, что оно заставляет желать счастья всем так же как и себе, и отказаться от собственной выгоды в ущерб другим. Если бы этого чувства не было, то зачем бы ему быть противником угнетения и не искать возможности стать угнетателем?

Анархист знает, что человек не может жить вне общества. Напротив, человек может существовать только потому, что он несет, объединенный в нем, результат труда бесчисленных прошлых поколений, и всю жизнь получает выгоду от сотрудничества с современниками.

Он также знает, что деятельность каждого прямо или непрямо влияет на жизнь всех, и таким образом узнает великий закон солидарности, который управляет обществом также как и природой. И так как он желает свободы для всех, он должен хотеть, чтобы деятельность, направленная на это была солидарной, а не несознательным и насильно навязанным и принятым, оставленным на волю случая или используемым для получения прибыли в ущерб другим. Она должна стать сознательной и добровольной, и проявляться в равных преимуществах для всех.

Можно быть или угнетателем, или угнетаемым, или же сотрудничать для общего блага: другой альтернативы нет. Анархисты, естественно – и по-другому быть не может – за свободное и согласованное сотрудничество.

Так что давайте не философствовать и не говорить об эгоизме, альтруизме и прочих загадочных вещах. Мы с удовольствием согласимся: мы эгоисты. Все мы ищем удовлетворение для себя, но анархисты это те, кто находит наибольшее удовлетворение в борьбе за всеобщее благо, за общество, в котором каждый будет чувствовать себя братом среди братьев, среди людей, которые здоровы, умны, образованы и счастливы. Тот, кто может быть удовлетворен жизнью среди рабов, кто может извлекать прибыль из труда рабов, тот не анархист и не может им быть.

Есть сильные, умные, страстные люди, имеющие большие материальные или интеллектуальные потребности, поставленные в ранг угнетаемых, желающие любой ценой освободить себя, они без колебания могут стать угнетателями. Эти люди, находя себя заблокированными современным обществом, приходят к ненависти и отрицанию любого общества, но понимая абсурдность желания жить вне коллектива, хотят подчинить всех своей воле для удовлетворения своих потребностей. Иногда они бывают очарованы литературой и называют себя «Сверхлюдьми». Они беспринципны и хотят «жить своей жизнью». Насмехаясь над революцией и всеми надеждами на будущее, они хотят наслаждаться моментом любой ценой и всех презирают. Они пожертвовали бы всем человечеством за час – как они это называют – «насыщенной жизни».

Они бунтари, но не анархисты. В них есть дух буржуазных дельцов, и если они добиваются успеха, то становятся настоящими буржуа, и не самыми ужасными из них.

В ходе борьбы мы иногда видим их на нашей стороне, но мы не можем, не должны и уж точно не хотим путать себя с ними. И они это хорошо знают.

Но многие из них любят называть себя анархистами. Это правда и это прискорбно.

Конечно же, мы не можем препятствовать тому, чтобы они как-либо себя называли, но с нашей стороны мы не можем отказаться от названия, в котором соединены все идеи, принадлежащие нам логически и исторически. Все, что мы можем сделать, это убедиться, что в этом вопросе нет неразберихи или сделать ее как можно меньше.

Однако мы должны постараться выяснить, почему происходит так, что люди со стремлениями противоположными нашим могут присвоить название, полностью отрицающее их идеи и чувства.

Выше я ссылался на подозрительные маневры полиции и мне будет легко доказать, что некоторые отклонения, которые они пытаются приписать анархистам, появились в полицейских логовах несправедливости: Андри,

Горон и им подобные.

Когда анархизм стал появляться и набирать обороты во Франции, полицейским пришла в голову блестящая идея, достойная самого изворотливого из иезуитов, бороться с движением изнутри. С этой мыслью они отправили к анархистам провокаторов, которые надели ультрареволюционные маски и успешно спародировали анархистские идеи, сделали их гротеском, чем-то диаметрально противоположным тому, чем они являются на самом деле. Они основали газеты финансируемые полицией, провоцирующие безумие и преступления, которые затем предъявляются как анархистские, чтобы скомпрометировать наивных и искренних молодых людей, которые в скором времени, с помощью буржуазной прессы, убедят большую часть общества, что все то, что они делают это анархизм. И у наших французских товарищей есть серьезный повод полагать, что эти маневры полиции все еще имеют место и прямое отношение к тому, о чем мы говорим в этой статье. Иногда события превосходят намерения провокаторов, но все равно, играют им на руку.

К этому полицейскому влиянию стоит добавить еще одно, менее отвратительное, но не менее вредное. В то время как политические убийцы привлекают общественное внимание к анархистским идеям, акулы пера все время ищущие модную тему и сенсационные парадоксы, сами склоняют их к анархизму. И так как они буржуа по менталитету и образованию, с буржуазными устремлениями, они делают анархизм таким, чтобы он заставил вздрогнуть впечатлительных девушек и пресыщенных старых дам, но не имеющих ничего общего с освободительным движением масс, которое он может спровоцировать... Они были талантливыми людьми и писали хорошо, часто продвигая те вещи, которых не понимали... ими восхищались. В данный момент, не говорили ли в Италии, что Габриэле Д'Анунцио стал социалистом?

Вскоре эти «интеллектуалы» вернулись в буржуазное лоно, чтобы испытать цену приобретенной славы, показывая, что они все еще те, кем и были: ищущие известности литературные авантюристы. Но вред был причинен.

Я сказал достаточно и должен завершить. Завершу я, дав совет тем, кто хочет «жить своей жизнью» и не думать о жизни других.

Воровство и убийство — опасные средства и, обычно, не самые прибыльные. На этом пути вы сможете достичь лишь тюрьмы или расстанетесь с головой на гильотине – особенно, если вам хватает наглости привлекать внимание полиции, называя себя анархистом и часто встречаясь с анархистами.

Едва ли это выгодное дело.

Молодому, энергичному и беспринципному легко пробиться среди буржуазии. Пусть они используют законное воровство и убийства, чтобы стать буржуа. Это они делают лучше, и если у них действительно есть интеллектуальные симпатии к анархизму, то пусть лучше

избавят себя от неудовольствия причинять вред тому, что им дорого – интеллектуально.

Что делать?

1922, источник: [здесь](#). “Что делать?”. Конец 1922 года. Италия во власти фашистов (фактически, но в скором времени и формально). Рабочее движение подавляется силами реакции. Эррико Малатеста рассказывает об этом периоде стагнации и свойственных ему бесполезных спорах, размышляет о ценности интернациональной поддержки, подпольной работе организаций и революционной работе в период реакции. Что делать? Читать статью!

“Что делать?” — этот вопрос в той или иной степени всегда беспокоил умы людей, борющихся за идеал, а также непременно всплывал в наиболее кризисные моменты, когда упадок и крушение иллюзий заставляют пересмотреть принятую ранее тактику, взглянуть критически на возможные ошибки и найти более эффективные способы достижения цели. Товарищ Ауткаст был прав, вновь поднимая этот вопрос и взывая сподвижников подумать и решить, что делать.

Сегодняшняя ситуация видится трудной, а кое-где даже ужасающей. Однако, тот, кто был анархистом ранее, останется им до конца. Хотя многочисленные поражения ослабили нас, мы приобрели ценный опыт, который преумножит эффективность наших действий, если мы сможем правильно воспользоваться им. Предательства же были редки в нашем лагере, и они, в конце концов, принесли нам пользу, избавив от слабых и ненадежных людей.

Итак, что делать?

Я не собираюсь подробно останавливаться на беспорядках, направленных против итальянских реакционеров. Мы надеемся на исключительную полезность всего, что поможет мировому пролетариату узнать об истинной ситуации в Италии, а также о невероятных бесчинствах, которые буржуазные жандармы совершали и продолжают совершать, дабы подавить и уничтожить освободительное движение. Мы следим за международной волной протеста против фашизма, имевшей место 18 числа этого месяца (18 августа 1922 – прим. перев.) в Нью-Йорке, и мы уверены, что наши друзья и все те, у кого есть чувства свободы и справедливости, сделают все возможное: в Америке, Англии, Франции, Испании...

Однако все то, что должно свершиться в Италии, предстоит осуществить нам. Кроме того, необходимо иметь в виду вспомогательные силы; важно не надеяться на сверхмеры других, а искать источник силы в себе и в собственной работе.

За последние годы многие авангардные партии, как и мы, пришли к необходимости объединенных действий, и поэтому мы несколько разочарованы. Должны ли мы по этой причине изолироваться от них, следует ли нам уберечься от контактов, способных запятнать нас, и залечь на дно, начав действовать только тогда, когда мы обретем необходимую силу, и исключительно во имя нашей программы?

Я думаю, нет.

Так как мы не можем совершить революцию самостоятельно (к примеру, наших сил не достаточно, чтобы привлечь количество народных масс, необходимое для победы), и не важно, сколько мы ждем – люди сами по себе не станут анархистами до того момента, как начнется революция. Мы будем вынуждены оставаться меньшинством долгое время. До тех пор, пока мы не сможем воплотить наши революционные замыслы в жизнь, отказавшись от сотрудничества с другими и выждав время, до тех пор, пока мы не станем достаточно сильны. Мы более не ратуем за спешку, несмотря на громкие слова и радикальные намерения, и отказываемся начинать, освобождая себя от необходимости делать всю работу за один присест.

Я знаю очень хорошо (а если бы и не знал, то понял бы это вскоре), что мы – анархисты — одиноки в своей жажде революции во имя добра и в кратчайшие сроки, за исключением некоторых индивидов или групп, мусолящих удила дисциплины авторитарных партий, но остающихся в их рядах в надежде, что партийные лидеры однажды решатся выступить против существующего порядка. Однако, я также знаю, что обстоятельства зачастую бывают сильнее человеческой воли, и настанет день, рано или поздно, когда нашим собратям придется отважиться на последнюю битву, если они не хотят бесчестной смерти своих партий (со всеми идеями, традициями и лучшими намерениями), что было бы прекрасным подарком для монархии. В нынешней ситуации они могут быть вовлечены исключительно необходимостью защищать свою свободу, свое имущество, свои жизни.

Поэтому мы всегда должны быть готовы поддержать тех, кто готов действовать, даже если это сопряжено с риском столкнуться с одиночеством и предательством в будущем.

Помогая другим, мы стараемся использовать их силы и диспозиции, извлечь выгоду из каждой возможности, однако мы должны всегда оставаться собой и искать удобную позицию, чтобы сделать наше влияние весомым, ощутимым и пропорциональным нашей силе.

На этой ступени нам важно иметь договоренность друг с другом, приложить все усилия настолько, насколько это возможно.

Пусть другие не понимают и поливают грязью наши цели по причинам, которые мы не будем называть. Все те товарищи, которые готовы взяться за дело, должны сами решить, что лучше для них.

Сейчас, во время депрессии и стагнации, мы страдаем от рецидива крохоборства и казуистики; многим нравится обсуждать, являемся ли мы партией либо движением, или же нам только предстоит объединиться, и тому подобные пустяки. Возможно, мы вновь услышим старую песню о том, что у политической группы не должно быть ни секретаря, ни казначея, однако корреспонденцию и общие деньги все же придется кому-то доверить. Мелочные педанты на словах способны на все, однако пусть практичные люди занимаются своими делами, а добросовестные (и не очень) крохоборы пусть варятся в собственном соку.

Так пусть каждый делает, что хочет, и объединяется, с кем пожелает. Главное, все же – это действие.

Ни один добросовестный и здравомыслящий человек не станет отрицать, что эффективное действие требует соглашения, объединения и организации.

В настоящее время реакционные силы стараются задушить любое общественное движение, и очевидно, что движения склоняются к необходимости «уходить в подполье», как говорят русские.

Мы вновь возвращаемся к необходимости тайных организаций, что само по себе прекрасно. Однако, тайная организация не может охватить все и включить в себя всех.

Нам нужно сохранить и улучшить наши связи с народом, нам необходимо искать новых последователей посредством пропаганды, нам следует удержать в наших рядах тех, кто не подходит для тайной организации, а также тех, кто сможет «закамуфлировать» её, предотвращая чрезмерную известность. Следует также помнить, что для членства в тайном обществе подойдут люди, чьи убеждения неизвестны противнику, а также те, кто сможет работать, находясь вне подозрений.

Поэтому, я полагаю, ничто из того, что было сделано, не должно быть разрушено. Разве что, некоторые моменты могли бы быть приведены в соответствие с текущими потребностями.

И не надо ждать, пока кто-то другой проявит инициативу, пусть каждый займется своим делом, на своем месте, а затем попытается, приняв меры предосторожности, скоординировать свои усилия с другими энтузиастами, чтобы достигнуть соглашения по поводу всеобщих действий.

Сегодня – это время депрессии, это правда. Однако история движется быстро, так будем же готовы к грядущим событиям.

Парижская коммуна

1900, источник: [здесь](#), пер. с англ. - Панда.

18 марта 1871

Известный историк Леки говорил, что нередко легенда оказывается более правдивой, чем история. Утверждая это, он в несколько парадоксальной форме выражает верное и глубокое понимание.

Легенда более правдива и интересна, чем история, поскольку история тщательно пытается установить твердые факты об обстоятельствах, событиях и личностях. Ей с трудом удается установить истину среди сложности всегда неадекватных элементов и противоречивых свидетельств. Легенда же, формируясь бессознательно и выражая не факт, а то, как люди видели факт, раскрывает состояние ума народа, внутренний смысл исторического момента.

Это произошло с революционным движением, известным как Парижская коммуна, которое вспыхнуло 18 марта 1871 года и было подавлено кровью в мае того же года. Еще до того, как был установлен хотя бы один достоверный факт, каждый человек интерпретировал его в соответствии со своими желаниями; и легенда разлетелась по всей Европе и миру, оказав гораздо большее влияние, чем могло бы оказать точное знание фактов. Результат таков: Парижская коммуна присвоена всеми социалистами мира, хотя на самом деле она не являлась социалистическим движением; она провозглашена всеми анархистами, хотя не была анархистским движением.

В 1871 году умы были полностью готовы придать парижскому движению то значение, которое ему было придано; и, скорее всего, если бы репрессии не смогли подавить его в зародыше, оно действительно стало бы тем, чем его считали с самого начала.

Реакционная сила, родившаяся из поражения европейской революции 1848 года, исчерпалась, и все чувствовали, что настало время для новой революции.

Бессилие «либеральных» принципов, оставленных в наследство потомкам Французской революции в конце прошлого века, стало очевидным; новые идеи, новые устремления воодушевляли массы. «Социальный вопрос» стал главным вопросом. Рождение и быстрое возвышение Интернационала, ставшее следствием и одновременно причиной этой ситуации, породило у одних надежды, а у других опасения в связи с грядущими радикальными политическими и экономическими изменениями.

В этот момент разгорается франко-прусская война. Все висит на волоске; все с тревогой следят за ходом сражений и делают прогнозы о том, что будет после войны: напряжение в

умах людей только усиливается.

Когда французская армия потерпела поражение, а императора взяли в плен, консервативные и реакционные элементы приняли республику как единственное возможное решение на данный момент, но с твердым намерением либо восстановить монархию как можно скорее, либо обеспечить, чтобы республика не отличалась от монархии. Народ, ошеломленный грохотом войны и обескураженный поражениями и предательствами, имевшими свое продолжение и при республике, и при империи, колеблется между надеждой, страхом и подозрением.

Жители Парижа хотят сражаться с осаждающим врагом, но их обманывают, предают и побеждают в частичных вылазках, которые или казались, или действительно были организованы специально для того, чтобы потерпеть поражение; они подвергаются позорной капитуляции.

Провинциальные избиратели назначают ассамблею, состоящую из всех самых реакционных элементов феодальной и милитаристской Франция. Эта ассамблея, заклеенная названием «сельская», спешит принять все условия мира, навязанные Бисмарком, и готовится подчинить Францию правлению сабли и асперсориума[1].

Хватит.

Революционные элементы начинают объединяться; рабочие Парижа, Лиона, Марселя рвутся в бой, отчасти из-за глубокого экономического беспокойства, отчасти из-за патриотических чувств, оскорбленных предательством и некомпетентностью военного и гражданского руководства, и отчасти из-за ненависти к монархии, восстановление которой представляет угрозу.

Правительство понимает, что для защиты своей реакционной работы Париж необходимо разоружить. В ночь с 17 на 18 марта оно тайно посылает войска для захвата пушек, Национальной гвардии, удерживаемых ею со времен осады; но попытка обнаруживается, поднимается тревога; солдаты национальной гвардии, проснувшись от испуга, бросаются защищать свои пушки; сопровождавшие их женщины бросаются в середину войск, умоляют их, оскорбляют, обнимают; войска переворачивают свои ружья вверх дулом и братаются с народом. Двух генералов, Томаса и Лекомта, известных палачей, расстреляли, как будто в знак кровного союза мятежных войск с восставшим народом.

На следующее утро, 18 марта, весь Париж потрясен новостью; власти бегут... восстание торжествует.

Когда весть о событиях в Париже разносится по Европе, инстинктивно все революционеры, социалисты, анархисты и республиканцы, рассматривавшее республику как радикальное преобразование социального порядка, все друзья прогресса, чьи щедрые инстинкты не парализовали вера в религиозные и политические догмы, все, от Бакунина до Маркса и Гарибальди, от методичных немецких рабочих до восторженной итальянской революционной молодежи, были на стороне парижан, на стороне Коммуны. А все реакционеры, все правители, палачи и мучители народа - на стороне правительства,

сбежавшего из Парижа в штаб-квартиру в Версале, получившего название версальского правительства. Было больно обнаружить среди последних Джузеппе Мадзини, чьи иератические инстинкты[2] затуманили его разум и сердце.

Революционеры и реакционеры считали несомненным, что в Париже разразилась социальная революция, и с этой убежденностью они судили о движении в соответствии своим тенденциям.

Легенду сотворили одним махом, и это стало счастливым обстоятельством, поскольку она оказала огромное влияние на пропаганду. В каждой стране социалистическое движение (социалистическое в широком смысле этого слова) извлекло из нее пользу, а в некоторых странах, таких как Италия, она почти породила движение. Данное влияние было настолько велико и благотворно, что легенда сохранилась и сохраняется до сих пор, наряду с теперь уже знакомой историей.

Но хотя и хорошо извлекать выгоду из легенды, что по сути означает извлекать выгоду из популярных тенденций, которые материализуются путем идеализации исторической реальности, необходимо также знать фактические обстоятельства, как они были, чтобы извлечь уроки из опыта.

Больше об этом в нашем следующем выпуске.

18 марта - 28 мая 1871 года

Даже простейшие исторические факты, всегда являющиеся результатом тысячи различных факторов, по-разному модифицированных тысячей обстоятельств, никогда не соответствуют идеалам одной партии или школы мысли и не могут вписываться в какую-либо идеологическую классификацию. Это особенно верно в отношении тех великих социальных событий, которые сознательно или бессознательно определяются всеми потребностями, интересами, чувствами и идеями, существующими среди народа. Такие события не планируются и не готовятся какой-либо партией, не провоцируются по их инициативе, а возникают спонтанно в результате обстоятельств и навязываются партиям и идеологам, вынужденным принимать их такими, какими они являются!

Восстание 18 марта и возникшая в результате «Коммуна» были одним из таких событий.

Накануне 18 марта все прогрессивные люди и население крупных городов чувствовали необходимость революции и горячо ее желали.

Но что это была за революция? Какие цели преследовались?

В последние годы империи во Франции широко обсуждался социальный вопрос, и все больше людей осознавали необходимость преобразований, выходящих за рамки политической конституции. Все социалистические идеи и системы, воодушевлявшие умы в течение десятилетия до 1848 года, но подавлены реакцией, вновь стали предметом

обсуждения. Интернационал провозгласил принцип, что освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, и организовывал массы рабочих вне всех буржуазных партий и в оппозиции к ним.

Однако война положила конец всему этому движению. Интернационал во Франции действительно протестовал против войны и подтверждал солидарность между французскими и немецкими рабочими, как и немецкие интернационалисты, но патриотические предрассудки взяли верх, и они не смогли остановить войну. Поражения французской армии, капитуляция в Седане из-за некомпетентности и трусости Наполеона, капитуляция в Меце из-за измены Базена, капитуляция в Париже, где снова подозревали измену, позорный мир после высокомерного хвастовства — перечисленное все больше оскорбляло людей и вызывало националистические настроения. Намерения восстановить монархию, явно продемонстрированные правительством и ассамблеей, привели к тому, что почти все революционные элементы считали единственной важной задачей на данный момент - спасти республику от опасности реставрации.

Среди жителей Парижа преобладало желание установить подлинно республиканское правительство... и возобновить войну с Германией для отомщения. Вдруг неожиданно, после бегства правительства, после неудачной попытки захватить пушки, которые национальная гвардия успешно спасла от пруссаков, Париж оказался хозяином самого себя и с необходимостью заботиться о своей судьбе, защищаясь от попыток репрессий от правительства, скрывающегося в Версале.

Ситуация решалась по мере возможности, но отсутствовало понимание необходимости революционизировать общество, распространить революцию за пределы Парижа, среди крестьян, хотя бы как единственного средства победы в материальной борьбе.

Конечно, некоторые намеревались развить движение в социальную революцию, и народ, как и в любом восстании, одухотворился более или менее смутным стремлением к справедливости и благополучию. Но преобладающей идеей было сопротивление произволу правительства, спасти республику и отомстить за честь Франции.

Провозгласили свободную Коммуну... в основном потому, что не было возможности навязать волю Парижа всей Франции; сразу же было назначено парижское правительство, такое же, как и все остальные... хотя в те дни, когда Париж оставался без правительства — с 18 марта до проведения выборов 3 апреля — он показал, что дела, представляющие общественный интерес, лучше, чем посредством приказов правительства, могут быть выполнены благодаря усилиям всех заинтересованных лиц, через ассоциации и комитеты, не имевшие никаких полномочий, кроме предоставленных им народным одобрением.

Была предпринята попытка заключить мир с правительством при условии, что будет гарантировано существование республики; она провалилась только из-за преступного упрямства правительства, ненависти и желания мести парижанам со стороны бонапартистских генералов (временно выдающих себя за республиканцев), жажды крови и власти морально чудовищного Адольфа Тьера, руководящего исполнительной властью.

В организации вооруженных сил, как в оборонительной, так и в наступательной, следовали старым военным традициям.

Правда, не было скандальных зарплат, как в других правительствах, но принцип привилегий и иерархия зарплат соблюдались: они варьировались от 6 тысяч лир в год, выплачиваемых правителям, до тридцати сольдо в день, выплачиваемых солдатам.

Меры по защите от внутренних врагов Коммуны представляли собой обычные полицейские процедуры: обыски домов, аресты, запрет газет и другие, еще более серьезные нарушения свободы.

Частная собственность строго уважалась. Богатые мирно продолжали владеть своим богатством и даже во время осады, когда царил дефицит, умудрялись пировать и издеваться над бедствиями не только народа, но и тех, кто сражался за Коммуну. Бенуа Малон, член правительства Коммуны (Совета), рассказывает, как федераты (так называли солдат Коммуны), возвращавшиеся с боя растрепанные и окровавленные по богатым улицам, подвергались оскорблениям. Буржуа, сидящими за столиками роскошных кафе, пьющие и курящие, обзывали их тридцатипенсовиками.

Изготовление униформы для солдат передали на субподряд предпринимателям, принуждавшим людей работать за небольшие деньги.

Солдат Коммуны отправили охранять сокровища Банка Франции, где запрашивались ссуды со всеми теми же формальностями и гарантиями, которые использовались в финансовых операциях буржуазных правительств.

Единственные мероприятия, имевшими отдаленное отношение к социализму, были (если память нас не подводит):

- декрет о запрете ночной работы в пекарнях;
- декрет (никогда не вступивший в силу), дававший объединенным в кооперативы рабочим право захватывать заброшенные владельцами фабрики, при условии выплаты компенсации владельцам по их возвращении;
- отсрочка платежей по аренде и долгам, некоторое скудное распределение продовольствия среди голодающих и бесплатное возвращение заложенных вещей минимальной стоимости.

Все то, что может быть сделано (и большая часть чего уже неоднократно делалась) буржуазным и монархическим правительством в интересах самого «общественного порядка» и спокойствия буржуазии.

Наряду с этим — множество деклараций принципов, очень прогрессивных, но никогда не реализованных; красноречивые манифесты французскому народу, крестьянам, народу всего мира, так и оставшиеся словами; символические действия наподобие сноса Вандомской колонны и сожжение гильотины, безусловно, имеющие большую моральную ценность, но не практическое значение.

Вот чем на самом деле была Парижская коммуна.

Учитывая ее участников, предшествующее брожение идей, прерванное, но не уничтоженное войной, учитывая то, как европейская общественность интерпретировала данное движение, что не могло не повлиять на само движение, можно предположить, что, если бы движение не было так быстро утоплено в крови, оно, возможно, превратилось бы в социальную революцию.

Но разве не направление развития стало главной причиной провала Коммуны — даже с военной точки зрения?

Если бы вооруженные отряды парижан до ужесточения осады отважились выйти в сельскую местность, проповедовать экспроприацию и помочь местным жителям ее осуществить, движение распространилось бы, правительство не смогло собрать свои силы и направить их против Парижа.

Если бы в Париже экспроприировали буржуазию, предоставили все народу, то все население заинтересовалось в революции и защищало бы ее; вместо этого, согласно сообщениям самих коммунаров, в боевых действиях участвовало лишь небольшое число жителей, а в последние дни число защитников Коммуны не превышало десяти тысяч.

Коммуна разгромили, и она была подавлена, не сделав того, что могло и должно быть сделано для победы, потому что принцип власти убил ее импульс.

Мы не намерены винить людей за их замечательную самоотверженность, преданность и героизм.

И мы обманывали бы самих себя, если бы утверждали, что вина лежит на «лидерах».

«Лидеры» существуют только до тех пор, пока люди хотят их и терпят; и они такие, какими их позволяют быть люди.

Проблема заключается в самом народе: именно в народе мы должны бороться с культом власти, с верой в необходимость и полезность правительства. Как только это будет сделано, революция сможет победить.

Давайте почтим память мучеников Парижской коммуны, которые, хотя и выбрали неверный путь, отдали свою жизнь за свободу.

Но также давайте поставим себя в такое положение, чтобы сделать лучше, чем они.

Примечания

[1] Каменный или металлический сосуд для святой воды, установленный в притворе христианского храма.

[2] Относящийся к священникам или духовенству.